

ISSN 0868-688 x

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

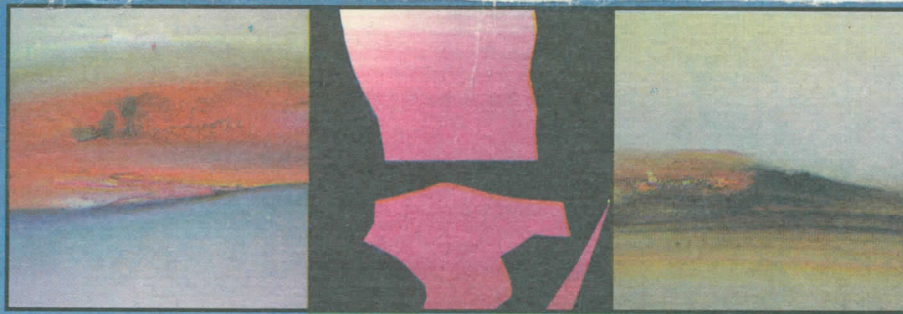
СТОЛИЦА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

861-3-18

№24-25(30-31)
1991г.2руб.

MEDBIOCOR

ЛАБОРАТОРИЯ МЕДИКО—БИОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ

Berliner Lehr- und
Forschungsinstitut für
Dynamische Psychiatrie
und Gruppendynamik der
Deutschen Akademie für
Psychoanalyse (DAP) e.V.

Leitung: Dr. med. Günter Ammon

МЕЖДУНАРОДНАЯ
АССОЦИАЦИЯ
ДИНАМИЧЕСКОЙ
ПСИХИАТРИИ

Принцип творческой реабилитации
заключается в том, чтобы дать
человеку право на творчество,
создать условия для творчества

Президент «Медбиокора» Н. Шатуновский

ЛАБОРАТОРИЯ «МЕДБИОКОР»

- * ПОВЫШЕНИЕ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЧЕЛОВЕКА
- * ИНДИВИДУАЛЬНАЯ И ГРУППОВАЯ МЕДИКО—БИОЛОГИЧЕСКАЯ КОРРЕКЦИЯ
- * ПОМОЩЬ ПАЦИЕНТАМ С ПСИХОСОМАТИЧЕСКОЙ ПАТОЛОГИЕЙ
- * ОЦЕНКА ИНДИВИДУАЛЬНОГО И ГРУППОВОГО ПСИХОСОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА
- * РАЗРАБОТКА НЕСТАНДАРТНЫХ РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ МЕТОДОВ
- * РАЗРАБОТКА БИОМЕХАНИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ РЕАБИЛИТАЦИИ КОСТНО—МЫШЕЧНО—СУСТАВНОГО АППАРАТА ЧЕЛОВЕКА
- * МЕДИКО—БИОЛОГИЧЕСКАЯ КОРРЕКЦИЯ МЕТОДОМ ПСИХОДИНАМИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
- * МАНУАЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ И ДРУГИЕ НЕТРАДИЦИОННЫЕ МЕТОДЫ
- * РАЗРАБОТКА ТЕСТОВ НА ПСИХОДИНАМИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ
- * РАЗРАБОТКА МЕТОДОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗГРУЗКИ ДЛЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И КОЛЛЕКТИВНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

ФИРМА «МЕДБИОКОР»

- * ВОЗРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ И РЕМЕСЕЛ
- * РАЗРАБОТКА ПРОГРАММНОГО И МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЛЯ ВСЕХ ВИДОВ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ И ЭЛЕКТРОННОЙ ТЕХНИКИ
- * ОРГАНИЗАЦИЯ ТУРИСТСКО—ЭКСКУРСИОННОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ, ЭКСПЛУАТАЦИЯ ГОСТИНИЧНЫХ И ТУРИСТСКИХ КОМПЛЕКСОВ
- * ПРОИЗВОДСТВО, ТИРАЖИРОВАНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ АУДИО—, КИНО—, ФОТО— И ВИДЕОПРОДУКЦИИ, ВЫПОЛНЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И ДРУГИХ РАБОТ
- * РЕСТАВРАЦИЯ ПРЕДМЕТОВ ДЕКОРАТИВНО—ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА, МОНУМЕНТАЛЬНОЙ И СТАНКОВОЙ ЖИВОПИСИ
- * РЕДАКЦИОННО—ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПЕРЕВОДОВ
- * РЕКЛАМНО—ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

«MEDISOFT FILM»

ВЫ НИКОГДА НЕ БЫЛИ В ДРУГИХ МИРАХ?
ВЫ НЕ РЕШИЛИ ВСЕХ ПРОБЛЕМ НА ЗЕМЛЕ?
ВЫ НИЧЕГО НЕ СЛЫШАЛИ ОБ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ КОСМОНАВТИКЕ?

НУ И НУ!!!

ОБРАТИТЕСЬ К НАМ ЗА ФИЛЬМОМ «ОКНО В БУДУЩЕЕ» И ВЫ СТАНЕТЕ ОБЛАДАТЕЛЕМ ТОГО, ЧЕГО ВАМ НЕ ХВАТАЕТ В НАСТОЯЩЕМ

Адрес: 129010, г. Москва, проспект Мира, д. 18, комната 220, Медисофт фильм ☎ 352-81-18
Медбиокор ☎ 152-75-29, 155-74-67 ФАКС: /095/2002216, /095/2002217, ТЕЛЕКС: 411700 MEDISOFT

Фото Б. Кремера

Николай
ТРАВКИН:

«МЫ ИСПЕКЛИ СЛОЕННЫЙ ПИРОГ ВЛАСТИ»

Николай Травкин (родился в 1946 году) — народный депутат СССР и РСФСР, председатель Демократической партии России.

— Николай Ильич, почти месяц у России есть Президент, хотя официально он еще не вступил в должность. Продолжаются и комментарии итогов выборов. Все-таки многие ожидали, что понадобится второй тур. А вы, помнится, были уверены, что хватит и одного?

— Да, сомнений в итоге выборов у меня не возникало никогда. Четвертый российский Съезд еще только определялся с кандидатами, а я уже тогда твердо сказал, что Ельцин пройдет в первом же туре и наберет около 56 процентов. Это было не оптимизмом на голом месте, а результатом анализа впечатлений от моих встреч с людьми в разных регионах, от многочисленных поездок по России. То есть мои впечатления появились не с митингов. Мы можем ошибиться в политической температуре, если замкнемся на митингах когда идешь на завод, в институт, встречаешься с людьми, так сказать, в будничной

атмосфере, становится ясно, что большинство голосов принадлежит Ельцину. Вот и весь секрет.

— Вы анализировали итоги выборов?

— Конечно, попытался сразу, по горячим следам. Могу поделиться кое-какими наблюдениями. Во-первых, произошло явное расхождение между опасениями реформаторов по поводу психологической заикленности населения и реальным положением дел. И, кстати, эти опасения мешают нам уже не первый год. Мы все время переоцениваем эту заикленность: дескать, народ не готов к восприятию радикальных шагов. И нас это постоянно сдерживает от решительных и позарез необходимых действий. Достаточно проследить целый ряд как союзных, так и российских решений: вспомните хотя бы, как мы осторожно все время о земельной реформе говорим... «Народ не готов!»

— Но об этой «неготовности», видимо, свидетельствуют и про-

димые социологические опросы?

— Вот! Мы почему-то считаем, что информация, которую дают нам наши социологи, специально созданные аналитические структуры в виде институтов по изучению общественного мнения и т.д., что она априори достоверна, что социологи правы, а не живые люди, которые приезжают с мест: я, Травкин, вот поехал по регионам и пришел к твердому выводу, что люди наши уже прозрели и все прекрасно осознали в большей степени, чем мы о них привыкли думать. Помните, как только касается социализма, мы тут же начинаем делать реверансы: «Нет-нет, не подумайте, мы совсем от социализма отказываться не собираемся, мы сохраним социалистические ценности!» А какие же, собственно, социалистические ценности-то? Давно люди уже над ними смеются. А мы все продолжаем их убеждать, что, мол, для нас эти понятия святы...

Такое мнение исходит и от нас, законодателей, и от руководства ре-

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник Моссовета

Москва, 101425, ГСП, К-51,
Петровка, 22
Телефон: 928-23-49
Телекс: 411700 MALPEK
Телефакс: 921-29-85

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:
Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Олег ОРЛОВ
Владимир ПЕТРОВ
(ответственный секретарь)
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Петр СМИРНОВ
(зам. главного редактора)
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

Генеральный директор
Михаил ПЕКЕЛИС

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.
При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.
Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о рекламе звоните по телефону: 928-83-40
Эксклюзивный рекламный представитель за рубежом: Esopnews, Швейцария
Fax: 41.21-311.45.11
Tel.: 41.21-311.45.05

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)
Подписку за рубежом осуществляет агентство Esopnews: box 535 Lausanne 1001 Switzerland
Номер подписан в печать 24.06.1991

Тираж 150000. Цена 1 руб. 90 коп.
© "Столица", 1991

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате Государственного комитета СССР по печати

142300, г. Чехов Московской области. Зак.1048

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

- 1 «Мы испекли слоеный пирог власти»
Н.Травкин

ВЕСЫ

- 15 «Я готов выйти из окопа. Но за кем?»
В.Шишкарев

ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА

- 19 На тайном поле брани
В.Королев

ПОДОПЛЕКА

- 22 Море и солнце для членов профсоюза
С.Славич

СТО ЛИЦ

- 46 Когда играет шарманка
Д.Мдивани

ЖИЗНЬ

- 57 Дети и детство

ОТТУДА

- 66 Свободна ли «Свобода»?
В.Матусевич

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

- 75 Лондон — это еще не Англия
В.Еренков

КУЛЬТУРА

- 85 Жемчужный «Кинотавр»
Т.Савицкая
94 «А в условиях океана негде прятаться в кусты»
Ю.Ким

ПРОЗА

- 96 «Я и сны»
В.Пьецух
100 «Мишка Горбачев»
М.Воздвиженский
107 «Кто же русский?!»
«Аминь»
Г.Дробиз
108 «Чудо о груше»
С.Бардин
111 «Серезжка»
«Миша Крючко»
Л.Консон
114 Солженицын и юмор
Е.Попов

- 5 **Михаил Поздняев**
Христианство на Руси:
1000 лет и три года

- 41 **Лев Данилов**
Говорили: «До первой крови»...
Оказалось: До самой смерти!

- 81 **Аркадий Галинский**
Останется ли Советский Союз
и впредь великой спортивной
державой?

На 1-й стр. — фото
Игоря Рогачевского

Над номером работали:
В.Старчевский, А.Остроухов,
Р.Катева, Э.Петрова.

спублики и Союза, что, естественно, здорово сдерживает реформы. Яркий пример такого искусственного сдерживания — вопрос о переименовании Ленинграда. Ведь как острожно мы все здесь себя вели, включая и руководителей города, и Бориса Николаевича Ельцина, все! Все кивали даже не на блокаду, а говорили, что этот вопрос связан с некими глубинными причинами: мол, Ленин, революция и так далее. И что же мы видим: 54 процента ленинградцев проголосовали именно ЗА возвращение городу его настоящего имени!

Словом, ясно одно — идеалы, на которые мы все время молились, сегодня уже в психологии человека НЕ СУЩЕСТВУЮТ. И, значит, к здравому смыслу, к общей цивилизации мы можем (и обязаны!) идти гораздо смелее. Это главный вывод, который я сделал бы из прошедших выборов — и не только Президента, но и мэров и т.д. Не имеем больше права кивать на то, что в осуществлении реформ нас сдерживает психологическая неготовность людей. Это первое.

А второе — то, что касается самого избрания Ельцина. Была вроде бы масса кандидатур, да? Целых шесть. Но... выбор-то мы делали вовсе не из шести разных направлений, а всего из... двух: вперед, к мировой цивилизации, и назад, или, в лучшем случае, топтание на месте. Люди выбрали однозначно первое направление, олицетворяемое Ельциным. Его выбирали осознанно, выбирая **здоровый смысл**: чтобы человек зажил лучше, это главное.

А вывод, который я сделал бы из этой избирательной кампании для демократических сил, следующий: если мы сейчас не поймем, что роль демократов кардинально меняется после 12 июня 1991 года, то нас постигнет глубочайшее разочарование. Дело в том, что до сих пор демократы видели себя лишь в роли атакующих, критикующих. И преуспели в этом на предыдущем этапе. Сейчас же — другое дело.

Смотрите. Должен будет Президент РСФСР идти на какие-то непопулярные меры? Безусловно, придется мы ж упустили, скажем, момент, когда более болезненно можно было войти в рынок. Но скажите, можно сегодня по этому вопросу, т.е. в поддержку непопулярных мер, собирать митинг на Манежной? Я себе этого не представляю. Митингом этот вопрос о непопулярных мерах Ельцина демократам не решить. А демократы-то именно к этому привыкли. Значит, мы, демократы, постепенно должны превращаться в политическую силу, которая будет осуществлять идеологическую поддержку мерам, в том числе и непопулярным, и

разъяснять людям, что какой-то кусок времени мы, все население республики, должны **перетерпеть**. То есть на демократов в обществе падает некая уравнивающая роль. Это должен быть тот стержень, который не позволит нам уйти на путь насилия и всеобщей конфронтации. И кроме демократов такую роль выполнить сегодня некому. КПСС сегодня — явная оппозиция в с е м демократическим процессам. У них, у коммунистов, уже есть для этого база — весьма значительная прослойка люмпенов (в том числе и тех, которые голосовали за Жириновского). И к этой базе придет, между прочим, крайне левое крыло сегодняшних демократов. Те, кто живет сейчас на голом популизме.

В общем, следует нам переосмыслить свою сложившуюся позицию (что, конечно, будет непросто): перейти из **режима критики в режим работы**. А толпой этого сделать нельзя. Для этого перехода нужны совсем другие структуры, нужна определенная система, даже плановость. То есть ясно, что демократия в этом случае должна профессионализироваться.

— Что значит профессионализироваться? Создать партию?

— Да. Именно партию! Только **партийная структура** позволит нам эффективно сделать переход из одного качества в другое. Есть сегодня для этого основа? Я считаю, есть. Пусть пока не все партии, но, например, Демократическая партия России такие структуры уже имеет: практически во всех городах, областях и краях есть наши организации. Есть, стало быть, опорная сеть. А дальше — надо «накачивать политические мышцы». И, конечно, мы по наитию, вручную этой работы не сделаем. Пока нам удалось сделать только черновую работу — выстроить каркас. А чтобы этот каркас стал действовать, чтобы превратиться в силу созидательную, должны, конечно, подключиться крупные политики, авторитеты, интеллигенты, такие, например, как А.Н.Яковлев, как Э.А.Шеварднадзе, как академик С.С.Шаталин, который свой шаг уже сделал, вступив в ДПР...

Ну, скажите, как можно говорить всерьез о новом Союзе, если нет сквозной — по республикам — структуры, которая идеологически и политически осуществляла бы общие акции, проводила одну и ту же линию? Да, на конфедеративной основе, но структура должна быть с к в о з н а я, общая для всех республик, которые войдут в будущий Союз. И в этом контексте, конечно, недавнее заявление Шеварднадзе о необходимости новой демократической партии очень своевременно!

Да, нужна солидная, сильная партия, противостоящая КПСС. Мы сделали уже первые шаги — были контакты с демократическими партиями других республик; с Туркменией и Таджикистаном у нас заключены соглашения о сотрудничестве, о координации наших действий, о выработке совместных позиций, платформы для выборов, которые пройдут после заключения Союзного договора. То есть борьбу за демократический союзный Центр мы будем вести сообща.

— В связи с прошедшими выборами в России, как вы считаете, что было выгодно Горбачеву? И достиг ли он своей цели?

— Я считаю — достиг. Убежден: единственно приемлемым для Горбачева был вариант — победа Ельцина. Ну, во-первых, потому, что направления принципов, декларированных в заявлении «9+1», совпадают в этом случае: подпись Ельцина, теперь уже Президента, еще более усиливает значение документа. Ведь ясно же, что, если бы Президентом России стал любой из остальных пяти кандидатов, опять возобновились бы споры: социализм или не социализм?..

Во-вторых, если не пойдут преобразования в России, то они, это же ясно, не пойдут и в целом в Союзе. А разве могут пойти преобразования в России, если нет доверия к Президенту? Нет, конечно. Доверие — это 90 процентов успеха реформ.

Если бы избрали Рыжкова, он, может быть, писал бы прекрасные законы, красивые призывы к народу, а народ... не поверил бы ни одному его шагу. Ельцин же имел и имеет это доверие. А если есть доверие плюс настрой на радикальные преобразования, в России реформы пойдут, а значит, они пойдут и в Союзе.

— Но если это выгодно Горбачеву, чтоб Президентом стал Ельцин, почему же он выдвигал Бакатина?

— Мне кажется, что Бакатин выдвигался, чтобы отобрать голоса не столько у Ельцина, сколько у Рыжкова. Я рассматриваю Рыжкова как политическую кандидатуру от РКП, Бакатина — от КПСС, а это ведь сегодня р а з н ы е силы. Помните, Бакатин в одном из своих первых интервью заявил, что победа Рыжкова будет трагедией для России, откат назад и т.д.

Проанализируем, что же нам предлагали на выборах Ельцин — это **радикальное движение** в сторону рынка, цивилизации, демократии. Рыжков, Макашов, Тулеев, Жириновский — это все-таки социализм. Бакатин — тоже движение к мировой цивилизации, рынку, но не радикально, а **постепенно**, медленно. Так вот, спрашивается, почему

люди проголосовали не за Бакатина, а за Ельцина? Потому что внутренне мы уже прекрасно понимаем: времени для постепенных, медленных действий у нас уже нет.

— **А как вы оцениваете «эффект Жириновского»? Ведь за него проголосовало так много людей.**

— Это последствие того, что мы наплодили целый слой люмпенов, мы сами его вырастили. И не только люмпен-пролетариат, а и люмпенов интеллигентов, студентов и т.д. Их лозунг: «А, пошли вы все с вашими перестройками! Водку давайте подешевле да побольше, и все!»

— **Но в речах этого кандидата звучали прямо-таки фашистские интонации...**

— Да, и это известно. Ведь социализм и коммунизм могут реализоваться в разных идеях. У нас социалистическая идея, например, реализовалась на классовых приоритетах. А ведь она может реализоваться и на национальном приоритете, как фашизм. Вот Жириновский как раз и предлагает нам реализовать ее на национальном приоритете. Помните, как он говорит о защите русских? Не только в России, а вообще в е з д е — в других республиках, в других странах... В Англии он собирает защищать интересы русских...

Вот люмпен за него и проголосовал: за русских, за дешевую водку, за отмену повышенных цен на товары, за кабинет в Кремле рядом с кабинетом Горбачева... Это первый звоночек всем нам: количество люмпена в обществе угрожающе велико и еще увеличивается с течением времени. И второй звоночек: фашистская, националистическая идея — не надуманная, она существует в обществе, отмахнуться от этого фактора просто так нельзя. Если мы ничего не изменим в обществе к лучшему, к следующим выборам Жириновский наберет еще больше голосов... Я даже предполагаю, что сейчас может произойти смычка жириновских и алкснисов. А раз такая смычка произойдет, то там уже — через Алксниса — недалеко и до взглядов РКП. Вчера еще мы эти силы в обществе воспринимали по отдельности, а ныне они, я думаю, будут все больше и больше объединяться.

— **На общем поражении?**

— Конечно. Так что нет, к сожалению, политически безоблачного прогноза на завтра... Повторяю: если мы не перейдем быстро в режим партии, если не будут демократы действовать четко и слаженно — ничего хорошего не будет.

— **А на какой же основе, повашему, могут объединиться в одну силу существующие сегодня разные партии демократического направления, скажем, с вашей**

ДПР? Ведь у вас все-таки неодинокые программы?

— На первый взгляд, вроде есть тут проблема. Но если приглядеться к этим различиям в программах, то мы увидим возможность к сближению. Просто некоторым партиям придется пересмотреть свои политические программы в связи с изменившейся после выборов обстановкой в России. Ну, скажем, ясно уже всем, что Союз состоится, верно? И Ельцин ведь выдвигался с этим лозунгом. Но если вы, социал-демократы и республиканцы, выдвигали Ельцина на президентский пост, значит, вам следует пересмотреть свой первоначальный взгляд на Союз: до выборов-то вы считали, что он не нужен, а нужно некое **содружество**... То же и в отношении России: Ельцин избирался под единую Россию, а эти партии допускали до этого существование на месте России нескольких десятков раздробленных элементов-государств... Значит, и это надо им пересматривать в связи с избранием Ельцина.

По этим и ряду других позиций надо пересматривать свои программы только ДПР, а также христианским демократам и кадетской партии, с которыми мы создали блок «Народное согласие». Ну а если те партии — республиканская и социал-демократическая — свои позиции пересмотрят, то, спрашивается... чем же они будут так уж отличаться, скажем, от ДПР?.. Тогда зачем иметь отдельные маленькие партии, когда проще и логичнее иметь одну мощную с несколькими, допустим, фракциями: тех же кадетов, республиканцев, социал-демократов и т.д. И такое сближение платформ, помоему, будет сейчас происходить, это естественный процесс.

— **Вы говорили о крупных политиках, интеллигентах, которых хотите видеть в рядах новой, солидной демократической партии. Недавно к вам пришел академик Станислав Шаталин. Он у вас не «свадебный генерал»?**

— Ни в коем случае! Шаталин шел к нам возглавить Консультативно-политический совет, этот коллективный мозг. Вторая его функция — решение всех проблем, связанных с созданием на базе ДПР общесоюзной партии. В этом смысле мы очень рассчитываем на то, что к нам вскоре придут такие люди, как Шеварднадзе и Яковлев. Оба они, помоему, уже «созрели». Они, я считаю, должны выйти из КПСС и прийти в ДПР.

— **В союзную «партию Травкина»?**

— Вот все так говорят!.. Но это же никакая не «партия Травкина»! То, что мы могли сделать в рамках ДПР, мы сделали. Это наш (и мой в том числе) потолок. Дальше мы честно

заявляем: все, большего мы сделать не можем. Теперь должны подключаться политики другого, более высокого уровня, чтобы дальше работать более грамотно, профессионально. А я же не профессиональный политик! Я действовал до сих пор как строитель: выстроил каркас...

— **Что же, вы снимаете с себя лидерство?**

— Я — руководитель ДП России. А мы с вами говорим уже о союзной партии. Медлить с ее созданием уже нельзя. Грядут новые выборы сверху донизу всем народом, и мы, демократы, должны к этому быть готовы. Думаю, что наши нынешние Советы до 1994 года не доживут, их надо будет всенародно переизбирать. Уже совершенно ясно, что эта система сегодня недействительна.

— **Почему?**

— Потому что... мы испекли «слоеный пирог» власти. В этом наша беда. Власть — это не право писать законы. Право писать законы у нас как раз есть. Власть — это возможность и способность **провести эти законы в жизнь**. Например, мы создали хороший Закон о земле. А дальше этот закон пришел, скажем, в Рязанскую область, к Хитруну. А Хитрун не собирается его выполнять, допустим. Но под Хитруном, под областью, — Рюмин, городская власть, который, наоборот, хочет претворить этот закон в жизнь. Он желает в обход вышестоящего областного Хитруна сам взять этот закон и следовать ему, но... Не тут-то было: под Рюминым, то есть в районах, сидят... маленькие «хитрунчики», которые не собираются принимать закон к исполнению, так как, к примеру, ориентируются на областное начальство, и так далее. Типичный «слоеный пирог» власти: законы через него не проходят, нет в л а с т и.

Так вот, только исполнительная власть, выбранная народом, и способна пробить этот «слоеный пирог», заставить законы работать. Потому что она отвечает только перед избирателями, а подотчетна лишь им. Сейчас же власть назначена Советами: а раз Советы назначили, то они и снимут такую власть, если захотят.

Вот поэтому и надо было спешить со всенародными выборами Президента России, а теперь следует поторопливаться и с выборами следующими — на местах. То есть создать полноценную президентскую структуру власти по вертикали. Пока нами сделан лишь первый шаг. Правда, сделан успешно. С чем я нас всех и поздравляю.

Беседу вел Григорий КРОШИН

СОВЕСТЬ

Михаил Поздняев

1000 ЛЕТ И ТРИ ГОДА

Фото В. Суворова

Включил телевизор... Панихида по Пушкину в церкви Большого Вознесения, что у Никитских ворот. Этот храм, где поэт венчался, лишь прошлой осенью был вновь освящен Патриархом — после многолетнего запустения.

Стены в трещинах... вместо иконостаса фанерная перегородка... взгляду не на чем остановиться...

Зря, что ли, все эти годы здесь днем и ночью грохотали электрические разряды: действовала лаборатория Академии наук.

Лезет из кожи вон телевизионный оператор, выбирает «картинку» поэффектней. Вот — хорошее женское лицо... свеча в руке... «наезжает» камера — она как раз и крестится.

И я чуть со стула не падаю — оттого, к а к именно она это делает: вначале левое плечо, потом — правое, потом — на грудь кладет троеперстие и лишь под конец осеняет чело!

Что за бесовщина?!

Только некоторое время спустя догадываюсь: умысленно ли, по оплошности, но только этот кусок пленки они смонтировали «наизнанку». Им важно красиво «наехать» на милое личико; они там Закона Божия не штудируют — откуда ж им знать, что, «осеняя себя крестным знамением, мы накладываем сложенные пальцы на лоб — для освящения нашего ума, на грудь — для освящения наших внутренних чувств и наконец на правое и левое плечи — для освящения наших сил телесных...»

Что первично? Что вторично? Чело? Чрево?

...А вечером вышли на бульвар — Пушкинский праздник: шашлыки, пирожки, стишки... Потом добрый батюшка из Патриаршего собора очень просто и ясно сказал про Пушкина, быстренько сошел с эстрады («с арены», как выразился мой малыш)... камерный хор запел «Свете тихий», и в руках притихших людей затеплились свечи...

И тут как раз врнул фейерверк! Так, наверное, грохотало в стенах Большого Вознесения! И насмерть перепуганный, отчаянно возопил мой Александр, вцепился в меня и с перепугу мне даже по уху съездил «Вон отсюда-а!»

Испорчен был праздник. Бытие определяет сознание.

Правду нам говорили в школе.

Как мы торжествовали (ну не «отмечали» же!) Тысячелетие Крещения Руси! Как искренне радовались — и ведь было чему.

Поместный Собор — в Троице-Сергиевой Лавре... снимки на другой день во всех газетах... и передачи по ТВ (правда, куцые, за полночь, в конце программы — но как-никак Первой Общесоюзной)!

Праздничный акт — в Большом театре.

Прославление новых святых — в новеньком, «с иголки» Даниловом монастыре (правда, не в Донском, как просили за семь лет до юбилея, — Брежнев разрешил, но помер, и Андропов тут же отменил разрешенное: в Донском — музей, а в Даниловом — детское отделение ГУЛАГа, да и чуть подальше Данилов от центра, не так звон будет слышен... такая хитрая дипломатия...).

Ну а самое главное, конечно же, — благословение Горбачева, его встреча со святейшим Патриархом Пименом и членами Синода Русской православной церкви, и — личное послание, и — «первая леди» в президуме, и — рассыпающийся Громыко в зале заседаний Верховного Совета (на десерт). Был еще и указ о награждении орденами и медалями Советского государства деятелей отделившейся от него Церкви...

«Второе Крещение Руси» — от скольких я в те дни эти слова слышал? Да и сам их произносил... И сегодня от этих слов не отрекаюсь. Хотя все, что ныне происходит в жизни Церкви (как и вообще в нашей жизни), мало походит на праздник. Только ведь Христос рая на земле никому и не обещал...

Наверное, в какой-то час у всех нас закружилась голова. Цифра с тремя нулями — впечатляет (Бог весть, с каким еще головокружением мы вступим в год Двухтысячный от Рождества Христова). А очнувшись — и впору вспомнить: «Где стол был яств...»

Откуда это взялось?! Ведь только что был праздник!..

Церковная жизнь действительно состоит из праздников: каждый день в ней отмечается память нескольких, а то и многих — даже многих тысяч — святых праведников и мучеников. Но праздники эти исполнены совершенно иного смысла, чем тот, к которому привыкли мы: не повод для застолья — но пример для подражания. В Великопостной молитве св. Ефрема Сирина Церковь просит у Господа укрепить всех и каждого в «духе целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви» и уберечь от проявления «духа праз-

дности, уныния, любоначала и празднословия». Эту молитву, к слову (что, впрочем, сегодня широко известно), переложил в стихах на склоне дней Пушкин...

И никогда так не бывало, не бывает в духовной жизни — чтобы даже «праздников праздник и торжество торжество» снял с плеч Народа ли Божия в целом, каждого ли человека в отдельности несомый крест. Сил придает, спину распрямляет — да, но от несения креста — не избавляет.

...Полгода минуло с публикации в «Столице» подборки материалов под общим названием «Святая Русь, камо грядеши?» — а до сих пор, каждый день буквально, и пишут, и звонят в редакцию читатели, встревоженные тем, о чем рассказали в интервью нашему журналу трое людей, имеющих слишком много общего, чтобы смочь закрыть глаза на то, что их, увы, разделяет.

И продолжение разговора диктуется не требованиями читателей (лиц частных и, напротив, официальных), но развитием событий, о которых мы минувшей зимой заговорили, и прискорбным подтверждением некоторых опасений, высказанных тогда со страниц журнала.

Об этом, впрочем, высказался еще год назад, в самом первом номере «Столицы», в беседе со мною, Сергей Сергеевич Аверинцев:

«Вопрос стоит крайне остро — вплоть до пугающей возможности раскола. Разумеется, миряне, если они желают быть мирянами, в церкви должны, даже и поступаясь чем-то, помнить, что есть какие-то интонации, которые при выяснении отношений в церкви невозможны. Ну, как невозможны какие-то интонации в разговоре с матерью. А Церковь для верующего и есть мать. И, с другой стороны, Церковь может своим детям отвечать как угодно строго, но она не может своих детей не слышать: это не по-матерински. И многолетняя и до сих пор пбуплярная установка на то, что: «У нас нет никаких проблем... Ничего не слышу — что вы там говорите? Нет, нет, я вас не слышу!» — это может привести только к беде. Всякая самодеятельность мирян должна быть обуздана послушанием... Но, с другой стороны, без самодеятельности — что остается?»

Я нарочно привел — в напоминающие темы начатого «Столицей» разговора — цитату совсем не из того

номера, слова человека, вынужденного быть осторожным в их выборе, в силу своего положения народного депутата СССР и члена парламентского Комитета по свободе совести. Больше того, кажется, Сергей Сергеевич — единственный, кто за истекший год патриаршества Алексия II вступился за него, на страницах «Независимой газеты», после публикации там текста, обидного скорее вопиющей неграмотностью, нежели острой шпилькой.

Этот факт (письмо во многом человека «зависимого», Аверинцева, «Независимой газете») я назвал бы одним из самых значительных событий религиозно-общественной жизни начала второго тысячелетия христианства на Руси.

Слава Богу, дожили мы до времени, когда мирянин имеет возможность публично вступить за Патриарха. С Божьей помощью авось доживем до дней, когда и Патриарх осмелится вступить за униженно-го и оскорбленного мирянина перед «сильными мира сего» — и будет услышан...

Предвижу возмущение: а что же делает все это время Патриарх — если не блудет права, честь и достоинство своей паствы?! А как же тысячи новых храмов и десятки монастырей? А воскресные школы? А богослужения в инвалидных домах, в приютах для престарелых и в тюрьмах? А панихиды на площадях, против зданий КГБ?

Не прекословлю: sic! И мы обо всем этом зимой 1988-го, в самый канун Тысячелетнего юбилея, не мечтали — радели о куда как малом!

Помню венчание в запечатом храме. Помню крестины на дому. Помню «религиозный самиздат» — «Эрика» берет четыре копии, этого достаточно» (А.Галич); не Солженицын и Авторханов — но беседы преп. Серафима и «Моя жизнь во Христе» преп. Иоанна Кронштадтского, которые теперь — в любом храме, да и в подземных переходах, по доступным даже бабушкам ценам.

Нельзя забывать. Слава Богу за все.

Но по советской своей повадке держу ухо востро: если у нас что разрешено — с другого какого-то бока откусано будет! Перемены в жизни верующих, в отличие от многого здесь за эти последние годы случившегося, — именно «разрешенные», «дозволенные», «сверху спущенные».

Это — организованное мероприятие.

Чего для? Ведь не одного эффекта в Ватикане! И не еще одной улыбки дедушки Рейгана!

Ища ответ, вот что пишет из тверской епархии в информационно-аналитический бюллетень «Христианские новости» о. Сергей Попов:

«Простой священник с удовольствием ощущает себя в новой роли — ходит проповедовать то в кожно-венерологический диспансер, то к малолетним преступникам... Для начала такой дилетантизм еще извинителен, но в целом подобное хождение мастеров на все руки в народ — путь тупиковый. Поэтому совсем неглупые бесы (духовные наставники наших властей) не боятся подобной благотворительности и даже уповают на то, что Церковь в очередной раз призывает народ терпеть и потрудиться на благо наших правителей...»

Худо ли это? Станный вопрос. Но у всякого доброго дела есть два смысла — явный и сокровенный...

Примерно в то же время, когда в кабинетах на Старой площади разрабатывался сценарий празднования 1000-летия, там же и едва ли не теми же лицами принималось решение о создании у нас негосударственных (!) независимых (!!) благотворительных (!!!) «фондов». Они были учреждены один за другим — Фонд культуры, Детский фонд,

Фонд милосердия и здоровья. Минувшие три года — и, весьма преуспевающие материально, департаменты Веры, Надежды и Любви выглядят ныне моральными банкротами. Ушел из Фонда милосердия его шеф С.Федоров. Хлопнул дверью Детского фонда первый заместитель его председателя Е.Карманов. Можно только догадываться, чего стоит оставаться до сих пор во главе Фонда культуры Д.С.Лихачеву, уже не раз и не два аттестовавшему в печати с достаточной прямоотой сего змия, пригретого им на собственной груди, — клуб меценатов и интеллектуальной элиты, выродившийся в пансион для штрафников-партаппаратчиков...

Случайно ли такое совпадение во времени (и в пространстве)? Как и включение в руководящие органы всех трех «фондов» видных лиц церковной номенклатуры — дабы в случае чего «покороче поводок» был?

Празднование 1000-летия и последовавшие за ним реформы церковной жизни (сегодня, с трехлетнего расстояния, это очевидно) стали для Горбачева (чего он, впрочем, и не скрывал) одним из пунктов доктрины «социализм с человеческим лицом».

«Хождение в народ» — чрезвычайно удачное определение о.Сергия Попова. «На наши плечи с удовольствием будут перекладывать и остальной груз социальных тягот — давай, отцы, выручай!» — предугадывает он в той же статье.

Тут уже не мужик — но поп, кормящий генералов. И не двух, как у Щедрина, а поболее. Но хитрость уловки не исчерпывается лишь политическим и экономическим эффектом (тоже важным).

«Социально задействованный» поп в организованной генералами стряпне и уборке скоро уподобится евангельской Марфе — той, что жаловалась Господу: я в поте лица тружусь, а сестра моя Мария, нет чтобы помочь, сидит у Твоих ног и Тебя слушает. «Марфа! Марфа! — вздохнул Иисус. — Забота твоя и суетишься о многом, а одно только нужно. Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее» (Лк. 10:38-42).

Иначе говоря — Церковь в тревогах мирской суеты рискует забыть о своем главном призвании...

Продолжение на 25 стр.

ПОЧЕМУ ТОМ СОЙЕР НЕ ЛЮБИЛ ВОСКРЕСНУЮ ШКОЛУ...

Фото В. Суворова

...И почему ярких богборцев, учившихся в детстве в церковно-приходских школах, это обстоятельство их биографии не смущало, когда они, чуть подросши, сбрасывали с церковью кресты и колокола, сжигали иконы и священные книги, расстреливали священников и взрывали храмы?..

Вспомните кордоны милиции в пасхальную ночь еще лет семь назад: «Детей до 16-ти в церковь не пропускать — не положено!» Государство охраняло «свое будущее» от кровных родителей, влекущих чад во «тьму мракобесия». Теперь все иначе. В Москве, по крайней мере. Почти в каждой церкви созданы так называемые «воскресные школы», в общеобразовательные по желанию родителей и по договоренности с дирекцией можно пригласить священника. Это веяние времени сулит надежду на то, что нашим детям повезет больше, чем нам, и им удастся хотя бы

заглянуть в тот мир, который был от нас наглухо закрыт.

Но почему же все-таки Том Сойер не любил ходить в воскресную школу? Ему не нравилось, что обстановка в воскресной школе ничуть не отличается от обстановки в обычной школе. Учитель нудным голосом рассказывал о чудесных событиях, описанных в Ветхом Завете, и это было тускло, чуждо и скучно.

Воскресная школа должна быть частью литургической жизни в приходе, чтобы дети постепенно, вместе с родителями, участвовали в этой жизни. Так это происходит в православных приходах на Западе. Но там приходы небольшие, люди быстро узнают друг друга, после службы собираются вместе, одни из них занимаются делами милосердия, другие организуют работу с детьми. В этом смысле интересен опыт воскресной школы одного из православных приходов в Америке, о котором рассказывает Софья Куломзина — автор нескольких религиозных книг и учебников для детей, доктор богословия, многие годы преподававшая в приходской школе в Наяке под Нью-Йорком. Подростки там принимают активное участие в богослужении. Мальчики прислуживают, читают на клиросе, девочки поют в хоре, а кроме того, дети помогают печь просфоры, ставят свечки у икон, украшают и убирают свой второй дом — храм...

У нас же храмы зачастую напоминают не уютные жилища, но проходной двор или вокзал.

Многие из нас умиляются, видя, сколько детей сейчас в церкви исповедуются и причащаются. Однако горький опыт отцов и дедов предостерегает от преждевременных восторгов.

Конечно, никто не может знать Замысла Божия о человеке; Господь — судья тем, кто отрекся от своей детской веры в 20-е — 30-е годы. Но мы не должны повторять ошибок наших предков.

Надо переосмыслить все, что произошло с нами в этом веке, — и как бы вернуться к первохристианским временам в своей церковной жизни, в воспитании детей в Истинной Вере. Христиане первых веков, по словам архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), в обучении детей «руководствовались глубоким, святым правилом: «Того почитали несчастным, кто знает все и не знает Бога; того блаженным — кто знает Бога, хотя бы и не знал ничего другого».

Эта цитата — как нельзя кстати в сегодняшних многословных дискуссиях о культуре, нравственности и духовности общества...

По инициативе «сверху» или по собственной немощи — инфицированности вирусом «homo soveticus» — идеологи и практики воскресных школ, увы, все чаще идут на смешение «божьего дара с яичницей».

В ряде московских церковных школ занятия уже не ограничиваются преподаванием Закона Божия, церковно-славянского языка, литургики и пения. Вводятся так называемые «факультативные дисциплины»: изучение иностранных языков, истории, родной литературы, декламации. Мне кажется, что это — «от лукавого». В специфику воскресной школы вторгается специфика советской общеобразовательной школы. Казалось бы, существенное отличие здесь — в том, что преподаватели — верующие и, конечно же, они не будут вбивать в детские головы азы лживой государственной идеологии. Но высший смысл занятий в церковной школе теряется, и центр тяжести переносится в сторону светскости преподавания, превалирует небескорыстное желание дать детям «хорошее воспитание» в стенах «несоветской» школы.

Это совсем не значит, что нам, как говорит архиепископ Лука Войно-Ясенецкий, «запрещается учить детей светским наукам. Нисколько. Величайшие отцы наши и учителя

Церкви сами в молодости очень усердно предавались изучению всей мудрости научной, философской... были высокообразованными людьми своего времени».

Но они сделали выбор. Для них — в отличие от нас — Церковь была не «частью культуры и истории», но Жизнью!

В последнее время все чаще воспитанники воскресных школ появляются на сцене концертных залов с исполнением церковных песнопений и чтением стихов. Мы имеем дело уже с откровенной профанацией идеи «воскресной школы». Для этих детей вскоре не будет никакой разницы между концертом, скажем, к 7 ноября — и к Празднику Рождества Христова.

Лишь вблизи храма, вдали от яркого света рамп и софитов, вдали от нескромных объективов могут в детских душах прорасти зерна Истины — и всходы эти, будем надеяться, станут ростками новой жизни нашего Отечества.

Лишь понимание нашими пастырями того, что воспитанники воскресных школ — прежде всего завтрашние «делатели на ниве Христовой» и лишь потом — «активные граждане своей социалистической Родины», способно предотвратить в самом скором будущем появление сотен тысяч Томов Сойеров — потенциальных членов нового «Союза воинствующих безбожников».

Зоя СВЕТОВА

Григорий КРОШИН

ВОКРУГ ДА ОКОЛО ПАРЛАМЕНТА...

(Из коллекции сатирика)

Непосредственно в зал заседаний депутатских съездов и сессий нас, пишущую братию, «падкую на сенсацию», как известно, не пускают. Почему?.. Остается только гадать. Одна из версий: может, опасаются подпускать чересчур близко к президиуму тех, кто с оружием. То есть как раз журналистов: ведь знаем же наизусть из классика марксизма-ленинизма, что печать — это самое острое оружие...

Но все равно — и с балкона, и в буфете, и в курилке, то есть вокруг да около парламента, удастся наблюдать депутатскую жизнь во всем ее великолепии. И тут же, естественно, разбухает мой журналистский блокнот.

СПАСИБО ГОРЯЧЕВОЙ

Третий съезд народных депутатов России. Идет пресс-конференция двух заместителей Председателя Верховного Совета, авторов знаменитого политического заявления «шестерки» Горячевой и Исаева. Исаев весь из себя красный, Горячева — со слезами в дрожащем голосе, но оба держатся твердо, с чувством собственной правоты отбиваются от журналистов. Аргументов, конечно, не хватает, но можно ведь обороняться по-разному...

Вопрос задает корреспондент Российской телерадиокомпании Владислав Флярковский:

— Светлана Петровна, у вас, вероятно, возникнут определенные проблемы со своими избирателями. Как вы собираетесь их решать?

Светлана Петровна молчит. Веско так молчит, гордо.

Флярковский:

— Спасибо большое...

КОГО У НАС МНОГО?

Съезд народных депутатов СССР. На трибуне — народный депутат из города Ровно полковник Вилен Мартиросян:

— Недавно я сказал, что у нас в армии много генералов, надо, наверное, сократить их число. Так уже

ставится вопрос об увольнении Мартиросяна...

...Во время обеденного перерыва стоят за столом в буфете три народных депутата — два маршала и генерал. Минут десять едят молча. Потом генерал говорит:

— Тоже мне! Генералов у нас много! Ха!..

— Действительно, почему ж не говорят, что много этих... ну... академиков, а? — сказал один маршал.

— А писателей? — добавил второй.

— Во-во! И писателей, — согласился первый. — И писателей!..

С МЕСТА...

Вечернее заседание сессии ВС СССР. Выступает с трибуны Анатолий Лукьянов, Председатель Верховного Совета СССР:

— Никто не обвинит меня в том, что я кого-то здесь «зажимал»..

Депутат Генрих Игитян, с места:

— Только меня!..

Лукьянов:

— ...Только в том случае «зажимал», когда это отклоняло нас от общего курса...

ПОЧЕТНОЕ ЗВАНИЕ

В перерыве между заседаниями сессии председатель Ленсовета Анатолий Собчак разговаривает с журналистами:

— Анатолий Александрович, в каких вы сейчас отношениях с Ленинградским обкомом партии? Он вам не мешает?

— Ни в каких сейчас. Они самоустранились. Не мешают и не помогают, наблюдают со стороны, как мы, демократы, пытаемся выбраться из трясины, в которую они нас до этого посадили...

— Но Гидаспов вроде не отмалчивается. Выступает то тут, то там...

— Да, Гидаспов много выступает сейчас. Знаете, по этому поводу я вспоминаю одну хорошую шутку. Как раз вчера, когда я присутствовал на юбилейном вечере нашего знаменитого танцовщика и балетмейстера В.Васильева в Большом театре, там в «капустнике» прозвучала из уст артистов прекрасная мысль: «В связи с отличными выступлениями в последнее время товарища Гидаспова присвоить ему почетное звание «Заслуженный артист КПСС»!..

ПОСЛАЛИ — ПОШЕЛ...

Сессия союзного парламента закончилась. Депутаты расходятся. Подходим с коллегой из газеты «Московский комсомолец» Р.Зариповым к одевающемуся председателю ЦТ Леониду Кравченко. Коллега задает вопрос:

— Леонид Петрович, я — из «Московского комсомольца». Не считаете ли вы, что...

Кравченко вздрагивает, но тут же, не дослушав, бросает:

— Я считаю, что с вами судиться надо! За то, что вы делаете в своей газете.

— И все же: не считаете ли вы, что Центральное телевидение в его сегодняшнем виде...

— Да идите вы!.. — И, представьте, прямо точный адрес назвал.

— А-а... — опешил коллега Зарипов. — Я-ясно...

И пошел. И я с ним.. А что ж делать?

Нижний Новгород:

РАЙКОМЫ В РОЛИ ГРОМОУТВОДА

Глубокой ночью гражданин Н. подкрался к зданию Автозаводского районного комитета компартии и метнул кирпич в дверь. Стекло в двери, естественно, разбилась вдребезги.

Как удалось выяснить репортажам, поступок гражданина Н. политической акцией не является. Накануне инцидента Н. приходил в Автозаводский райисполком с заявлением по поводу сгоревшей электропроводки. С этим самым заявлением он уже неоднократно обращался в жэк и в исполком — без толку. Последнее «хождение в советскую власть», очевидно, переполнило чашу терпения. Обида на весь белый свет материализовалась в виде кирпича, а кирпич полетел в райкомовское стекло.

Это уже второе покушение на партийное здание в Автозаводском районе за последнее время. Год назад стекла здесь били гастроллирующие цыгане. Что не заладилось в жизни у них? Остается лишь догадываться...

Андрей СМЕРНОВ

Рязань:

А СУДЬИ КТО?

Процесс «восстановления исторической справедливости» докатился, наконец, и до российской провинции.

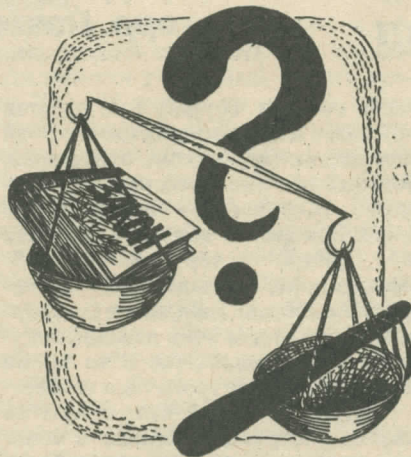
Верховный суд РСФСР отменил решение Советского районного суда города Рязани двухлетней давности об осуждении пятнадцати человек за «злостное неповиновение властям на несанкционированном митинге».

Напомним: 5 апреля 1989 года сотни избирателей пришли к зданию горсовета с просьбой провести

предвыборное собрание по месту жительства для выдвижения кандидатов в народные депутаты СССР. Власти предрержались не ограничились простым отказом, и на площади в центре города людей стали лупить дубинками усердные милиционеры. А судебный процесс над «зачинщиками» завершил подавление «массовых беспорядков».

«Реабилитированные» граждане могли бы теперь упиваться своей запоздалой победой, но к их радости примешивается горечь: ведь ни один из работников правоохранительных органов — ни тот, кто отдавал приказ о применении силы, ни тот, кто выносил незаконное судебное решение, — не наказан. Впрочем, о чем это мы? Если уж Тбилиси и Вильнюс сошли с рук, до Рязани ли тут...

Андрей КУЗНЕЦОВ

Украина: РВАНЕМ?

Когда советские войска стали покидать страны Восточной Европы, эйфория по поводу торжества «нового мышления» несколько поутихла: военнослужащим, оказывается, нужно где-то жить. Теперь неожиданно выясняется, что военной технике и боеприпасам тоже нужна постоянная «прописка».

Львиная доля вывозимой из-за границы взрывчатки оседает на украинской земле, где расположены сразу три военных округа. Насколько это опасно?

Крупнейший в Прикарпатском военном округе склад боеприпасов второго разряда построили в 70-х

годах на месте, абсолютно не приспособленном для хранения каких бы то ни было взрывчатых веществ. Его объем хранения должен составлять не более 1400 вагонов. Уже сейчас взрывчатки здесь в 2—3 раза больше, чем положено, а штатное расписание осталось прежним. Из-за расширения территории склада ближайшее село оказалось на расстоянии чуть больше километра от ограды.

Такая же картина на складе третьего разряда в другой области. Объем хранения превышен в 1,8 раза. Из-за нехватки рабочих рук боеприпасы хранят на открытых площадках, залитых водой. Ящики гниют, мины ржавеют. Если рванет — воронка будет километров тридцать диаметром.

— Катастрофа может произойти каждую минуту, — говорит В.Дудин, уволенный в 1989 году в запас с должности помощника начальника инженерных войск Прикарпатского военного округа, — вся республика сейчас усеяна такими потенциальными мини-чернобылями.

Мнение представителей военных округов иное. Они считают, что взрыв склада боеприпасов возможен лишь гипотетически.

Но жители Украины после известных событий 1986 года почему-то склонны верить в худшее. А взрывчатку все везут...

Олег ВИКТОРОВ

Осколки собирал Кирилл РЫБАК

Наш телефон: 921-52-78

Рисовал Константин Рыбалко

Геннадий ГОЛОВКОВ,

Сергей БУРИН

ДЮЖИНА БОМБ В СПИНУ ЛИБЕРАЛИЗМА

*Еще раз о тактике
социал-демократии
в русской революции*

*«Я с ужасом, ай-багу, с
ужасом, вижу, что о бом-
бах говорят БОЛЬШЕ
ПОЛГОДА и ни одной не
сделали!»*

В.И. Ленин, 1905 год,
октябрь

ПОСЛЕ 17 ОКТЯБРЯ в стране стремительно возникали новые политические партии и союзы, а те, что находились в подполье, получили возможность работать легально. Но цивилизованной борьбы за власть не получилось: страну захлестнула волна террора и политического бандитизма. И эсеры, и черносотенцы, и отчасти бундовцы приложили руку к тому, чтоб на долгие годы похоронить идею мирных демократических преобразований.

Циничнее и откровеннее других, с небывалым размахом применяли «подпольные методы работы» эмиссары большевистского крыла РСДРП. Именно они ввели убийства, поджоги, ограбления в повседневную практику политической борьбы. Именно в 1905-1907 гг. складывался облик партии «нового типа», построившей впоследствии всю государственную политику на крови и обмане.

Еще в январе 1905 года при Петербургском комитете РСДРП(б)

Когда-нибудь в число наших праздников войдет 30 (17 по старому стилю) октября — день несбывшихся надежд либерально настроенной общественности. 17 октября 1905 года манифестом Николая II в России впервые были провозглашены широкие гражданские свободы. Этот день мог положить конец разгоравшейся в стране гражданской войне, упорно именуемой нашими историками революцией, мог бы стать днем национального примирения и предотвратить катастрофу 1917 года. Почему этого не произошло?

была создана группа для добычи оружия, а в Македонию, своего рода заповедник терроризма, отправился большевик Скосаревский — изучать технологию изготовления бомб. Вскоре он вернулся, привезя с собой чертежи бомб «македонок», обладавших огромной мощностью. Капсюли и бикфордовы шнуры для этих изделий закупали в Финляндии, где в то время полицейский контроль был слабее.

Эпиграф к нашей статье взят из письма-инструкции Ленина в «боевой комитет» петербургских большевиков, написанного 3 (16) октября 1905 года. Там же Ленин предлагал: «Основывайте ТОТЧАС боевые дружины везде и повсюду и у студентов, и у рабочих особенно... Пусть тотчас же вооружаются они сами, кто как может, кто револьвером, кто ножом, кто тряпкой с керосином для поджога и т.д. ... Отряды должны ТОТЧАС ЖЕ начать военное обучение на немедленных операциях, тотчас же. Одни сейчас же предпримут убийство шпика, взрыв полицейского участка, другие — нападение на банк для конфискации средств для восстания... Пусть каждый отряд сам учится хотя бы (sic! — Авт.) на избиении городских...»

О многом говорит и написанная в те же дни, но уже после провозглашения манифеста, ленинская статья «Задачи отрядов революционной

армии», где автор, в частности, предлагает срочно вооружаться «кто чем может» и здесь же дает кратенький список этого «кто чем»: «...ружье, револьвер, бомба, нож, кастет, палка, тряпка с керосином для поджога, веревка или веревочная лестница, лопата для стройки баррикад, пироксилиновая шашка, колючая проволока, гвозди (против кавалерии) и пр. и т.д.». В этой статье вообще масса рекомендаций: и обливание солдат кипятком (!) с верхних этажей домов, и, опять же, обливание, но уже кислотами, и «отнятие правительственных денежных средств для обращения их на нужды восстания»...

Несколько позднее, на рубеже 1905-1906 годов, Ленин начинает именовать все эти поджоги, грабежи, кислотно-кипяточные ванны и т.д. «партизанскими действиями», «партизанскими боевыми выступлениями», а их участников, соответственно, — «партизанами».

ТЕ «РАННИЕ» большевики прожектерством были заражены меньше, чем их наследники, они понимали, что захват власти — цель довольно отдаленная. А вот «экссы», или, как выражался Ленин, «отнятие денежных средств» для светлых задач, — это дело нехитрое и вполне осуществимое. При местных большевистских комитетах для этого формировались специальные боевые

группы (боевики). О бандитских налетах на банки, грабежах магазинов и лавок старые большевики не только сегодня, но и в те давние годы не любили распространяться. Боевик С.Познер, например, вспоминал, что «деньги всегда являлись, когда в них была нужда, никто как-то не занимался выяснением того, откуда они брались». Ох, уж эта застенчивость! Так сами и являлись?

Откровеннее был будущий комиссар иностранных дел в сталинском правительстве М.М.Литвинов, писавший Ленину в сентябре 1905 года: «Готов я чорту душу продать ради презренного металла». Литвиновские эмиссары скупали едва ли не по всей Европе оружие, а сам он руководил переправкой его в Россию. Деньги же в основном аккумуляровались в руках Л.Б.Красина («Никитича»), которого называли «кормильцем партии». Красным были спланированы многие «эксы», а некоторыми из них он руководил непосредственно. Правда, уже на излете «революции», весной 1907 года, V съезд РСДРП после бурных дискуссий запретил впредь проводить экспроприации. Очень трогательно прокомментировала это решение позднее Н.К.Крупская: «Нужно было отступить... Боевиков тоже охватывало разложение». Еще бы не охватывало! Боевики часто утаивали деньги от партийной кассы, тратили их на личные нужды, при «эксах» занимались откровенным мародерством. Впрочем, и решение V съезда было самым обыкновенным лицемерием, так сказать, «игрой на публику». Куда они могли «отступить», на какие деньги содержать партию?

Забавно, что «рекордное» ограбление было совершено спустя всего пару месяцев после съездовского «запрета», 13 (26) июня 1907 года. В тот день дюжина боевиков во главе с легендарным С.А.Тер-Петросяном (Камо) с ведома и одобрения Ленина и при самой непосредственной поддержке Сталина совершила дерзкое ограбление государственной казны, сопровождавшееся, как водится, человеческими жертвами. Тифлисское ограбление могло принести в большевистскую кассу 250 тысяч рублей, но не все деньги туда попали. Дело в том, что почти вся сумма была в 500-рублевых купюрах и, по замыслу Красина (он из-за кордона руководил этой акцией), их следовало разменивать только за пределами

России. И Камо со всей суммой отправился к Ленину в Финляндию. Дальнейшее исполнение этого до мельчайших деталей продуманного плана сорвалось. Зарубежный агент Департамента полиции Я.А.Житомирский (Отцов) уведомил своих коллег пограничной агентуре о замысле с массовым разменом, а из Тифлиса сообщили номера купюр.

В итоге при попытке размена в Париже, Мюнхене и других городах были схвачены мелкие исполнители, а эта ниточка вскоре привела полицию к «самому» Литвинову. Но большевикам удалось «доказать» европейским юристам, что тифлисский налет был не банальным ограблением, а «политическим актом». В итоге русскому правительству отказали в выдаче арестованных, а затем их и вовсе отпустили восвояси. Лишь только Камо был «прочно» схвачен берлинской полицией.

Деньги тогда большевикам, в общем, удалось сохранить (при попытках размена у них было изъято всего 20 — 25 тысяч), но скандал получился большой. В Европе всех русских социал-демократов честили бандитами и грабителями, и даже вежливый Плеханов назвал большевиков «ворами» и «разбойниками». Между тем совершенно не обескураженный неудачей Красин дал команду художнице-большевичке Шмидт переправить номера ассигнаций, записанных в полиции. Фаня профессионально выполнила задание, и деньги спокойно были пущены в оборот без обмена. Любопытно, что к тому времени в Париже уже состоялось объединенное заседание ЦК РСДРП, на котором от большевиков потребовали сдать награбленные деньги в ЦК для последующего сожжения. Подписав обязательство сдать деньги, «партизаны Ильича» попросту проигнорировали его.

ЭТО БЫЛО далеко не первым и, разумеется, не последним обещанием, которое лишь обещанием и осталось. Цинизм, демонстративное презрение к законности с самого начала были негласной основой политической стратегии партии. Участие же в «эксах» не просто разлагало многих социал-демократов, а превращало их в уголовников. Боевик Петербургского комитета РСДРП(б) А.Сергеев с удовольст-

вием вспоминал, как однажды он в компании пятерых «товарищей» по боевой группе, возвращаясь с лекции (!) об использовании взрывчатых веществ, наткнулся на казенную водочную лавку. Ну и, ясное дело, «для практики» решили экспроприровать ее. Гаркнув в лицо перепуганного сидельца лавки «Руки вверх!», боевики отобрали у него выручку (рублей 60 — 70) и мигом ретировались. «Было страшно, но этот удачный боевой опыт поднял наше настроение», — писал Сергеев.

Конечно, были среди большевиков и те, кто с трудом, с внутренними мучениями принимал уголовную «стратегию» партии, а то и вовсе отвергал ее. Сохранилось, например, весьма характерное письмо безымянного социал-демократа из Смоленской каторжной тюрьмы на волю. Вот что пишет этот человек: «Нас практическая работа удовлетворяла лишь постольку, поскольку партийная работа шла подпольным путем; но как только времена изменились, как только партия вышла на широкую арену общественной деятельности (т.е. после манифеста 17 октября. — Авт.), как только партии потребовались работники теоретически подготовленные, то мы оказались умственными банкротами; мы оказались подпольными инвалидами; на нашу долю досталась ничтожная роль разносильщиков литературы да оповещать о собраниях».

Такого рода признания не единичны. Видный большевик М.Ольминский, анализируя период «революции» 1905 года, писал, что в экспроприациях были повинны «руководящие круги революционных партий, в том числе и нашей партии. Немало хорошей молодежи успешно погибнуть на виселицах; другие развратились; третьи разочаровались в революции. А население стало смешивать революционеров с уголовными элементами». Еще яснее и категоричнее высказался на этот счет историк партии М.Н.Лядов: «Боевая партизанская деятельность начала вырождаться в чистый бандитизм...»

Разумеется, одними только грабежами трудно было удовлетворить аппетиты партии, растущие не по дням, а по часам. Красин, например, наловчился выколачивать деньги из людей, «сочувствующих» революции, беззастенчиво облагая их «партийным налогом». Сам он вспоминал

по этому поводу: «Считалось признаком хорошего тона в более или менее радикальных или либеральных кругах давать деньги на революционные партии, и в числе лиц, довольно исправно выплачивающих ежемесячные сборы от 5 до 25 руб., бывали не только крупные адвокаты, инженеры, врачи, но и директора банков, и чиновники государственных учреждений». В каком-то смысле можно сказать, что партия существовала на деньги беспартийных.

Одним из наиболее мощных финансовых столпов большевистской партии был фабрикант Савва Морозов. Красин с гордостью вспоминал, что Морозов исправно выплачивал большевикам деньги, вплоть до гробовой доски в буквальном смысле слова — последний взнос был им сделан за два дня до самоубийства. Регулярно финансировал большевиков и московский мебельный фабрикант Николай Шмит, который в декабре 1905 года был арестован за поддержку вооруженного восстания в Москве. Шмит, страдавший психическим заболеванием, покончил с жизнью в одиночной камере Бутырок в феврале 1907 года. Потеря такой «дойной коровы», естественно, не входила в планы большевиков, и незадолго до самоубийства Шмит по их настоянию завещал партии все свое имущество. Но уверенности в том, что власти не устроят с этим наследством какую-нибудь каверзу, не было. Для юридического закрепления права партии на наследство Шмита Красин нашел оригинальный ход — выдать замуж (фиктивно, разумеется) несовершеннолетнюю сестру покойного Елизавету за большевистского боевика Игнатьева.

«Диапазон» деятельности большевиков во имя достижения своих целей был воистину безграничным. Известен такой, например, случай: в мае 1907 года во время ареста и обыска на квартире депутата II Государственной думы большевика И.П.Озоля у некоего В.К.Сережникова при личном просмотре была обнаружена записка загадочного по тем патриархальным временам содержания. Текст ее гласил: «В пользу голодающих и безработных от Альберта Д.Кораблева получено сто (100 рублей) за снятие бойкота с его лавки на Выborgской стороне, Безбородкинский проспект, д. 7. Получил Гелова-

ни 12 апреля 1907 года. Получено думской фракцией соц.-дем.фр.». Современному читателю вряд ли надо объяснять, что речь здесь идет об элементарном рэжете, но, конечно, отнюдь не «в пользу голодающих и безработных», а на нужды «соц.-дем.фр.». Любопытно было бы узнать, как же именно выглядел этот «бойкот».

МЕЖДУ ПРОЧИМ, в отличие от Ленина, Маркс, последователями которого числили и числят себя российские большевики, в свое время решительно высказывался против террора даже в виде частных актов. Но боевики РСДРП, слабо разбравшиеся в марксизме, при малейшей возможности попросту уничтожали своих политических противников. В январе 1906 года общественность была взбуждена бандитским налетом «партизан» на петербургский трактир «Тверь», служивший чем-то вроде клуба местной организации «Союза русского народа». (На всякий случай поясним, что мы не сторонники этой организации и ее методов «борьбы»). Налет был санкционирован специальным решением Петербургского комитета РСДРП 27 января (9 февраля) вечером, когда в «Твери» находилось десятка три безоружных черносотенцев, большевистские боевики подкрались к трактиру и швырнули в окно заветный булыжник — «оружие пролетариата». Находившиеся внутри посетители бросились к дверям, рассчитывая задержать «хулигана», но под ноги им было брошено уже другое оружие — бомба. Оторопевшие от неожиданности черносотенцы кинулись обратно в помещение (кроме оставшихся на месте раненых и убитых), а вслед им полетели еще две бомбы, одна из которых, правда, не взорвалась. Когда замешательство прошло, уцелевшие посетители попытались было выскочить на улицу, но там их встретили револьверные выстрелы...

Итог налета на «Тверь» оказался совсем не таким, какого ждали большевики: «всего» двое убитых и 15 раненых. Среди боевиков никто не пострадал и — что еще более интересно — не был арестован! А ведь Департамент полиции впоследствии опубликовал довольно длинный список участников этого теракта.

Перечисленные факты, думается,

наглядно свидетельствуют, что ни в избытке нравственности, ни в особом почтении к законам (в том числе и к уголовным) упрекнуть большевиков было нельзя. В сравнении с грабежами и поджогами, бандитскими налетами и убийствами из-за угла совсем уж безобидной детской игрой выглядели систематическая подделка большевиками паспортов для «революционных» нужд и фабрикация самых различных фальшивых документов. Были у РСДРП в этой «сфере деятельности» и подлинные мастера. Близкий к Сталину грузинский большевик Ладос Кецохели однажды так ловко подделал удостоверение на право открытия типографии, выданное якобы елисаветпольским губернатором, что типография эта преспокойно потом работала на глазах у полиции, не вызывая ни малейших подозрений. А большевик С.Розенер вспоминал, как он сам подделал бланк новгородского губернатора на право открытия в городе типографии.

Не брезговали большевики и участием в разбойных нападениях на помещичьи усадьбы, неизбежно заканчивавшихся их поджогами. С «эксплуататорами» при этом расправлялись по-разному, применяли, например, телесные наказания. Известен случай, когда на глазах всей дворни боевики выпороли нагайками не только помещика, но и его молодую дочь...

А РОССИЙСКИЕ либералы с энтузиазмом шли по пути демократии, не замечая (или не желая замечать?), что где-то совсем рядом прокладывают иную дорогу, щедро мостя ее трупами и живыми телами. Чехов уже пообещал вскорости небо в алмазах. Потомкам некрасовского Гриши Добросклонова слышались «звуки лучезарные гимна благородного». Но вместо Гриши с томиками Белинского и Гоголя под мышкой или, на худой конец, безобидно-глуповатого дяди Вани в окно вломилась не слишком интеллигентная личность с обрезом и бомбой в руках «Запальной, ребята!» Дождались...

Василий ШИШКАРЕВ:

«Я ГОТОВ ВЫЙТИ ИЗ ОКОПА. НО ЗА КЕМ?»

Десять с лишним лет назад в спортивный отдел «Комсомольской правды», где я тогда работал, его привел начальник полярной экспедиции нашей газеты Дмитрий Шпаро. И рекомендовал: «Вот знакомьтесь, новый член экспедиции Василий Шишкарев. Более того, мне кажется, что это не просто новый путешественник, это — новый человек. Помните Рахметова из романа Чернышевского «Что делать?»? Он на гвоздях спал, а Василий, чтобы путешествовать по Арктике, спал в палатке рядом с домом несколько зим подряд, даже в сорокаградусные морозы». В 1979 году в группе Шпаро он достиг на лыжах Северного полюса. Потом переходил по льду Северный Ледовитый океан. И вот несколько недель назад совершенно случайно встречаю Василия на одной из московских улиц. Слово за слово — разговорились. Работает он сейчас наладчиком на ЗИЛе. Спрашиваю о прежнем увлечении путешествиями: где был недавно?

— В Ленинграде. На втором инициативном съезде коммунистов России.

— Но во время покорения Северного полюса ты был беспартийным. Интересно, почему ты тогда не вступал в КПСС? Неужели по убеждению?

— Да. Я был уверен, что к тому времени еще не освоил всей суммы знаний, необходимой настоящему коммунисту.

— И когда же ты ее освоил?

— Коммунистом я стал в 1982 году. Но давай договоримся уважать веру друг друга. Я знаю антикоммунистическую позицию вашего журнала, а сам придерживаюсь противоположных принципов.

— Но такой диалог, согласись, необходим. Мы должны уяснить полярные точки зрения, существующие в нашем обществе. И даже попытаться сблизить позиции, найти компромисс, чтобы избежать гражданского противостояния. А возможно, даже в чем-то и убедить друг друга. Кстати, в чем же вы, коммунисты, хотите убедить народ?

— Народ — это слишком общее понятие. Ведь уголовники тоже относятся к народу. Мы выступаем за демократию, при которой власть в государстве принадлежит трудящемуся народу.

— Ты можешь привести исторические примеры настоящего народовластия?

— Первые годы Советской власти. При Ленине трудящиеся действительно получили возможность управлять государством.

— Но, извини, в окружении Ленина практически не было рабочих. Сам Владимир Ильич и его единомышленники, с которыми он захватил власть, принадлежали отнюдь не к трудящимся слоям населения в твоём толковании. Ленин, например, был дворянином. И ты никогда не думал о том, что эта группа политиков-большевиков, прикрываясь пролетарскими лозунгами, тоже нещадно эксплуатировала рабочий класс в своих целях? Да и каким образом сами рабочие тогда управляли государством?

— Через институты Советской вла-

сти. Вспомни, что все важные государственные решения принимались тогда на съездах рабочих и крестьянских депутатов. А кто был депутатом тех съездов? Именно представители рабочих коллективов.

— Чем же вас не устраивают нынешние съезды народных депутатов?

— Тем, что трудящиеся на них вновь оттеснены от рычагов власти. Среди депутатского корпуса рабочие оказались в значительном меньшинстве. И они уже не могут повлиять на принятие важных государственных решений.

— Но кто же виноват, что в предвыборном марафоне рабочие довольно часто проигрывают своим соперникам? Видимо, в нашем обществе широкие слои, наконец, поняли, что не всякая кухарка может управлять государством. Что издавать законы — это тоже высокое искусство, которому нужно учиться. Поэтому для законодателя все-таки важнее образование, чем происхождение.

— Категорически с этим не согласен. Дело в том, что рабочий и артист, баллотирываясь по одному избирательному округу, окажутся в заведомо неравных условиях. Артист популярнее рабочего. А для избирателя популярность — один из важнейших факторов выбора. Потому так мало на съезде оказалось рабочих. Чтобы устранить этот демократический перекокс, наш Объединенный фронт трудящихся выступает за выборы по территориально-производственным округам. То есть, крупные предприятия должны иметь право делегировать на съезд своих представителей.

— А ты не считаешь, что создавать рабочим такую избирательную привилегию значит унижать их, допускать, что они являются гражданами второго сорта, которые не способны одержать победу в честной демократической борьбе? Тем более что выборы по производственному принципу тоже ведь ставят простых рабо-

чих в невыгодное положение по сравнению с руководителями производства. Секретаря парткома на заводе, например, знают больше, чем какого-нибудь работника. Более того, с помощью производственного принципа номенклатуре удобнее продвигать в структуры законодательной власти нужных людей. Ведь трудовой коллектив ЗИЛа почему-то постоянно выдвигает в депутаты своего директора Бракова, а не наладчика Василия Шишкарева.

— При производственном принципе по сравнению с территориальным проще отзывать депутата, который не выполняет наказы избирателей. Трудовой коллектив все-таки лучше организован, чем проживающие в одном районе граждане.

— Но попробуй ты, простой рабочий, организовать кампанию по отзыву из депутатов директора завода.

— Чтобы не бояться директора, рабочие должны стать владельцами предприятия. Иначе говоря, владеть тем, что они производят.

— Владеть продуктом своего труда — это иметь право устанавливать цену на свою продукцию, продавать ее более выгодному покупателю, что невозможно без рынка. Почему же тогда Объединенный фронт трудящихся выступает против рынка?

— Рынок, рынок — все как будто на нем помешались! Мы считаем, что плановая экономика значительно эффективнее рыночной. До 1953 года наша экономика развивалась более высокими темпами, чем капиталистическая. Потом стали вводить элементы рыночных отношений и погубили экономику.

— Ты одобряешь принуждение на производстве?

— А разве при капитализме не существует принуждения? Там просто платят больше, зато и требуют — дай Бог. Я был в Канаде на одном из заводов. И хорошо представляю, какая там эксплуатация.

— Эксплуатация, насколько я понимаю, зависит не от количества труда, а от размера присвоенной прибыли. Более грабительского ее присвоения, чем при коммунистическом режиме, ни при каком другом государственном устройстве не было. Разве что при рабовладельческом строе. Уж кому-кому, а рабочим это должно быть хорошо понятно. Почему же ты защищаешь ту партию, которая

Рис. К.Рыбалко

тебя от твоего имени и грабила?

— Я защищаю не партию. Я защищаю идею. КПСС сегодня уже нельзя считать коммунистической партией. Она переродилась в партию социалдемократического толка. Ей глубоко наплевать на интересы рабочих. Это относится не только к Центральному Комитету, но даже к нашему заводскому парткому.

— Как же ты собираешься возрождать партию?

— Конечно, было бы проще создать новую партию, объединив в организацию настоящих коммунистов. Но мы не хотим оставлять накопленное партией имущество таким пере-

рожденцам, как Горбачев. Поэтому должны уйти они, перерожденцы. Не уходят сами — их надо исключить. Существует уже проверенный метод укрепления и возрождения партии. Это чистки. Сегодня нам необходимо провести партийную чистку. Причем очищать партию надо не в кулуарах, а прилюдно. Приглашать на собрания даже беспартийных. И каждый коммунист должен отчитываться за проделанную работу. Я уверен, если бы Горбачев приехал отчитываться на ЗИЛ, он бы ушел после этого отчета без партийного билета.

— И много же настоящих коммунистов на вашем предприятии?

— За весь ЗИЛ я говорить не могу. Но в нашем механосборочном цехе номер два я считаю себя единственным коммунистом. Повторяю, коммунистом, а не членом партии.

— Кого же ты причислишь к настоящим коммунистам?

— Того, кто ставит интересы общества выше личных. И работает не ради наживы, а ради блага государства.

— Когда же ленинская партия перестала быть коммунистической?

— Думаю, после смерти Сталина. По крайней мере, Сталин был более последовательным ленинцем, чем Хрущев, Брежнев и Горбачев, вместе взятые. Он жил очень скромно и своим наследникам не оставил ни денег, ни дач. Чего не скажешь о тех, кто управлял государством после него.

— А как быть с Полозковым?

— Ему не хватает решительности. Он честный человек, но, увы, уже неспособный к борьбе за социальную справедливость.

— Что ты понимаешь под решительностью?

— Наша партия находится в аморфном состоянии. Она позволяет дельцам всякого рода дурачить рабочих. Ельцин стал народным депутатом как борец за справедливость. Люди поддержали его потому, что он выступил против привилегий, которыми пользовались лжекоммунисты. Но потом оказалось, что Ельцин борется против партократии не ради интересов трудящихся. Он преследует свои личные политические цели. И всего лишь старается заменить нахлебников с партбилетами на владельцев частной собственности. А рабочие опять в дураках. Раньше они горбатились на одних, теперь — на других. Но суть эксплуатации не изменяется. Так

вот, коммунистическая партия не имеет права отсиживаться в окопах, когда идет такой грандиозный социальный обман. Слова не помогают, надо переходить к действиям. Мы, рабочие, поддержим любые решительные меры, направленные на защиту наших интересов. Но для этого к руководству партией должны прийти новые люди, решительные люди. В рядах коммунистов такие имеются. И если мои товарищи по работе, рабочие, возьмутся за оружие, я буду среди них.

— Опять призы на баррикады? Опять кровь и террор? Ты сам как относишься к террору?

— Сейчас — отрицательно. Но в принципе такая форма борьбы не должна исключаться. Рабочие в любом обществе — самый бесправный класс. И если мы сами себя не защитим, то нас никто не будет защищать. И единственная наша сила в организованности. В партии.

— Но почему, защищая свои интересы, рабочий класс должен подавлять интересы других?

Почему все должны спать на гвоздях или жить зимой в палатках? А если я, например, хочу работать на себя?

— В этом мы принципиально расходимся. Работа на себя неизбежно приводит к социальному неравенству.

— Естественно, потому что у всех людей разные способности, разные возможности. Но я не вижу в этом несправедливости. Каждый должен получать по труду.

— Ты за сколько пробежишь стометровку? Допустим, за четырнадцать секунд. А Бен Джонсон? За девять с половиной. Разница есть. Но она сопоставима. Так и в работе. Один человек может работать лучше другого. Но не в десять же раз! Почему рабочие получают сейчас по 400—500 рублей, а некоторые предприниматели — уже по 8—10 тысяч в месяц? Это разве не обман, не эксплуатация?

— Значит, ты считаешь сегодня главными врагами справедливости нарождающихся предпринимателей? Но, может быть, лучше их не уничтожать, а обложить налогами? Ведь за их счет можно значительно пополнить государственный бюджет.

— Это не их счет, а счет трудящихся. Они присваивают себе крупные доходы путем обмана трудового народа. Предпринимательство — это есть хитрость; надувательство. Хо-

рошо известно, что мошенничеством можно заработать больше, чем честным путем. Но мошенничество почему-то уголовно наказуемо. Предприниматели — те же мошенники.

— А ты вообще знаешь хоть одного предпринимателя? Видел, чем и как он занимается? А то ведь можно до бесконечности рассуждать о неправильности японского языка, будучи совершенно с ним не знакомым. Вот и получается, что у нас еще нет предпринимателей, а ты уже предлагаешь экспроприировать их собственность. Отнимать и делить — мы уже проходили. Это бандитский метод. И досадно, что настоящие коммунисты равняются на грабителей с большой дороги.

— Значит, честных рабочих обманывать и грабить можно? А толстосумов, которые нажились нечестным путем, мы должны защищать законами? Нет, настоящие коммунисты позволить такого не могут.

— Но почему же ваша коммунистическая идея о всеобщем равенстве в нищете сегодня мало кого привлекает? Ведь ты сам говорил, что настоящих коммунистов — даже на производстве — единицы.

— Время коммунистов еще придет. Это сейчас все вроде бросились обогащаться. Но вскоре большинство поймет, что их просто обманывают. У нас отнимают не только заработанные деньги, но даже само право на работу. Проект ельцинской конституции такого права нам не гарантирует. Нам гарантируется право на занятость, а значит — на безработицу. Я очень надеюсь на тех, кто сегодня вступает в сознательную жизнь. Сопоставляя цены в коммерческих магазинах и свои зарплаты, эти люди быстро придут к идее социальной справедливости. У честных людей не остается выбора улучшить жизнь — либо им надо становиться мошенниками, либо коммунистами, либо вживаться в систему лжи и обмана — и самому лгать, обманывать, либо надо бороться за изменение всей системы. За справедливость.

— Ну а что же делать тем, кто думает иначе?

— Задуматься над тем, что сейчас происходит.

Беседу вел Юрий БЫЧКОВ

Москва: Прощайте, последние профессионалы!

У нас создается профессиональный хоккейный клуб под названием «Кремлевские звезды». Светить они будут в новой Международной ассоциации профессионального хоккея «Континентал» (конкурент НХЛ).

Из 80 предполагаемых встреч только десять «Кремлевские звезды» проведут в Москве, остальные — на чужих площадках (но в Европе). Вообще-то, организаторы «Континентал» очень опасаются, что у Москвы не хватит валюты даже на эти десять матчей.

Но самое грустное в том, что в «Кремлевские звезды» уходят немногие опытные игроки, оставшиеся в нашем хоккее и не уехавшие за рубеж. Кто же будет играть для наших болельщиков?

Алексей ЗАВГОРОДНИЙ

Осколки собирала Елена АВЕРИНА

Наш телефон: 921-70-79

Рисовал Константин Рыбалко

ПОСВЯЩЕНИЕ «РАХИТУ»

Он размахисто перекрестился и шагнул на авансцену. Стадион «Динамо» взвыл. Из мешанины звуков выплыл диагноз:

— Родина моя, ты сошла с ума! Великолепный баритон бархатного тембра. Атлетическая фигура и отличная пластика. В руках — гитара.

Игорь Тальков. Восходящая звезда крутого поп-мьюзика, где рокерская экспрессия замешана на прилизанности эстрады.

Далее в стиле «рэп» последовало указание причины помешательства. «Работает машина с дьявольским названием

«эСэС-КаПэ-КаПэ-эСэС».

Тальков скинул доголоый черный плащик и запел «Россию». В одном из проигрышей раздался до боли знакомый голос: «Товарищи! Социалистическая революция, о которой столько говорили большевики, свершилась. Поздравляю!»

И далее: «Следите за его рукой, следите за его рукой!» Разумеется, пальцы Талькова сложились в кукиш, нацеленный в многотысячную аудиторию, после чего он надел китель с четырьмя «Георгиями». Вновь став под прожектора, певец сказал:

— Следующая песня посвящается тому ублюдку, который кинул в меня вот это. Если еще раз кинет, я подойду и разобью ему харю!

И — пара непристойных жестов. Что ж, имидж есть имидж. Позже удалось узнать, что прилетело на помост: огурец. Действо раскручивалось.

— Обращение к господам демократам прошлого века... Пусть ответят за все Чернышевский и Герцен... В тюрьму превратили Великую Русь...

Вот когда полностью прояснилась природа тальковской коммунизмофобии. Русская правая идея. Эффектно допев, Тальков зоркими глазами отыскал обидчика: «Рахит! Тебе посвящается... Слышь... Рахит?»

В отличие от девальвированного слова «ублюдок» это было куда свежее. Но арьергардную вещичку Игорь решил посвятить другому врагу: «И слетит шароголовый с пьедестала прямо в ад...» Речь об Ильиче-первом.

А в это время многие соратники певца по «русской правдой» постепенно сближаются с КПСС. Интересно, какое чувство в конце концов пересилит у Талькова —

ненависть к коммунистам или презрение к демократам? Если второе — будет жаль. Певец он все-таки талантливый.

Москва

АЛЕЙТМАН

КРАСИВАЯ, НО СПОРНАЯ ИДЕЯ

В статье М.Эпштейна «Фрейд и перестройка» («Столицы», 1991, февраль) содержится предположение, что материалистическая идея не была навязана нам извне, а прямо восходит к «нейстовой ругани», конкретно к «любимому выражению... низов».

Из слов М.Эпштейна следует, что Россия — отгороженный от мира островок материализма и матерщины, где второе порождает первое. Но мат был и существует во многих государствах.

Наивно полагать также, что в употреблении мата отражается материалистическая установка говорящего. Обратите внимание: даже в изрядно подгулявшей компании, появившись там женщина или ребенок, мат, как правило, прекращается. И дело здесь не в следовании этическим нормам — центры, ведающие ими, расторможены, — а в вещах более серьезных — отголоске древних табу, которые налагались на употребление мата. А это указывает на то, что мат имел сложную систему магических и мистических функций, которые не просто выходят за рамки материализма, но и прямо противоположны ему.

Непонятно также, почему автор обращается почти исключительно к «низам российского общества». Ведь функции русского мата многообразны и в «верхах»: он широко, с разными целями использовался и используется в литературе. Достаточно вспомнить Баркова, Лермонтова, Полежаева, Пушкина, а из современников — Вен.Ерофеева, Т.Кибирова, Д.А.Пригова и др. Как видно, автор и в этом случае находится в плену красивой, но спорной идеи. Полагаю, что М.Эпштейна, как исследователя художественной литературы, ввела в заблуждение паронимическая аттракция: прием, сближающий слова, между которыми общее — только фонетика. Что и позволяет увидеть в материализме — проявление мата, а в мате — исток материализма. Но

говорить об этом всерьез можно только как о поэтической формуле.

АШУНЕЙКО

ДВОРЯНИНА ПОДОСЛАЛИ...

Возмущена статьей Тимофеевского «Дворянский синдром». Не только я, но и многие мои знакомые считают, что сейчас, агонизируя, КПСС делает все, чтобы опорочить левую прессу, свободное телевидение, а также унижить Дворянское собрание, собрание людей чести, то есть прямо противоположных по своему складу коммунистам.

Возможно, именно они и подослали остзейского дворянина-коммуниста и неверующую девицу.

Жаль, что на страницах «Столицы» прозвучала косвенная защита коммунистов и безбожников. Если бы Тимофеевский выступил в «Советской России» или любой другой красной газете, все встало бы на свои места. Напечатанная же на страницах вашего журнала, его статья многих огорчила.

Москва

В.МАКЕЕВА

Я — ЗА ТЕРРОР!

Станислав Говорухин, я рад вашему голосу здравого смысла. Полагаю, что виноваты и были виноваты не только правительство и Дума до революции и не только нынешнее правительство. Виновата впаившая в экзальтацию интеллигенция (полагаю, что демократы превратились в деструктивную силу, в неособыхников, им бы все «долгой!» кричать и легион алкоголиков и бездельников, а также военно-промышленный комплекс. Считаю, что у Горбачева нет выхода, кроме движения против ветра галсами: «вправо», «влево». Я за террор против насильников и убийц. Против того, чтобы сентиментальничать с ними да еще ссылаться при этом на святые жертвы сталинизма. Понимаю, что о выпшел за пределы вашей концепции.

Москва

В.ЛИПЕЦ

Валентин КОРОЛЕВ

НА ТАЙНОМ ПОЛЕ БРАНИ

«У чекиста должны быть чистые руки, холодная голова и горячее сердце».

(Ф.Дзержинский, основатель ВЧК)

«У нас есть чем гордиться».

(В.Крючков, председатель КГБ)

Комитет в законе

В мае союзный парламент принял Закон об органах государственной безопасности в СССР, сохранивший самую мощную в мире политико-сыскную спецслужбу, наделивший ее неограниченными правами, гарантировавший особую личную и имущественную неприкосновенность сотрудников, агентов КГБ и членов их семей, превративший всех остальных в кандидатов на вербовку в качестве агентов Комитета: «Граждане СССР содействуют обеспечению государственной безопасности» (ст.6). Речь идет не о рекомендации содействия. Оно утверждено Законом как факт. С учетом нижеизложенных возможностей, форм, методов и целей бесконтрольной агентурно-оперативной деятельности органов КГБ Закон дает основания для серьезных размышлений всем, включая парламентариев, чья неприкосновенность ограничена во времени.

Закон максимально облегчил агентурно-оперативную работу, перечеркнув ради этого ряд статей союзной Конституции, в т.ч. гарантировавших неприкосновенность жилища, тайну переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений. Раньше чекисты нарушали их повседневно на основании секретных внутриведомственных нормативных актов. Теперь они будут делать это «на законном основании», несмотря на верховенство Конституции над всеми иными законами и любовь парламентариев к разговорам на эту тему.

Чтобы нарушить «неприкосновенность жилища», чекисту уже не нужно брать с собой участкового или самому переодеваться в милиционерскую форму. Не требуется и ордер на обыск, достаточно «последующего уведомления прокурора». Равно как при перлюстрации корреспонденции (ПК) и контроле технических средств связи. Это означает, что прокурора будут уведомлять лишь при наличии доказательств преступной деятельности «объектов», в то время как ПК и негласный слуховой контроль будут осуществляться тотально, как и прежде.

Указанные в Законе основания для несанкционированного вторжения в помещения (непосредственное пресечение преступлений, преследование подозревае-

мых и чрезвычайные обстоятельства) неконкретные. В планах многих оперативных мероприятий (установка микрофонов, негласный обыск и др.) всегда был обязательный пункт: «В случае появления в районе мероприятия объекта или его связей они будут доставлены в отделение милиции якобы в связи с внешним сходством с разыскиваемыми преступниками». Точно так же чекисты будут «ошибаться» теперь в отношении наличия в квартирах оружия, шпионских принадлежностей, наркотиков и т.д.

Наличие в КГБ следственных отделов сохраняет возможность примата ведомственных интересов над законностью при расследовании уголовных дел. В то же время рамки оперативных интересов КГБ настолько широки, что подразумевают агентурное проникновение во все государственные и общественные структуры, в которых Комитет и впредь обязан заниматься не только режимом секретности, но и «другими вопросами госбезопасности».

Нацеленность на тайную работу в обществе логически неотделима от порученной Комитету дальнейшей борьбы «с разведывательно-подрывной деятельностью иностранных спецслужб и иностранных организаций...» На мой взгляд, Комитету следовало бы ограничиться борьбой с разведывательной, диверсионной и террористической деятельностью. Дело в том, что «подрывная деятельность» в трактовке «чекистской науки» означает нанесение ущерба не только экономической и оборонной мощи СССР, но и идеологическим устоям социалистического общества. Наличие в Законе термина «разведывательно-подрывная деятельность» резервирует за КГБ возможность возобновления борьбы с «идеологическими диверсиями» и осуществления функции политического сыска при одновременном указании Законом на то, что работники КГБ в своей деятельности «не связаны решениями политических партий и массовых общественных движений...». Они «руководствуются требованиями законов». И этого Закона — в первую очередь.

Круг замкнулся, и из Закона о КГБ получилось дышло, которое «куда хочешь, туда и воротишь». Тем более что предусмотренные в нем ответственность сотрудников, контроль и надзор за их деятельностью носят чисто декларативный характер. Зато конкретны статьи, защищающие жизнь, здоровье, имущество, честь и достоинство сотрудников и агентов. Закон охраняет всех, кто в рядах органов ВЧК — КГБ противостоял, противостоял и будет противостоять народу.

Честь и достоинство советских чекистов позволяют им использовать в этом противостоянии не только те методы, которые разрешены принятым Законом (агентурное проникновение, ПК, негласный контроль технических средств связи), но и те, которые не запрещены. Последних гораздо больше: негласный обыск; обра-

ботка «объектов» и их вещей химическими и радиоактивными веществами; психологическое и физическое воздействие на подследственных с использованием внутрикамерной агентуры, информационного голода и других методов ведения следствия; планирование ничем не ограниченной вербовочной деятельности; использование агентуры в политических целях; нейтрализация объектов с помощью агентов из числа психиатров; негласная цензура силами агентуры и офицеров действующего резерва КГБ, работающих в средствах массовой информации, творческих союзах и т.д.

Благодаря безграмотности и бесхребетности союзного парламента народ вынужден испытывать на себе плоды чекистской изобретательности и маяться в скрипучей телеге социалистической государственности, глядя на привинченное к ее оси дышло Закона о КГБ: куда-то из последних сил повернет его правящая партия?

Система

Нынешний КГБ представляет собой идеал тоталитарного государства в государстве и обладает структурами, необходимыми для автономного существования. У него есть свои заводы, научно-исследовательские институты, совхозы, дома отдыха, армия, флот, специальные средства и методы контроля за населением и воздействия на его поведение, различные виды вооружения, строительные войска и техника, транспорт, средства связи, различные, в том числе секретные, каналы материально-технического обеспечения, скрытый под вывесками различных министерств, ведомств и организаций бюджет.

Агентурно-оперативной работой среди населения занимаются десятки тысяч офицеров. Определенная их часть использует для этого прикрытия различных государственных и общественных структур. Это так называемые офицеры действующего резерва. Существует также большое число внештатных сотрудников КГБ — официальных представителей ведомства в различных организациях, включая гостиницы и мотели. Огромный аппарат негласных помощников состоит из агентов, доверенных лиц, содержателей явочных и конспиративных квартир. Негласные помощники КГБ живут почти в каждом доме. Туда, где их еще нет, непременно вхожа агентура из числа различного рода обслуживающих контор и организаций.

В ряде случаев в интересах КГБ используется не менее многочисленная агентура органов МВД. Согласно сложившейся практике и совместным приказам по КГБ и МВД, оперативным начальником на каждой конкретной территории является начальник территориального органа КГБ — от райотдела и выше. Ему подчинены как военная контрразведка, так и милиция, что позволяет в необходимых случаях задействовать в контрразведывательных мероприятиях личный состав этих подразделений. Прямые задания КГБ выполняют и многочисленные агенты, работающие в органах МВД. Прокурорский надзор за оперативной деятельностью КГБ отсутствует полностью. Она совершенно бесконтрольна. Надзор за работой следственных подразделений КГБ осуществляют специально подобранные самими же «органами» прокуроры, верховный контроль за которыми возложен на заместителя Генерального прокурора СССР генерала КГБ Абрамова.

Конечно, в подразделениях КГБ в той или иной сте-

пени отражаются все процессы, происходящие в экономической и общественно-политической жизни страны. Однако, в силу воинской присяги, партийной дисциплины, бесконтрольности и волюнтаризма, эти подразделения легко управляемы руководством «органов», не желающим «поступаться принципами». Кроме того, ведется постоянное воспитание сотрудников в духе корпоратизма, элитарности, «социалистического патриотизма», «социалистического правосознания», безоговорочной веры в авторитет руководителей КПСС и КГБ.

Думаю, ошибочно возлагать надежды на реальную коренную реформу КГБ. Его аппарат не склонен к проведению такой реформы. Для него это было бы самоубийством, которое, естественно, не предусматривалось его создателями. Поэтому не исключено, что в критический момент Комитет увидит для себя единственный выход в том, чтобы уничтожить любого, сующего железки з его шестерни.

В то же время я убежден, что в нынешнем КГБ есть немало сотрудников, пересмотревших свои жизненные позиции, взгляды на сущность и роль своего ведомства. Понятно, что они не могут открыто об этом заявить. Отступничество чекистов от антинародной деятельности «органов» и посягательство на лжеавторитет КГБ чреваты преследованиями со стороны Системы. Ибо нравственность в КГБ — понятие относительное, неотделимое от карательного мышления и повседневной правонарушительной деятельности. Далеко не каждый чекист-руководитель видит в подчиненных ему офицерах и агентах людей, имеющих чувство собственного достоинства, право на мысль и самоопределение. У Системы есть много эффективных способов сломать и заставить молчать практически любого.

Цели

Основной декларируемой целью органов КГБ является обеспечение внешней и внутренней безопасности государства. И это верно. Весь вопрос в том — какого государства.

Корень проблемы лежит в сущности политической системы. СССР является государством диктатуры партийной олигархии. Большевики, захватив власть в октябре семнадцатого, в общем-то и не скрывали, что, в силу малограмотности «гегемона», диктатура пролетариата должна быть «временно» заменена диктатурой их партии, действовавшей якобы в интересах этого самого «гегемона». Но любая диктатура предполагает безусловное насилие над ее противниками. Именно для осуществления насилия в интересах большевистского партаппарата и были созданы органы ВЧК.

Роль «вооруженного отряда КПСС» безоговорочно подразумевает выполнение «органами» функции политического сыска как основной их функции.

Таким образом, главными, я бы сказал, глобальными целями КГБ являются политическая и физическая охрана «элиты» КПСС и, как производное, обеспечение внешней и внутренней безопасности тоталитарного государства.

Структура и функции

Внешняя охранительная функция КГБ возложена на разведку. Сбором политической, экономической и научно-технической информации о противнике занимае-

тся Первое главное управление (ПГУ) КГБ СССР. Оно же создает разведпозиции на случай войны с целью сбора шпионской информации, проведения террористических и диверсионных акций. В мирный период готовит и осуществляет просоциалистические государственные перевороты в зарубежных странах, выводит на территорию СССР потерпевших фиаско марионеток Кремля. Для «революций» ПГУ содержит войска специального назначения, скромно именуемые группой «Каскад», и диверсионно-террористические школы.

Как и в других странах, разведка ведется с легальных и нелегальных позиций.

Легальная разведка осуществляется под прикрытием дипломатических и иных представительств СССР за рубежом. Помимо сбора открытой информации о противнике, содержащейся в средствах массовой информации и литературе, сотрудники посольских резидентур занимаются агентурной разведкой.

Нелегальные разведчики — это, как правило, советские граждане, которые после тщательной проверки и изучения завербованы Первым главком в качестве агентов. После прохождения специальной подготовки и присвоения воинских званий они выводятся за рубеж с документами граждан иностранных государств. Некоторые агенты-нелегалы готовятся с детства. Они воспитываются в специально создаваемых условиях, копирующих образ жизни страны предполагаемой разведдеятельности, что в значительной степени снижает возможность их провала.

Агенты-нелегалы и агенты, завербованные из числа иностранцев, являются наиболее продуктивной частью советской разведки. Легальные разведчики и аппаратчики ПГУ гораздо менее надежны и продуктивны. Причина кроется в «элитарности» ПГУ, состоящего в основном из «детей партгосаппарата». Эти поступают в главк в основном по «звонковой системе» с целью «упаковать» в период работы за границей.

ПГУ не занимается сбором военной информации о противнике. Это единственная специальная функция, которая не находится в ведении КГБ. Ее выполняет Главное разведывательное управление (ГРУ) Генштаба. Однако работа ГРУ контролируется Третьим главком КГБ. Последний занимается агентурно-оперативной деятельностью в ГРУ Генштаба, в МВД СССР, но основной его функцией является руководство военной контрразведкой, т.е. координация агентурно-оперативной работы Особых отделов КГБ по воинским частям, соединениям, объединениям и округам. Особые отделы занимаются агентурной контрразведкой не только в частях, но и в их окружении.

Ведущим контрразведывательным органом является Второе главное управление (ВГУ) КГБ СССР. Оно занимается выявлением сотрудников иноразведок из числа дипломатических и иных представителей зарубежных стран в СССР, осуществляет контрразведку среди туристов и некоторых других категорий иностранцев, «разрабатывает» советских граждан из числа связей дипломатов, курирует контрразведывательную деятельность КГБ союзных республик и областных УКГБ.

Еще при Андропове на базе отделов ВГУ были созданы самостоятельные 4-е управление (контрразведка на транспорте и предприятиях связи) и 6-е управление (контрразведка в министерствах и ведомствах).

5-е управление КГБ, занимавшееся противодействием «идеологическим диверсиям», ныне переименовано

в Управление по защите советского конституционного строя (Управление «З» КГБ СССР). Оно занимается агентурно-оперативной деятельностью в политических партиях и других общественных организациях, в первую очередь оппозиционных КПСС, выявлением и разработкой лиц, призывающих к изменению существующего государственного строя. Особое внимание уделяется тем, кто призывает к насильственному его свержению.

7-е управление КГБ («семерка») осуществляет наружное наблюдение за объектами заинтересованности оперативных подразделений и ведет агентурную работу в ресторанах и кафе с целью организации там визуального и слухового контроля за посетителями.

Служба охраны КГБ (бывшее 9-е управление) осуществляет физическую охрану членов Политбюро ЦК КПСС и центрального руководства страны. Охрана, водители и обслуживающий персонал, включая горничных и официанток, — штатные сотрудники КГБ. Остальные — агенты и доверенные лица. (Снабжение госдач охраняемых лиц производится независимо от регулярности их посещения. Так же, по развернутой схеме, снабжаются и законсервированные дачи. Поступающие туда продукты и вина полностью присваиваются охраной и obsługой.)

В 10-м отделе КГБ сосредоточены учеты действующей и бывшей агентуры, действующих и архивных «дел оперативного учета» и сами архивные «дела». По имеющимся сведениям, 10-е отделы КГБ и УКГБ в настоящее время в срочном порядке уничтожают тысячи архивных «дел». Интересно, сколько сотен миллионов рублей мы затратили на эти разработки и на этих агентов? И сколько планируется тратить на них впредь?

12-й отдел КГБ, осуществляющий негласное прослушивание телефонов, жилых и служебных помещений, по сути, является полнокровным управлением. (Точно так же Следственное управление КГБ лицемерно называется Следотделом, 9-е управление — Службой и т.д.) 12-й отдел ведет агентурную работу на телефонных станциях, в организациях и на предприятиях, занимающихся совершенствованием средств связи, а также созданием инженерно-технических аналогов таких феноменов, как телепатия, ясновидение, дистанционное воздействие на объекты живой и неживой природы.

Вопросами использования операторов-экстрасенсов и приборов, основанных на парапсихологических технологиях, занимаются также 6-е, Оперативно-техническое и другие управления КГБ, которые всего лишь несколько лет назад относились к экстрасенсам как к шизофреникам. Подход к этой проблеме изменился благодаря конкретным достижениям прикладной парапсихологии, а также выявлению фактов использования соответствующих технологий и методологий иностранными разведками. Последние, например, используют так называемых агентов-зомби, т.е. людей, в подсознание которых с помощью методов многоступенчатого гипноза внедрены специальные знания, шпионские задания и легенды прикрытия. «Прочитать» эти «записи» может только сильный гипнотизер, владеющий шифрключами к каждой из 16 ступеней гипноза.

В высшей степени засекречена деятельность 15-го управления КГБ, которое занимается строительством, охраной и контрразведывательным обеспечением подземных спецсооружений — бункеров, коммуникаций и складов, предназначенных для жизни и деятельности

Окончание на 37 стр.

Станислав СЛАВИЧ

МОРЕ И СОЛНЦЕ ДЛЯ ЧЛЕНОВ ПРОФСОЮЗА

Стоит ли сохранять систему профсоюзных здравниц?

Из воспоминаний такого далекого уже детства: когда тетка не хотела сажать курицу на яйца, она окунала ее в кадушку с водой. И курица переставала квочтать.

Сколько раз боженка за последние годы окунал нас в ледяную воду реальной действительности, а мы по-прежнему квоччем, рвемся выискивать идеи социалистического выбора и тотального распределительства. Иногда этот синдром проявляется там, где его совсем не ждешь.

В канун лета по нашей прессе прокатилась знакомая дежурная волна с вопросом: где и как будем нынче отдыхать? Могут сказать: обычное дело, вечные заботы. Так, да не так.

Ведь что беспокоило в прежние доперестроечные времена? Билеты, путевки, сроки, маршруты. Обычная деловая озабоченность и предоступная суетливость. Каждый уважающий себя гражданин, отодвинув все прочее, начинал заготавливать, состыковывая отпуск свой и жены, решая, куда отправить детей — в пионерлагерь или на дачу к теще, листая записную книжку с заветными «блатными» телефонами, где значились Н.Н., М.М., Р.Р. и другие, в руках которых эти самые путевки, курсовки, билеты и другой дефицит.

Сейчас вопрос стоит круче: ехать ли к морю вообще? И в нем, таком, на первый взгляд, простеньком, сосредоточились все наши политические и экономические неурядицы.

Ехать ли в Прибалтику, под сосны Юрмалы и к тихим озерам Литвы? Нужны ли мы там? Ждут ли нас? Но если и ждут, если готовы принять за немением других, располагающих валютой гостей, будет ли там достаточно комфортно? Имеется в виду душевный комфорт, спокойствие, которого все мы жаждем.

А в Закавказье ведь льется кровь, блокируют транспорт...

Что же остается для наших сограждан — москвичей, киевлян, жителей Урала, Сибири, суверенных

республик Средней Азии, еще более суверенного Татарстана, и прочая, и прочая? Северный Кавказ, Юг Украины и Крым. Здесь тоже не ахти как весело (кое-где погромыхивает), торговля по купонам и талонам, но пока, слава Богу, не стреляют. Что ж до цен, то они повсюду сейчас кушаются.

Однако хотелось бы поговорить даже не об этом. С этим пусть каждый определяется, как принято нынче говорить, сам, и, возможно, не ошибется, решив провести отпуск за возделыванием трех соток картошки. Я о другом. Сегодня, спустя семьдесят лет после принятия подписанных В.И. Лениным документов об использовании курортов для лечения трудящихся, поражаешься тому, как сразу, в одночасье, рухнула, показала свою несостоятельность вся эта система.

Вопрос, разумеется, стоит шире, упирается в общие проблемы изнасилованной экономики реального социализма. Но давайте дадим себе труд, присмотримся именно к этой частности.

Повсюду в мире курортная отрасль — прибыльнейшее дело. Хрестоматийный и, пожалуй, несколько даже поднадоевший пример: бывшие задворками Европы, бедные природными ресурсами, но щедро обласканные морем и солнцем, Испания и Греция сумели подняться от отсталости до процветания в немалой степени благодаря индустрии отдыха. У нас же она держалась на дотациях. Только профсоюзные здравницы «ежегодно получали дотации в размере около 400 миллионов рублей». Я цитирую интервью председателя Центрального совета по управлению курортами профсоюзов Ю.В. Ступина. Сколько выделяли от своих щедрот ведомственным здравницам военно-промышленный комплекс, партийные, комсомольские структуры, пресловутое 4-е управление Минздрава, которым принадлежат лучшие санатории, турбазы, пансионаты и дома отдыха, все

еще неизвестно. Но, думается, не меньше, а то и больше.

И вот если не все, то многое из этого надломилось. Рынок. Бюджетный дождь поумерился, а кое-где почти иссяк. Пришлось подчитать и называть реальную стоимость путевок, и она ошеломила. Ведомства побогаче еще как-то держатся на плаву, что же касается профсоюзов, то Ю.В. Ступин далее говорит: «...Нечем платить зарплату, не на что покупать продукты, нет средств на хозяйственные расходы. В катастрофическом финансовом положении оказались курорты Кавминвод, Краснодарского края, Дальнего Востока... Мы близки к банкротству...»

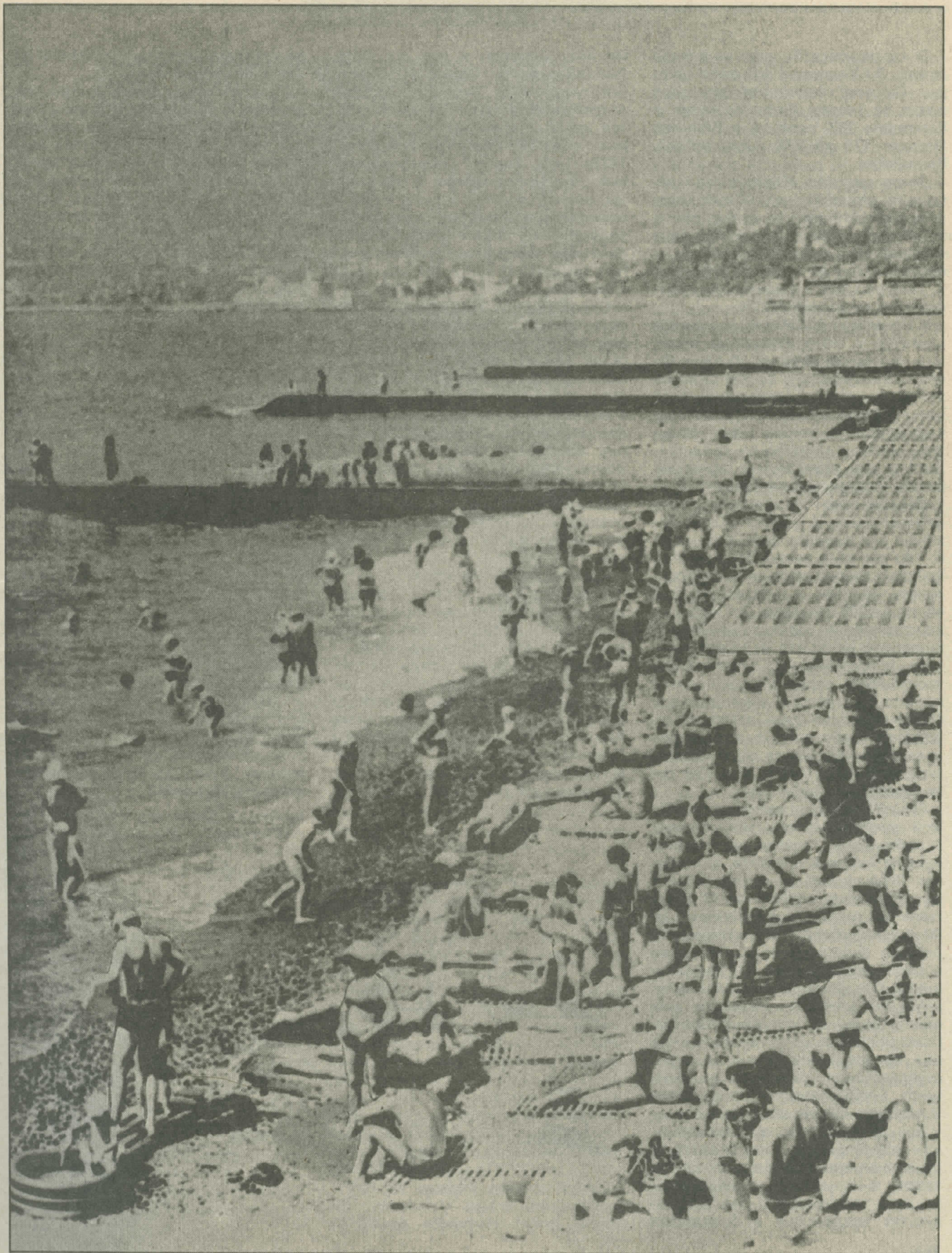
Крым в этом — мартовском еще — интервью не упоминается, но пройдет немного времени и Э.А. Колосник, украинский коллега Ю.В. Ступина, в другом интервью возмущенно заговорит и о крымчанах: они-де, во-первых, решили «не обеспечивать имеющиеся на полуострове «чужие», то есть не крымские, здравницы продуктами питания из местных ресурсов», а во-вторых, «установили драконовские цены за аренду земли».

Что на это сказать? По пункту первому проще всего сослаться на собственный пример. В январе, феврале и марте я так и не смог «отоварить» свои талоны на масло, крупу и некоторые другие продукты, а в мае, чтобы все же получить 200 г. положенного на месяц масла, должен был простоять в очередях больше часа. При этом всячески успокаивал стоящих рядом сограждан, говоря им, что это еще не беда — то ли было во время войны.

И дело ведь не во мне. В таком же положении оказалась половина населения Ялты.

Не злобедность, а бедность и бессилие, чувство ответственности перед собственными инвалидами, детьми и стариками, боязнь социального взрыва вынудили, как мне думается, крымские власти на этот шаг. Не только крымские, кстати.

О «драконовской» цене за аренду земли. Э.А.Колосник называет цифры. Скажем, ежегодная арендная плата за гектар земли составит в Евпатории 187 тысяч, а в Большой Ялте от 176 до 376 тысяч рублей. Впечатляет.

Далее цитирую: «Один только лагерь санаторного типа «Юный ленинец» выставил счет за аренду земли на 45 миллионов рублей. И при этом строжайшее предупреждение: не внесете плату до 1 января 1992 года — заберем все здравницы в собственность Крымской АССР!»

К Крымской АССР в ее нынешнем качестве у меня отношение сложное, но сейчас речь не об этом. Он что, Э.А.Колосник, в самом деле не знает истинного положения дел? Или в данном случае требуется совсем другое — любой ценой защитить систему, которую он представляет, а для этого можно манипулировать цифирью, как вздумается?

Объединение санаторных пионерских лагерей ВЦСПС «Юный ленинец» «отхватило» себе без малого 140 гектаров земли. Задуман был монстр, который должен был переплюнуть «Артек». Не переплюнул. В «Артеке» 228 гектаров. По нормативам положено гораздо меньше. К интересам детей это не имеет никакого отношения — значительная часть земли заросла колючками и пустует. Все дело в княжеских амбициях взрослых дядь, которые огородились заборами. И вот теперь надо либо отказаться от излишков, либо платить за них деньги. Как тут не возопить оскорбленно!

Кстати, размеры арендных платежей устанавливались московскими специалистами, исходя из существующей мировой практики, а на месте Советы снизили их на первый год, установили по Ялте от 16 до 96 тысяч за гектар, а в Евпатории до 76 тысяч рублей. Туберкулезные и детские санатории облздравотдела вообще освобождены от арендной платы. Предусмотрены льготы организациям, которые принимали участие в развитии хозяйства городов. Повторюсь: не могу поверить, что зам. председателя Украинского республиканского совета по управлению курортами профсоюзов Э.А.Колосник всего этого не знает.

Все дело, видимо, в неспособности видеть дальше своего стола, в привычке уповать на бюджет, на дотации, в неумении и нежелании разумно хозяйствовать. Но вот результат безденежья и безвластия

местных Советов: в той же Ялте, бывшей некогда одним из самых благоустроенных городов Европы, потребность в воде удовлетворяется на 56 процентов; водопроводные сети в основном постройки 1875—1925 годов; канализационные сети несовершенны и запущены, полной очистки стоков не обеспечивают, а ливневой канализации вообще нет; дороги разбиты, исторические памятники в небрежении... Нет средств. И так в Крыму — да только ли в Крыму? — повсюду.

Самое скверное то, что в результате сброса неочищенных сточных вод загрязнение моря грозит стать (а по мнению некоторых специалистов, уже стало) необратимым. Помните, как распевали: «Самое синее в мире...»? А в нем попросту бывает опасно купаться. Не лучше состояние воздушного бассейна. О чем можно говорить, когда содержание особо опасного канцерогенного вещества бензопирена в иные месяцы превышает в Ялте предельно допустимые уровни в десять и более раз.

Крым потерял качества климатического курорта, теряет свои целебные грязи. Зато как хорошо, как вольготно чувствовали себя здесь и профсоюзы, и прочие ведомства.

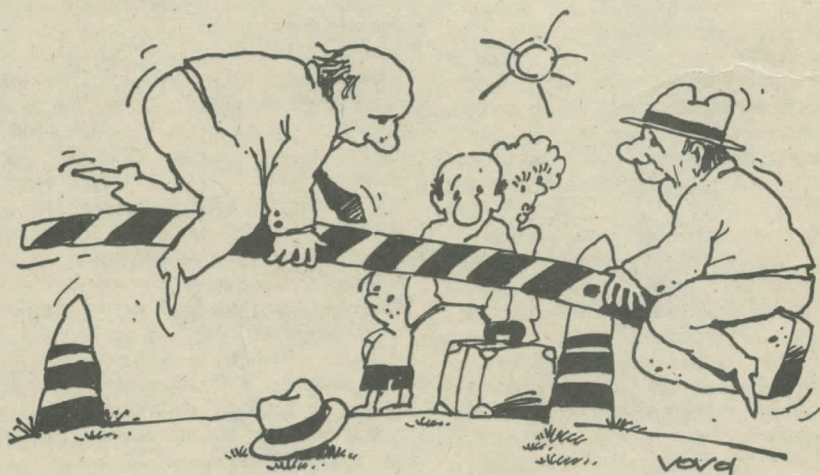
Крамольный вопрос, ради которого я, собственно, и затеял эти рассуждения: а должны ли вообще профсоюзы заниматься курортным бизнесом? В свое время Партия и Правительство решили: быть посему. Но верное ли это решение, профсоюзное ли это дело? Да и нужно

ли это самим трудящимся? Много ли они «с этого имеют»?

Однажды были взяты цифры: количество трудящихся и количество мест в здравницах. После несложных арифметических действий оказалось: каждый трудящийся имеет возможность получить путевку в среднем один раз в 30 лет. Ежели это и в самом деле так, то стоило ли огород городить? Не разумнее ли приватизировать, отдать в аренду, передать в акционерную собственность санатории, пансионаты, дома отдыха, а свою профсоюзную энергию направить не на выколачивание дотаций для заведомого меньшинства, а на повышение жизненного уровня (зарплата, продолжительность отпуска и рабочей недели) всех трудящихся. Чтобы и в новых для нас рыночных условиях наши люди, подобно своим зарубежным собратьям по классу, имели возможность провести всей семьей отпуск у моря. Под патронажем государства, на его содержание пусть остаются детские, реабилитационные, туберкулезные, спинальные и некоторые другие действительно нуждающиеся в поддержке санаторно-курортные заведения.

Вот такие, в частности, мысли вызывает предпринятое на газетных страницах «весеннее наступление» некоторых профсоюзных деятелей.

«Конечно, — говорит Ю.В.Ступин на страницах газеты «Труд», — рыночные отношения должны быть и в курортной системе, но все-таки до известной степени». Так и хочется спросить: до какой?

Михаил Поздняев

1000 ЛЕТ И ТРИ ГОДА

Продолжение. Начало на 5 стр.

Десяносто лет назад на одном из заседаний Религиозно-Философских Собраний ректор Санкт-Петербургской духовной академии, весьма уважаемый, незаурядный, глубоко образованный епископ, споря по вопросу отделения Церкви от государства, высказал мысль, к которой мы, кажется, вновь подступили на исходе века:

«Задача не в том, чтобы «освободить» Церковь от государственной опеки... а в том, чтобы идеалы Церкви были первенствующими... чтобы государство не употребляло Церковь в свою пользу, как орудие».

Два десятилетия спустя под впечатлением ленинского декрета «Об отделении» этот почтенный архиерей признал власть большевиков над Церковью и перешел в печально известную секту «живоцерковников».

Спустя год в Донском монастыре он принес публичное покаяние и вновь попал «из грязи в князи» (ясно, что не без государственной протекции) — в ближайшее окружение Патриарха Тихона.

Еще через год (в 1925-м) после мученической кончины св. Патриарха наш архиерей стал одним из заместителей Патриаршего местоблюстителя митрополита Петра (Полянского).

Владыка Петр в своих посланиях к пастве твердо призывал к непреклонному стоянию за Истину и отвержению всяких компромиссов с безбожной властью. За это он подвергался арестам (в последний раз — в июле 1927-го) и в конце концов был сослан в Заполярье, где пребывал в полной изоляции, подвергаясь пыткам и наказаниям, вплоть до самой кончины — в 1936-м...

Что же касается нашего героя — он, тайком от епископата, собрав несколько архиереев (часть кото-

рых вместе с ним побывали в стане «обновленцев», а кое-кто и впрямую был связан с ГПУ), образовал «Священный Синод при заместителе Патриаршего местоблюстителя»; а затем, заручившись поддержкой своего «Синода», от имени всей Русской православной перкви выступил с заявлением, отмеченным, по выражению официальных церковных историков, «духовной зоркостью, широтой взглядов и проникновенностью ума».

Документ сей, известный как «Декларация митрополита Сергия (Страгородского)», по слогу и сути мало напоминающий стиль ректора Санкт-Петербургской академии, доктора богословия и строгого судии вероотступников, — прямо скажем: документ ничтожный, постыдный! — все более вырастает в наших глазах, когда мы силится осмыслить пути Господни в XX веке, а в последние три года — он, вроде черной грозовой тучи, застит нам свет.

Омрачает наш праздник.

К 1000-летию Крещения Руси издательство «Посев» выпустило маленький календарик «Крестный путь церкви в России 1917—1987». Сколько-нибудь подобного издания ни Патриархия, ни кто иной у нас не предпринял — так что не лишними кажутся мне здесь несколько приведенных там цифр.

До революции в стране было 360 000 священнослужителей (из них 100 000 приходских пастырей), 4 духовные академии, 58 семинарий, 1 250 монастырей, 55 173 православные церкви и 25 000 часовен, 4 200 католических храмов, 25 000 мечетей, 6 000 синагов, более 4 000 молитвенных домов...

К 1927-му — действовали 28 734 храма всех исповеданий.

В заключении находились 117 православных епископов.

1932—1937: «безбожная пятилетка». Арестовано еще 40 епископов, ликвидировано 70 епархий.

За 1917—1940 годы «пропали без вести» 250 архиереев.

На «Архиерейский Собор» 1943 года, провозгласивший митрополита Сергия Патриархом Всея Руси, удалось собрать всего 19 человек...

Вот как спасал свою паству владыка Сергей — и по заслугам получил из рук «мудрого, Богопоставленного Вождя народов» (это его собственные слова!) Патриарший куколь и жезл...

«Не приведи Господь никому того, что испытывал владыка Сергей, подписывая подsunтую ему «Декларацию!» — воскликнул как-то раз очень близкий мне человек, когда мы — в который уж раз! — снова вышли в беседе на это «заколдованное место».

«Ну, что же, — ответил я, — горькому пьянице наутро тоже бывает стыдно. Вопрос в том, что с ним случится дальше...»

Критика «сергианства» в современной прессе ограничивается текстом всего лишь «Декларации», даже одного-двух фрагментов ее, лишний раз подтверждающая пушкинское: «Мы ленивы и нелюбопытны».

Анализ эпохи митрополита — патриарха Сергея предпринял в книге «Свидетельство обвинения» Владимир Русак (за это и был в 1986-м приговорен к 7 годам лагеря и 5 — ссылки).

Он напоминает о том, как в 1927-м же, уже после «Декларации», владыка Сергей издал указ N 549 «об обязательном повиновении за богослужением Советской власти и об отмене поминовения архиереев, находящихся в ссылке». В печальном о заблудшей овце «пастырь добрый» отдавал на съедение волкам целое стадо! Случай беспримерный...

К 10-летию революции из «Синода» разослали по всем епархиям особую молитву за Советскую власть, велеречивую и умиленную.

Эти документы вызвали возмущение у большей части епископата и клира: послания Сергея отправлялись обратно в Москву, о своем отказе повиноваться «Синоду» и его главе заявили митрополиты Кирилл, Агафангел и Иосиф, архиепископы Серафим, Варлаам и Иоанн, епископы Виктор и Евгений... — долгий и внушительный будет список.

Такая реакция, решительная и единодушная, как в стране, так и среди наших соотечественников, «в рассеянии сущих», подталкивала митрополита Сергея к следующим шагам. И он их делал. Делал! Предвагонимых за правду в пределах Совдепии, Патриарший местоблюститель уже без каких-либо терзаний осуществил то, чего не смогли добиться чекисты от замученного ими Патриарха Тихона: запретил в священнослужении русских пастырей за рубежом. Надо ли удивляться заявлению митрополита Сергея, сделанному им на встрече с запад-

ными журналистами спустя три года после «Декларации»: выступления в защиту верующих в СССР лишены оснований, представляют собой «клевету, совершенно недостойную серьезных людей», и «должны быть осуждены всеми верующими христианами...»

Когда сегодня официальная церковная печать дает отпор «проискам Карловацких раскольников», их «вторжению на территорию СССР», всегда и всячески подчеркивается: «Декларация» митрополита Сергея давала основания для разногласий политических, но никак не канонических. Это, увы, неправда. Христос учил благословлять «ненавидящих и обидящих нас» — но не соучаствовать их насилию. Любить грешников — но не грех.

Раскол, о котором мы сегодня, к прискорбию, говорим как о реальности в жизни нашей Церкви, раскол, начавшийся не при Патриархе Алексии II и не при покойном Патриархе Пимене, но шесть с половиною десятилетий назад, раскол, организованный и осуществленный в тех же кабинетах, в которых писался сценарий нынешнего торжества, — этот раскол не пролегал по линии Государственной границы СССР. Ибо и в пределах России, как и за ее пределами, тысячи и тысячи предпочли союзу с палачами «исход из фараонова плена» — исход в подполье, в катакомбы, по примеру первых христиан.

Не надвое — а как минимум начетверо (если не забывать о луги прямого мученичества) раскололась наша Церковь во времена, о которых мы сегодня лишь мимоулетно, «среди шумного бала», вспомнили, когда одного за другим убили ударом топора по голове трех пастырей: «Давненько их не убивали!»

Патриарх Сергей, его «Синод», верное им священство и даже пошедшие за ними миряне — не являлись ни Народом Божиим, ни Церковью Христовой — ни мистически, ни качественно, ни, пожалуй что, и количественно. И уж, конечно, выжила, выстояла Церковь ни в коей мере не благодаря, а вопреки «сергианству» (как, вопреки «стратегическому гению» Сталина, одержана была в войне нашим народом Великая Победа).

Это урок поучительный, требующий уяснения.

Надо признать: в последние два года патриаршества Святейшего

Пимена и в особенности в истекший первый год патриаршества Алексия II первоиерархи Церкви заговорили наконец о том, что ее вынужденное сожительство с безбожной властью было небесконфликтным, что эти годы ознаменовались бесчисленными подвигами исповедников и мучеников Христовой веры — и причисление к лику святых Патриарха Тихона поневоле стало актом символическим, своего рода завещанием умирившего Патриарха Пимена его преемнику.

Это был первый жест отделения зерен от плевел.

Вот почему не может не вызывать вопросов точка зрения — нет, не частного лица, но Алексия II, выраженная от лица всей Церкви в одном из интервью: «Я считаю, что путь епископа Афанасия (вождя «катакомбной церкви». — М.П.) и путь митрополита Сергея — это два пути подвига».

Вот почему в другом интервью Патриарха не обескуражил, но попросту опечалил такой пассаж: «Есть ситуации, в которых человек, христианин должен жертвовать личной чистотой, личным совершенством, для того, чтобы отстоять нечто большее». Сказано — в оправдание «сергианства», «дела прошлого»... но сказано — в настоящем времени; и не открытие ли это движения к «неосергианству»?

Ведь в первоизданном заявлении отражена никак не церковная позиция (ничего не может быть для христианина выше «личной чистоты» — то есть спасения души), а, наоборот, позиция коммунистическая: именно пресловутое «нечто большее» служило оправданием большевистского террора, всей политической истории России в XX веке...

Высоко чтимый в 20-е годы митрополит Трифон (Туркестанов) — именно его, тщедушного телом, но исполненного духовной мощи, поставил в самый центр своего полотно «Реквием (Уходящая Русь)» художник П.Корин — в пору коммунистической смуты предвещал: «Наступает время, когда белые клубки будут губить Церковь, а белые платочки — спасать». Хотелось бы, чтобы для Церкви, где все с апостольских времен основано на священноначалии, это время поскорее кончилось.

(Окончание на 53 стр.)

БЕЛИБЕРДЯЕВЩИНА

Фото В. Суворова

Давно забытую, точнее, неизвестную советскому читателю статью «великого мужа эмиграции» Н.А.Бердяева «Вопль Русской Церкви»* недавно републиковали в СССР**.

В тексте этом легко различимы аргументы, используемые товарищами атеистами, а также идеологами Московской Патриархии в полемике с «карловацкими раскольниками» — иерархами, клиром и мирянами Русской Православной Церкви за границей.

«ЭМИГРАЦИЯ, — рассуждает Бердяев, — есть понятие политическое или бытовое, но не церковное». Николай Александрович, по его собственному признанию, никогда не чувствовал себя человеком строго церковным, поэтому сей вывод скорее характеризует его личное отношение к рассматриваемому факту, нежели взгляд со стороны ортодоксальной конфессии. Господь наш Иисус Христос — мистическое Тело Церкви. Все происходящее с Ним — происходит и в Церкви. Любая бытовая подробность из жизни Спасителя преисполнена огромным церковным смыслом. В младенчестве Христос

* Впервые была напечатана в «Последних новостях» в Париже 13 сентября 1927 года.

** «Наука и религия», № 4, 1991.

находился в эмиграции, и Он же учил впоследствии: если гонят в одном городе, бегите в другой, отрясая от своих ног прах того дома, где вас не принимают.

Разукрашивая безопасные преимущества заграничного бытия Русской Православной Церкви, автор, несомненно, оказался бы прав, не располагая мы свидетельствами Саши Черного, Марины Цветаевой, Ремизова, Набокова, Бунина о том, насколько горек был хлеб непрощеной эмиграции. Выметенный ветром революции на Запад орловский дворянин превращался в «господина из Сан-Франциско» или в «писателя, пообедавшего в гостях»; русский генерал кланчил милостыню на улочке Константинополя; дипломат крутил, если повезло, в Париже баранку такси.

Протоиерей А.Шмеман, чьи симпатии, что называется, на пушечный выстрел от «карловчан», сообщает в одной из своих книг, как начинали жить в эмиграции верующие и духовенство из России, переоборудуя под храмы гаражи, сараи, подвалы.

Быть в Церкви — всегда означает быть в эмиграции, постоянно ощущать себя на чужбине, «чая жизни будущего века»; Церковь не может признать вполне и окончательно своей, христианской, никакую природно-историческую среду, никакую «власть кесаря».

Оправдывая Декларацию 1927 года — коллаборационистский коллаж владыки Сергия, критик «карловчан» Бердяев полагал, будто иерарх, возглавляя Церковь, должен идти не на «личное», а на «иное мученичество» и «принести иную жертву», спасая Церковь от окончательного разорения. Церковь, однако, всегда и во всем спасает не иерарх, а Сам Господь. В древней Церкви первым кандидатом на мученическую казнь был епископ. Святитель Гермоген, Патриарх Московский, в смутное время принял мученический венец именно в результате изъятия личного мужества.

Нелепо обвинение Бердяева: «Карловацкий Собор был виновником ареста Патриарха (Тихона. — ВЛ) и гонений против Церкви». Террор против Церкви большевики развернули бы в любом случае, и, кто знает, не будь гневных протестов «карловчан», не вкусивших, по Бердяеву, «нравственных мук», не принял бы религиозный геноцид более крупные масштабы? В сек-

ретной (и только теперь рассекреченной) директиве Ленина 1922 года о расстреле духовенства в Шувее нет ни слова о Карловацком Соборе. Ильич ставил «попов» к стенке профилактики ради, стремясь отбить у еще не расстрелянных охоту к сопротивлению лет на двадцать—тридцать вперед, авансом.

Принося Господу во всеобщее жертвоприношение каждый день по семи тельцов и по семи овец без порока и в жертву за грех каждый день по козлу из козьего стада, доктор богословия Бердяев всерьез считал, что православно верующий может быть «даже коммунистом, при обязательном условии согласования своей политики с требованиями христианской совести». На пахити этого пассажа пасется плагиат из брошюры Ленина, написанной до октябрьского переворота. Пролетарский вождь допускал участие священника в рядах партии при условии сочетания пастырем своих поступков с «установкой РСДРП. Но как может христианин быть коммунистом, если сам же Николай Александрович, воздевая руки к небу, скандировал: «Коммунизм ложен, ибо существует Бог!»?

Против своего желания раскаявшийся марксист Бердяев оказался проводником идей Ильича уже в наши дни: как будто под парами отчуждения его статьи коммунистополозковцы на своих сборищах трогательно братаются с наблюдателями от Московской Патриархии, публично подтверждая готовность принять их в свои ряды...

Николай Александрович Бердяев нередко сознавался в любви к Кьеркегору. Однако именно Кьеркегор овеял политику грезами религии. По Бердяеву, Церковь не должна вести

«политическую борьбу»: «Положительный идеал Христовой Церкви» — «личное социальное и космическое преобразование». Хотелось бы хоть одним глазком увидеть опытную политику или, по крайней мере, тертого демагога, который бы отказался от соблазна «личного, социального и космического преобразования» действительности!

Духовная борьба на поприще общественного служения есть всегда политическая борьба, иначе никакой духовности — светлой или темной — не существует.

Курам на смех заявление Николая Александровича, будто осуждение Церковью террора не является вмешательством в политику.

На манер уполномоченного Совета по делам религий при Совмине СССР или ангажированного архиерея из Московской Патриархии (чего греха таить? — не хуже иных представителей духовенства и мирян, перешедших ныне в юрисдикцию Зарубежного Православия) казенным тоном Бердяев вещает: «...Не должны быть допускаемы проповеди в церквях или речи на епархиальных съездах, которые носят политический характер!»

Когда Николай Угодник вырывает из рук палача меч, занесенный над невинной жертвой, — это политический или «сугубо религиозный» акт?

Что творила оплеванная Бердяевым Русская Православная Церковь за границей, когда кричала на весь мир о монстре тоталитаризма в СССР?

Она пыталась вырвать меч у палача.

Валерий ЛАПКОВСКИЙ,
г.Керчь

ВМЕСТО РЕДАКЦИОННОГО ПРИМЕЧАНИЯ.

Из «Сообщения для печати» Московской группы Международного Общества Прав Человека от 15 мая 1991 года:

«...Гражданские власти и Патриархия усиливают нажим на приходы Российской Свободной Православной Церкви. Этот нажим нередко носит уголовный характер.

...20 февраля с.г. представитель Крымской епархии Московской Патриархии игумен Пантелеймон потребовал выселить из города священника Валерия ЛАПКОВСКОГО, настоятеля общины РСПЦ в Керчи, и лишить его мандата народного депутата.

23 апреля о.Валерий был жестоко избит ворвавшимся в его квартиру Анатолием Боценко, который тоже требовал, угрожая убийством, чтобы о.Валерий немедленно покинул Керчь. При этом А.Боценко говорил, что ему за убийство «ничего не будет». В тот же день была опубликована в газете «Керченский рабочий» статья епископа Симферопольского Василия, направленная против о.Валерия Лапковского».

Александр СТРУНИН.

СМЕРТЬ ЖЕНЩИНЫ

Это первый в советской печати некролог о простой женщине, которая провинилась только тем, что родилась в СССР.

В одном из документов, сопровождавших историю болезни Таисии Николаевны Савело, чуть безграмотно, но зато твердой рукой записано: «Диагноз и лечение больной были назначены правильно».

Тридцатилетней Таисии Николаевне был поставлен диагноз: ОРЗ. И, как повествует побочный документ, «избран режим — выдача больничного листа».

ОРЗ — универсальный диагноз! Проверенный практикой на миллионах советских людей, он, пожалуй, даже с точки зрения почитателя богоугодных заведений Земляники, не мог бы быть неправильным, потому что подходит ко всем случаям жизни. Распространен в массах и назначенный «режим лечения». Больничный лист, хотя и не лист какого-нибудь лекарственного растения, стал лучшим средством от всех заболеваний.

Но если кто-то предположит, что больная вскорости выздоровела — ведь диагноз ей был установлен верно и лечение в виде больничного листка назначено «правильно», — тот плохо знает нашу медицину. Таисия Николаевна умерла. Не от ОРЗ — от «правильного» диагноза и «правильного» лечения...

8 декабря 1986 года жительница города Волжского Волгоградской области Т.Н.Савело почувствовала себя плохо. Она пошла в поликлинику Химкомплекса, которая находилась в микрорайоне N 13, неподалеку от дома, где она жила. Получив бюллетень, она отправилась домой отлежаться, как ей посоветовали. В полдень следующего дня ртутный столбик поднялся до отметки 39,8. И поскольку сама она уже не могла вызвать «скорую», побежала соседка.

«Скорая» выехать наотрез отказалась. «На все вызовы с высокой температурой не наездишься», — говорила телефонная трубка насмешливо. Соседка настаивала, просила, убеждала, что Таечка очень плохо и что такого с ней никогда раньше не было. Тогда, в качестве особой милости, «скорая», так и быть,

пообещала прислать к больной участкового врача.

Врач явился на вызов ближе к вечеру. Дверь ему не открыли. Это должно было бы насторожить врача: ведь вызов получен от «скорой!» Участкового беспокоило другое: как зарегистрировать посещение больной, чтоб потом не придрались? И прежде чем со спокойной душой уйти, в дверях была оставлена записка. На следующий день пришедшая к дочери старушка мать не застала Таечку в живых.

В этой истории ужасает ее смертельная обиденность. Диагноз, как утверждают документы, правильный, «скорая» проявила государственный подход (экономию бензина) и даже милосердие (вызов врача); участковый врач продемонстрировал грамотность (записка) и душевное равновесие (не стал паниковать)... Виноватых нет.

Таисию схоронили, ее дочку воспитывают дедушка с бабушкой, пенсионеры, однако не все сочли, что история на этом закончилась.

Товарищи Таисию послали в Минздрав РСФСР коллективную жалобу. Минздрав честно выполнил свои функции, переслав «бумагу» в облздрав. Облздрав своевременно отреагировал диспетчеру Цыганковой Л.И., участковому врачу Дудкиной В.П. и старшему врачу «скорой помощи» Моргунову К.А. — по вызову, врачу Купряхиной Т.Т. — замечание.

Итак, виноватые нашлись, меры приняты. Правда, непонятно, в чем же они провинились, если «диагноз и лечение правильные». И еще вопрос: все-таки от чего умерла Таисия Савело?

Вскрытие показало, что причиной смерти стал менингит.

Это несоответствие между «правильным» диагнозом, «правильным» лечением и результатами вскрытия врачам оказалось нетрудно снять. Матери объяснили, что «заболевание прогрессировало с молниеносной быстротой, разви-

лось грозное осложнение в виде гнойного менинго-энцефалита, что привело к смерти».

«Осложнение» — дело тонкое. Списать трудно. Вывихнешь палец — кто знает, какие тут ждут осложнения? Врачи для того и существуют, чтобы спасти от осложнений. Но и неспециалисту ясно: смерть также наступила от халатности. Это признан и облздрав. Правда, он почему-то полагал, что три выговора вполне уравновесят одну смерть. В одном из документов по этому поводу так прямо и сказано: «В действиях должностных лиц и врачей не усматривается преступной халатности».

Значит, халатность все же была, но... не преступная. Удивительная логика! Вернее — удивительная халатность, вследствие которой умер человек, но преступной ее все-таки назвать не решаются. Конечно, халатность бывает разная. Но тут-то — смерть! Врачей и смертью не возьмешь: они смерть, так сказать, проходят в институте. Однако не врачи должны решать, какая их халатность — преступление, а какая — развлечение.

По совету сослуживцев дочери, чтобы выхлопотать внучке-сироте содержание, мать умершей обратилась в суд. И шел он, самый гуманный и справедливый в мире, ни много ни мало четыре года! Ответчик — медсанчасть «скорой помощи» — уперся и никак не хотел платить сироте алиментов. Против стариков воевали наши героические врачи в трех судебных инстанциях! До главного суда области дошли, но все-таки... проиграла.

Теперь «скорая» должна выплатить родителям Таечки «единовременно сумму ущерба» с декабря 1986 года по декабрь 1990-го, а затем ежемесячно платить по 55 рублей до 1997 года. Вот и все. Справедливость восторжествовала. Суд назвал точную цену и своему справедливому решению, и жизни молодой женщины, которая умерла... от ОРЗ...

Кто из нас не стоял в очередях к районному терапевту? Кто не подвергался его беглому осмотру? Кому не ставили диагноз — ОРЗ? Все стояли, все подвергались, всем ставили и бюллетень вместе лекарства выдавали. И называется это — здраво-охранением. Нездоровое это охранение. Охрани нас от такого!..

Для тех, кто хочет помочь материально или морально семье, пострадавшей от здравоохранения и состоящей из двух стариков и девочки, сообщают адрес: 404105, г. Волжский, ул. Александра, 14, кв. 16, Савело Лидия Васильевна.

Надежда РЕХИНА,

заведующая лабораторией новых белковых продуктов
ВНИРО

МОЛЛЮСКИ И ВОДОРОСЛИ — ПРОТИВ РАДИАЦИИ

Уже стыдно слушать всхлипы о Чернобыле. Чтобы собрать деньги пострадавшим, устраивают даже эстрадные шоу. Но пора перестать болтать, петь и вообще устраивать из Чернобыля балаган.

Предлагаемая статья — о бессилии ученых, которые знают, чем пострадавшим помочь, но которые не могут найти среди официально назначенных радетелей хоть одного делового человека.

Всесоюзный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО) еще несколько лет тому назад разработал технологию получения нового пищевого продукта — гидролизата из мидий («МИГИ-К»). Это темноокрашенная жидкость. В ней растворены очень полезные вещества. Напиток особенно полезен для тех, кого постигло облучение.

По многолетним свидетельствам кафедры биофизики, лаборатории радиационной биофизики биологического факультета МГУ, этот продукт обладает радиопротекторными свойствами. То есть он выводит из организма всю лишнюю радиацию.

«МИГИ-К» испытывали в различных специализированных учреждениях страны: во ВНИИ морского рыбного хозяйства и океанографии, в Институте биологической химии АН СССР, на кафедре биофизики биологического факультета МГУ, в Нижегородском медицинском институте, Научно-исследовательском институте медицинской радиологии, ВНЦ радиационной медицины, Московском НИИ онкологии, Институте питания АМН СССР, Московском НИИ глазных болезней и, наконец, в ЦНИИМ Спорта.

Результаты этих исследований, хотя и являются предварительными, убедительно показали, что препаратом «МИГИ-К» нужно кормить пациентов этих клиник: он повышает общую устойчивость организма к действию ионизирующей радиации, токсических веществ, стимулирует восстановление нарушенных кроветворения в условиях химио- и радиотерапии опухолей, обладает иммуномодулирующим действием, которое проявляется, в частности, в его противовоспалительной активности. При добавке «МИГИ-К» в пищу снижается вероятность воспалительных заболеваний верхних дыхательных путей, быстрее излечиваются гнойные послеоперационные осложнения и другие воспаления.

Эксперименты с препаратом показали, что он относится к веществам, кото-

рые фактически не вызывают аллергии.

Очень важным наблюдением, полученным Всесоюзным научным центром радиационной медицины, является то, что под влиянием «МИГИ-К» происходит достоверное снижение содержания цезия-137 не только во всем организме, но также в отдельных тканях — снижается уровень внутреннего облучения. То есть он может стать лечебно-профилактическим продуктом для людей, проживающих на территории, загрязненной радионуклидами или в условиях повышенного радиационного фона. Естественно, он необходим и персоналу АЭС. «МИГИ-К» может употребляться самостоятельно и как приправа к различным блюдам. Суточный прием препарата от 15 до 30 миллилитров (1-2 столовые ложки). Курс лечения от двух недель до месяца. Изготавливают его из мидий естественных и искусственных популяций.

Согласована с Минздравом СССР и утверждена необходимая нормативно-техническая документация. Словом, все готово для массового выпуска лекарства.

Однако «МИГИ-К» производится лишь на скромном опытном участке Очаковского опытного мидийно-устричного рыбконсервного комбината — там в силах изготовить четыре тонны в год. Предел — шесть тонн. Потребность же в препарате — по неточным подсчетам — почти 600 тонн в год. Больше — не повредит. Ведь альтернативы такому продукту в стране и мире — нет!

Чтобы расширить производство препарата в Очакове, комбинату необходима финансовая помощь. Несмотря на многочисленные просьбы с нашей стороны и со стороны самого комбината, ни Минрыбхоз СССР, ни местные органы власти, ни даже Комитет по делам Чернобыля, в силу совершенно непонятных причин, денег и материалов не выделяют. Может быть, это следует назвать преступлением?

Массовый выпуск «МИГИ-К» могли бы

наладить в Севастополе, Сочи, Анапе, Беломорске уже в 1992—1993 годах. Чтобы обеспечить сырьем производство мидийного гидролизата, необходимо срочно создать хозяйства по культивированию мидий в Черном и Белом морях, в районе Беломорска, Очакова, Севастополя, Судака, Адлера, объединить их мощность и выращивать 6000 тонн в год, чтобы и получилось 600 тонн препарата. Но пока суд да дело, к его производству быстро подключились кооперативы. Не сомневаюсь, что они организуют дело скорее, чем государственные органы, но и продавать продукцию будут значительно дороже. Не всем из нуждающихся она будет по карману.

Наряду с исследованиями по созданию нового лечебно-профилактического продукта из мидий было установлено одно любопытное свойство морской капусты (ламинарии): она, оказывается, тоже способна снижать уровень внутреннего облучения, выводит радионуклиды из организма (цезий-137, стронций-90). Ученые испытали обычные консервы с ламинарией: «Сахалинский салат», «Морская капуста с овощами» и разработали рецептуру нескольких новых кулинарных изделий (салатов, солонки) и джема «Океанского» — для детского питания.

В институте биофизики АМН СССР провели исследования, которые подтвердили радиозащитные свойства сухого порошка из ламинарии: при обогащении рациона животных таким порошком у них в мышечной ткани накопление цезия-137 снижается на 20—85 процентов, а у животных, подвергнутых комбинированному поражению йодом-131 и цезием-137, эффект выведения составил 40 процентов. Исследование крови пораженных животных также показало, что сопротивляемость организма радиации повысилась.

Учитывая сокращение запасов промысловых водорослей, рыбохозяйственная наука разработала весьма эффективный метод культивирования ламинарии на Дальнем Востоке и Севере, что позволяет получать экологически более чистое сырье. И, кроме того, в искусственных условиях можно вырастить морскую капусту сколько угодно.

В конце 1990 года мы обратились к городским властям города Речица Гомельской области с деловым предложением: почему бы не организовать на базе имеющихся в области предприятий производство джема, чтобы оказать населению активную, а не словесную помощь? Особенно детям? Но наше обращение поддержки не получило.

Возникает, естественно, главный вопрос: почему же при организованной шумихе вокруг чернобыльской трагедии не принимаются конкретные меры активной помощи и спасения людей? Удивительное, ничем не оправданное равнодушие людей, ответственных за решение этой глобальной проблемы.

Ярославль — Ростов-на-Дону:

**УМИРАЕТ
КОМСОМОЛ...**

Чем больше людей покидает ряды КПСС и ВЛКСМ, тем громче требования радикал-демократов о национализации имущества этих некогда грозных организаций. В Ярославле сбор подписей за проведение референдума о собственности компартии и комсомола был в самом разгаре, когда местные комсомольские боссы нанесли демократам мощный упреждающий удар.

Бюро Ярославского обкома ЛКСМ РСФСР решило вынести вопрос о роспуске областной комсомольской организации и передаче ее имущества недавно созданным отделам по делам молодежи на ближайший пленум обкома.

«Демократическая общественность» в шоке: а вдруг вслед за комсомольцами и коммунисты отважатся на подобный шаг? После такого нокаута «радикалы» вряд ли оправятся: под какие знамена прикажете собирать народ, чью собственность делить?

Сергей КИСЕЛЕВ

**...А НОМЕНКЛАТУРА
БЕССМЕРТНА**

Ростовский облисполком, упразднив аппарат уполномоченного Совета по делам религий, преобразовал его в отдел. Он называется теперь так: «отдел по межнациональным отношениям, связям с общественными объединениями, казачеством и религиозными организациями».

Если делами религии занимались ранее два человека, получая за это 990 рублей в месяц совокупно, то новое детище советской власти ук-

реплено в дополнение еще четырьмя штатными единицами с общим месячным фондом зарплаты 1400 рублей.

Теперь на всю эту компанию еще бы и работу отыскать...

Сергей СИНЕОК

Минск:

**ХВАТАЙ РАДИКАЛОВ,
ДАРЫ ПРИНОСЯЩИХ!**

7 ноября прошлого года произошло неслыханное для послушной (тогда) Белоруссии злодеяние: к подножию минского памятника В.И.Ленину группой «деструктивных элементов» были возложены символические дары: чучело работника НКВД, скелет и виселица.

Прошло полгода, и республика, сотрясаемая митингами и забастовками, стала забывать об этой не слишком серьезной акции. Но у работников прокуратуры БССР память хорошая: когда уголовное дело на одного из «виновников торжества», представителя радикального крыла Белорусского народного фронта Валерия Седова, распухло до семи объемистых томов, его без долгих разговоров арестовали. Седову предъявлено обвинение по статье 186, часть 3 («Грубое нарушение общественного порядка») и по статье 201, часть 2 («Злостное хулиганство») УК БССР. Помимо оскорбления чести и достоинства монумента, Валерий, оказывается, совершил еще ряд тяжких преступлений. Например, громогласно призывал на митингах к созданию антибольшевистской лиги.

Адвокат Надежда Дударева надеется на полное оправдание подзащитного, но... суд состоится только в августе, и по крайней мере до тех пор неработающая жена и двухлетний ребенок Седова вынуждены будут обходиться без папы. Спасибо хоть сослуживцы Валерия помогают семье арестованного радикала материально.

Владимир ПАНАДА

Борисоглебск:

**ГОРКОМ
СКОМАНДОВАЛ:
«ХЕНДЕ ХОХ!»**

Объектом «проработки» на внеочередном бюро горкома КПСС стали... гости из Германии. Представи-

тели делегации города Дельменхорста поочередно вставали с мест и растерянно извинялись перед грозным бюро, клянясь в любви к России, но... Первый секретарь горкома партии А.Мезинов был непреклонен. От имени народа он указал провинившимся гостям на дверь: потребовал немедленно покинуть Борисоглебск.

Из-за чего сыр-бор? Один из водителей автокаравана, прибывшего в город с гуманитарной помощью, начал швырять в толпу местных ребятишек конфеты и жевательную резинку. Визг, хохот, дети ползают на коленях, подбирая гостинцы. Второй водитель снимает всю эту кучумалу на кинолентку. «Раздача слонов» происходит непосредственно у подножия памятника В.И.Ленину...

Факт, безусловно, безобразный, не красящий гостей. Но, памятуя о том, что немцы доставили в Борисоглебск двадцать пять тонн детского питания, медикаменты, одежду, «хозяева» города могли бы вежливо промолчать. Или — обратить внимание педагогов и родителей на недостойное советского человека поведение малышей. А еще того лучше — задуматься, чье именно многолетнее правление довело страну до того, что дети забыли вкус конфет и готовы унижаться ради «забурных» лакомств.

Ан нет! У советских — собственная гордость! Гости из Дальменхорста спешно покинули Борисоглебск. Впрочем, привезенные ими подарки гордые партийцы соизволили оставить на «своей» территории.

Григорий ЯРУЖИН

Осколки собирал Кирилл РЫБАК
Наш телефон: 921-52-78

Рисовал Константин Рыбалко

К И Ж И

Фото В. Семин

БАНК ДАННЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛИ ПРОДУКЦИИ И УСЛУГ В СССР

Содержит информацию о 50.000 предприятий, организаций, СП, кооперативах

• Черная и цветная металлургия • Угольная промышленность • Химическая и нефтеперерабатывающая промышленность • Машино- и приборостроение • Вычислительная техника и информатика • Радиопромышленность • Промышленность средств связи • Электронная промышленность • Медицинская промышленность • Лесная и деревообрабатывающая промышленность • Строительная промышленность • Легкая промышленность • Пищевая промышленность •

Адреса, названия предприятий, Ф.И.О. руководителей, телефоны, телексы, телетайпы, телефаксы, выпускаемая продукция, услуги, наличие валютного счета.

Программное обеспечение разработано с использованием компилятора CLIPPER для ПЭВМ типа IBM PC XT/AT и позволяет вести базу данных, делать различные отраслевые и территориальные выборки, получать справки, автоматизировать рассылку корреспонденции.

Банк данных реализуется полностью или по отраслям промышленности. Всем желающим техническая документация и банк данных высылается по почте после получения копии платежного поручения.

Стоимость технической документации - 15 рублей, программного обеспечения - 500 рублей, базы данных - 10 копеек за адрес. Стоимость всего банка данных - 5.500 рублей.

Стоимость технической документации на английском языке - 5 долларов, англоязычного программного обеспечения - 50 долларов, базы данных - 1 цент за адрес. Стоимость всего англоязычного банка данных - 550 долларов (везде доллары США).

Гарантируем авторское сопровождение программного обеспечения и постоянную актуализацию базы данных.

Наш почтовый адрес: 123424,
Москва, НТК "АСУ-Импульс"

Демонстрационный зал: Москва,
ул. Нелидовская, 18-38, проезд до ст.
метро "Сходненская",
телефон 497-20-47.

Расчетный счет 2461910
в Тушинском филиале МИБ

Представительства:
Ленинград (тел. 246-20-22, 235-44-80)
Нижний Новгород (тел. 44-43-76)
Калининград (обл.) (тел. 46-98-44)

УЧЕБНЫЙ ЦЕНТР

Ассоциация делового сотрудничества "Радуга" при ВДНХ СССР поможет Вам обрести уверенность в общении на иностранных языках.

Приглашаем вас на курсы интенсивного обучения разговорной английской и испанской речи.

Используются современные методики, аудиовизуальные средства.

Занятия всегда в центре города.

Контактный телефон:
902-80-45 (с 15 до 20 часов кроме субботы и воскресения).

"АЛЬКОР"

Научно-
производственный
комплекс

посреднические услуги с
оплатой от 90 до 95 %

поставка макулатуры
в больших объемах в
обмен на товары
народного потребления

НПК "Алькор" арендует или купит
складские помещения любого типа.

Наши телефоны:
468-15-17, 979-49-47

Хозрасчетное производственное предприятие предлагает предприятиям и организациям

**МОНТАЖ,
НАЛАДКА
И ДОЛГОСРОЧНОЕ
ОБСЛУЖИВАНИЕ**

местных учреждений телефонных станций всех типов, телефонных станций типа "Квант" (фирменный технический монтаж и сервисное обслуживание). Монтаж в кратчайшие сроки силами лучших специалистов рижского и белгородского заводов. Высокое качество и профессионализм гарантируются.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ:

телефонизация организаций, в том числе монтаж станций "Квант" ЕСК, АТСК, а также линейно-кабельных сооружений. Оказываем помощь в приобретении телефонных станций на 100, 150, 200, 300, 500, 800 и т.д. номеров с последующим монтажом.

Все работы - по
ГОСУДАРСТВЕННЫМ
РАСЦЕНКАМ.

Телефон: 123-59-56

Заказы на рекламу по телефонам:
928-83-10, 928-94-41

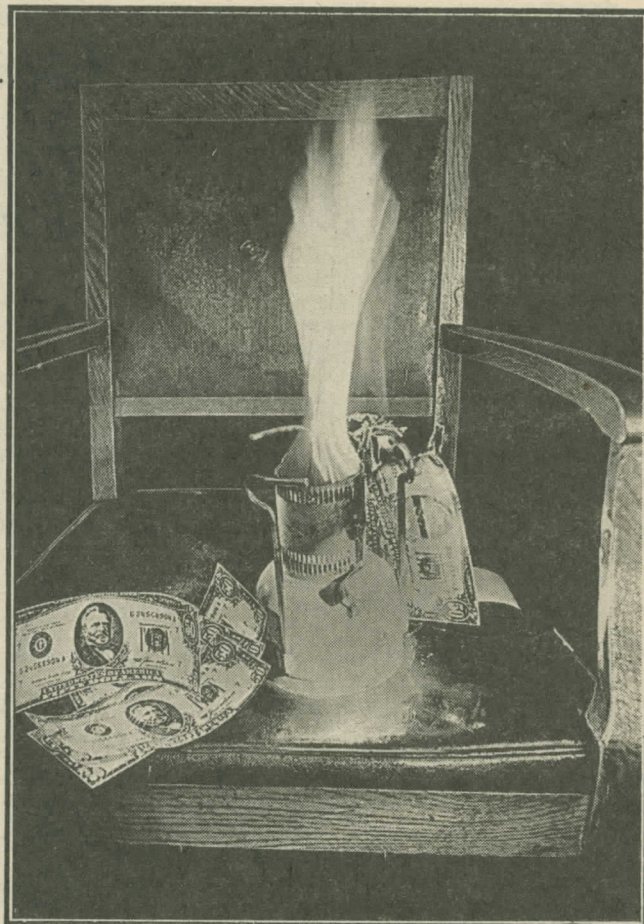

МОСКОВСКИЙ
СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ
БАНК

купит

СВОБОДНО
КОНВЕРТИРУЕМУЮ
ВАЛЮТУ

по рыночному
курсу

С предложениями просим обращаться в следующие учреждения банка

Бабушкинское	Анадырский пр., 21	472-67-86
Гагаринское	ул. Лобачевского, 2	432-58-74
Дзержинское	Олимпийский пр-т, 10, к. 2	288-46-78
Калининское	ул. Авиамоторная, 51	273-52-48
Куйбышевское	ул. Стромьнка, 19	269-44-33
Ленинское	Ленинские горы, МГУ	939-59-72
Первомайское	Среднепервомайская ул., 38/7	463-97-70
Пролетарское	ул. Гвоздева, 7/4	272-21-10
Советское	ул. Чертановская, 32, к. 1	314-61-11
Таганское	Волгоградский пр-т, 1	276-33-01
Тушинское	ул. Свободы, 65	497-66-09
Хорошевское	Неманский пр, 9	942-36-24
Фрунзенское	ул. Черняховского, 9а	152-30-15
Черемушкинское	ул. Обручева, 28, к.5	434-66-05

Телефон для консультаций:

246-84-61

ВНИМАНИЮ ЗАРУБЕЖНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ

«СТОЛИЦА» —

**ЕДИНСТВЕННЫЙ СОВЕТСКИЙ ЖУРНАЛ,
КОТОРЫЙ ПРИХОДИТ
ЗАРУБЕЖНЫМ ПОДПИСЧИКАМ
В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ, ЧТО И СОВЕТСКИМ!**

**По вопросам подписки на наш журнал обращайтесь
по адресу:**

**ECONEWS BOX 535 LAUSANNE 1001 SWITZERLAND
TEL.41.21-311.45.05 FAX.41.21-311.45.11**

	ЦЕНА НОМЕРА В РОЗНИЦУ:	ЦЕНА НОМЕРА ПО ПОДПИСКЕ:
Швейцария	4,90 шв.фр.	3,43 шв.фр.
Франция	20 фр.фр.	14 фр.фр.
Германия	5,60 н.марок	3,94 н.марок
Великобритания	1,90 ф.ст.	1,34 ф.ст.
Другие европейские страны	3,80 ам.долл.	2,68 ам.долл.
Израиль	5,15 шек.	3,60 шек.
США	4,25 ам.долл.	2,98 ам.долл.
Канада	4,85 кан.долл.	3,40 кан.долл.
Другие страны	4,25 ам.долл.	2,98 ам.долл.

В стоимость подписки включена доставка авиапочтой

Mr./Ms. initials _____ Family name _____

Address _____

_____ Town/City _____

Postcode _____ Country _____

Please charge: Access/Mastercard/Eurocard Visa Diners Club American Express

Please bill me later

Card No _____ Card expiry date _____

Signature _____

72 Weeks

52 Weeks

36 Weeks

26 Weeks

Please send this coupon to ECONEWS Box 535 Lausanne 1001 SWITZERLAND

Валентин КОРОЛЕВ

НА ТАЙНОМ ПОЛЕ БРАНИ

Окончание. Начало на 19 стр.

высших партийных и государственных руководителей в военный период.

15-й отдел КГБ — крупное самостоятельное подразделение, осуществляющее негласные обыски по заданиям оперативных служб КГБ. В задачи его сотрудников входит проникновение в помещения, обнаружение в них тайников, материалов и предметов, интересующих оперативников, фотографирование, подмена, порча, изъятие этих материалов и предметов. Попросту говоря, это домушничество, поставленное на широкую государственную ногу.

Оперативно-техническое управление (ОТУ) КГБ занимается разработкой, производством и эксплуатацией различных оперативно-технических средств, контролем и учетом внутрисоюзной и международной почтовой корреспонденции, обработкой объектов оперативной заинтересованности КГБ химическими, психотропными и радиоактивными веществами.

Таковы вкратце структура и задачи подразделений Центрального аппарата КГБ, известные, можно сказать, всему миру, за исключением советских граждан, защитой интересов которых КГБ мотивирует необходимость своего существования.

Указанная структура дублируется всеми республиканскими КГБ и областными управлениями.

Кроме того, в Центральном аппарате имеется **Главное управление пограничных войск (ГУПВ) КГБ**, которому подчинены сухопутные и морские части. По официальным данным, общее количество погранвойск достигает 218 000 человек.

По сообщениям советской печати, руководству КГБ подчинено не менее трех дивизий специального назначения. Постановлением Совмина СССР от октября 1990 г. ему поручено создать дополнительные части спецназначения, якобы для борьбы с организованной преступностью. Тем же постановлением запрещаются любые структурные изменения в КГБ. Этот запрет стал первым шагом к сохранению КГБ как государства в государстве. Вторым стало принятие союзным парламентом Закона о КГБ СССР. С учетом наличия нескольких миллионов сотрудников КГБ и 20 миллионов их негласных помощников это означает, что, в соответствии с планами руководителей КПСС и КГБ, страна должна по-прежнему оставаться государством диктатуры партийной олигархии, тотального тайного контроля за населением и подавления инакомыслия в тех или иных формах и пределах.

Кадры

Воспитание молодых чекистов всегда начиналось с внушения им двух основных корпоративных постулатов: КГБ — вооруженный отряд КПСС; каждый чекист и органы КГБ в целом занимают особое место в обществе. Преимущественным правом поступления на работу в КГБ и на служебный рост пользуются родственники партийных и государственных чиновников, включая во-

енную и чекистскую «элиту». Считается, что воспитание в «элитарной» семье является достаточной политической, моральной и дисциплинарной подготовкой к перипетиям чекистской деятельности. В связи с этим до середины 70-х годов они принимались в Высшую школу КГБ без предварительной службы в армии, которая была обязательным условием для всех остальных.

Если бы было достаточно «детей аппарата», желающих служить в КГБ, то «безродных» туда принимали бы еще меньше, чем вынужденно принимали всегда («дети аппарата» составляют 70—80% оперативного состава, а в подразделениях Центрального аппарата их еще больше). Но все равно принимали бы, поскольку в «органах» немало опасной и черновой работы. Есть участки, связанные с риском для здоровья, личной свободы и жизни.

В разведке наиболее опасна, на мой взгляд, работа агентов-нелегалов и сотрудников, участвующих в операциях по связи с закордонной агентурой. Поэтому большую часть агентурных мероприятий за рубежом проводят «безродные» сотрудники посольских резидентур (подробнее я писал об этом в статье «Секреты» секретных служб», журнал «Огонек», N 43 за 1990 г.). В контрразведке наиболее рискованными участками являются борьба с организованной преступностью и наружное наблюдение, сотрудники которого принимают самое активное участие в документировании преступной деятельности и в захватах «объектов разработки» оперативных подразделений.

Строго говоря, борьба с преступностью — не дело контрразведки цивилизованной страны. Но наша страна таковой, как известно, не является. Эта линия возникла в КГБ в связи с тем, что в конце 70-х — начале 80-х годов некоторыми подразделениями Комитета были получены достоверные данные, свидетельствовавшие о деятельности в СССР мафиозных структур и об их сильнейших позициях в органах МВД и прокуратуры. В одном из этих подразделений я проработал пять лет. Его тоже не обошли своим присутствием «блатные». Все они были отчаянными лодырями, но надо отдать должное: некоторые из них буквально рвались на операции по захвату преступников.

Единственным подразделением, где я не встретил ни одного аппаратного отпрыска, была «семерка». Это «чернорабочие» КГБ. Лентяи там долго не задерживаются. Профессиональная болезнь — язва желудка. У многих она появляется уже в тридцатилетнем возрасте. Это самоотверженные, отчаянные мужчины и женщины, лишенные нормальной семейной жизни, уюта, комфорта, досуга, адекватной работе зарплаты, устойчивого распорядка дня и регулярного питания. Может быть, поэтому порой кое-кто из них с чувством вымещает в подворотнях свою злость на «объектах наружного наблюдения» — и по просьбам оперработников, и по личной инициативе, если объект доставляет слишком много хлопот.

«Дети аппарата» далеко не всегда наказываются даже за серьезные дисциплинарные нарушения и промахи в

работе. «Принципиальность» руководства проявляется лишь после ухода на пенсию их высокопоставленных покровителей. Основная масса оперсостава состоит из замшелых чиновников, которые проведению оперативных мероприятий предпочитают просиживание штанов, часовые перекуры, сплетни, интриги, стукачество, бумаготворчество.

Специальная подготовка молодых чекистов оставляет желать лучшего. Главная причина — в низком профессиональном уровне преподавательского состава учебных заведений КГБ.

Социальный состав преподавательского корпуса примерно тот же, что и в других подразделениях КГБ. Наиболее квалифицированными специалистами являются преподаватели «открытых» дисциплин. Большинство сотрудников специальных кафедр — это люди, которые в силу полной бездарности не справились с обязанностями в оперативных подразделениях или, напротив, были «высланы» из них за принципиальность или талант. Последних единицы. Материалы для лекций и диссертаций черпаются из личного оперативного опыта (часто очень скромного), бесед с бывшими коллегами и однокашниками, из архивных дел многолетней давности.

Поскольку все диссертации «секретятся» и на защите присутствует узкий круг «своих людей», многие работы напоминают бред или представляют собой компиляцию материалов академических институтов с заменой некоторых терминов на чекистские аналоги. Засекречивание диссертации обеспечивается наличием в ней хотя бы одного слова «агент».

Выпускников учебных заведений тоже явно более чем достаточно. Ежегодно по тысяче офицеров выпускает одна только московская Высшая школа, не считая ее филиалов и прочих учебных заведений КГБ в других городах страны. При этом каждый оперработник обязан иметь на связи не менее 15 агентов. Многие имеют по 30, некоторые до 50. И примерно по столько же доверенных лиц.

За последние 35 лет лишь один раз прокатился по «органам» слухок о возможном сокращении штатов оперсостава. О сокращении агентурного аппарата речи никогда не шло. Напротив, самым актуальным вопросом из всех, стоящих перед оперативными подразделениями, неизменно является вопрос о его увеличении.

Сокращенные было при Хрущеве, штаты КГБ при Брежневке раздулись до невероятных размеров. В период активной борьбы с инакомыслием они еще как-то оправдывали свое существование, поскольку неугодные Политбюро мысли искореняли буквально все подразделения «органов», а не только 5-е управление. Оно лишь направляло и координировало эту работу, вело наиболее сложные и наиболее политически значимые «дела».

В связи с развитием «перестроечных процессов» в стране и с паникой, вызванной слухом о предстоящем сокращении штатов КГБ, в 1988—89 гг. большинство «дел оперативного учета», называемых в народе секретными досье, было сдано в архив, уничтожено или «отфутболено» в низовые звенья оперативных структур — в райотделы. Последние тоже постарались от них избавиться. Причина этого явления заключалась отнюдь не в переоценке сущности оперативных материалов, а в страхе заниматься чем-либо вообще. Каждый понимал, что любой его промах мог быть расценен как некомпетентность и послужить основанием для увольнения по сокращению штатов или в аттестационном порядке. «Бойцы невидимого фронта» остались не у дел, вре-

мя девать было некуда, разве что на интриги с целью «выжить» да на шахматные турниры в рабочее время. Благо что кампания борьбы с алкоголизмом приказала долго жить.

ПОЛИТИКА

В такой обстановке назначенный председателем Крючков встретился с Генсеком КПСС Горбачевым. Михаил Сергеевич был известен советским чекистам как человек, который в период своего интенсивного партийного роста на благодатной ставропольской земле на нюх не переносил органы КГБ, но по каждому маломальски значимому вопросу звонил лично товарищу Андропову. Теперь же, в преддверии ряда важных общественно-политических событий в стране, с учетом специфики служебного роста Крючкова и, видимо, на почве приснопамятного андроповского покровительства, Михаил Сергеевич позволил Владимиру Александровичу сохранить штаты КГБ в неприкосновенности, обещал всестороннюю поддержку чекистам со стороны партийно-государственного руководства и передал сотрудникам «органов» свой большой личный привет. Получив вскоре прибавку к жалованью, чекисты успокоились окончательно.

Чтобы хоть как-то занять свою армию, председатель реанимировал идею участия КГБ в борьбе с организованной преступностью (в Московском управлении, например, эта линия была закрыта еще в 1984 году). Поскольку создание соответствующих отделов в центре и на местах проблему не решало, была организована широкомасштабная кампания: каждому сотруднику, независимо от участка работы, вменялось в обязанность иметь первичные сигналы по линии борьбы с преступностью.

Приказ есть приказ, и сигналы появились. Но офицерам, привыкшим к «активным чекистским мероприятиям по делам оперучета», эта работа была попросту неинтересна. К тому же они не знали ни преступной среды, ни агентуры в ней, у них не возникло серьезного желания скрестить мечи с хорошо вооруженными «пехотинцами» мафии. Кампания провалилась, издав лишь несколько трубных всхлипов о поимке мелких контрабандных групп и изъятии у каждой из них ценностей на полмиллиона «деревянных» денег. В 70-х годах такую сумму всякий уважавший себя мафиози проигрывал в карты за одну ночь. Получается, что многомиллионный «вооруженный отряд КПСС» за год работы испортил вечеринку четырем карточным шулерам.

На nive борьбы с особо опасными государственными преступлениями урожай КГБ тоже никогда не соответствовал задействованным силам и средствам. Присмотревшись к плодам этой деятельности, убеждаешься, что собирали лишь то, что посеяли сами. Сеяли классовую ненависть, равенство в нищете, атеизм, социализм и демагогию. Пожинали диссидентство, теневую экономику, разврат и измену. И неудивительно, поскольку основополагающими принципами социалистического образа жизни всегда были некомпетентность, доносительство и раболепие. Достаточно вспомнить наиболее яркие и поучительные образы в советском искусстве: безграмотного рабочего на посту директора банка; юного пионера, «стучавшего» на родного отца; изможденных полумертвых лимитчиков-метростроителей, оживающих при виде «отца народов»; генерала, орущего при

расстреле «да здравствует товарищ Сталин»; чекиста, прочитавшего за всю жизнь три газеты...

Но партию это устраивало всегда, ибо только в подобной обстановке она и могла оставаться правящей. И ей нужны были «органы», компетентные ровно настолько, чтобы в заданные сроки «привлечь» заданное число тех, кто не вписывался в рамки содейственности или потенциально мог за них выйти.

ФОРМЫ И МЕТОДЫ

Правомерность использования специальных форм и методов органами КГБ доказывается целым рядом строго секретных научных диссертаций, которые никто, кроме их авторов, толком не читал в силу ненадобности. Но любая из них обосновывает эту правомерность марксистско-ленинской мощью фундаментальных теоретических основ советского правопорядка, классовым характером борьбы за сохранение и преумножение социалистических ценностей, социалистическим правосознанием сотрудников КГБ, коллегиальностью управления ведомством, конституционностью государственного и общественно-политического устройства, наличием совсекретного Положения об органах КГБ СССР образца 1956 года и не менее секретных внутриведомственных нормативных актов: приказов, указаний и инструкций председателя КГБ, регламентирующих все нюансы агентурно-оперативной и иных форм деятельности Комитета.

Все приказы изданы исходя из политической и оперативной целесообразности и отражают реакцию партийно-чекистской «элиты» на явления окружающей ее действительности. Таким образом, «подзаконные» нормативные акты КГБ являются незаконными. Это нормально для тоталитарного государства, где господствует не право, а сила.

Не отстающие от хозяев чекисты судорожно протаскивали через карманный союзный парламент свой проект Закона о КГБ, чтобы юридически обосновать факт и необходимость собственного существования и узаконить свою антиконституционную, то есть преступную, деятельность. С принятием этого Закона характер агентурно-оперативной деятельности не изменился. Председатель, конечно, не отменил ныне действующие «подзаконные» нормативные акты КГБ. А именно они возводят антиконституционную деятельность оперсостава в норму, узаконивая повседневное нарушение сотрудниками прав тысяч и тысяч советских граждан.

Приказы председателя отменяют гражданские права, провозглашенные союзной и республиканскими конституциями. Его подпись де-факто выше высшего закона государства. И если за деятельностью следственных подразделений КГБ хоть как-то наблюдают подобранные чекистами и руководимые генералом КГБ Абрамовым прокуроры, то работу оперативных подразделений не контролирует никто. В Комитете Верховного Совета СССР по вопросам обороны и госбезопасности проблемами жизни и деятельности сотрудников Комитета занимаются сами чекистские чиновники, а редкие несотрудники ничего в этих проблемах не понимают. Может быть, поэтому они так ратуют за узаконение КГБ, пекутся о защите прав действующих чекистов и членов семей тех, кто лично репрессировал десятки миллионов соотечественников. Но среди демократов нет троглодитов, которые способны отдавать, приказы взрывать мины бывших противников! А среди потомков сталинских

чекистов наверняка немало достойных людей. Опасения некоторых депутатов за судьбу членов семьи следователя НКВД Хвата, пытавшего академика Вавилова, явно безосновательны. Как бывший агентурист, я понимаю их обеспокоенность, но убежден, что в вопросе создания системы безопасности страны должна превалировать обеспокоенность за народ в целом.

МОРАЛЬ

Моральный аспект агентурно-оперативной деятельности чекистов вытекает из ее антиконституционности, политико-сыскной сущности, из узаконенного разложения общества доносом, из повседневного попарения общечеловеческих ценностей и христианских заповедей.

Сотруднику КГБ трудно согласиться с этим утверждением. Прислуживая лжебогам, он полагает, что служит истине. Таким его воспитали задолго до этого, тем более в «элитарной» семье. И именно сегодня кадровая политика наибольшего благоприятствования продвижению в КГБ «детей аппарата» может дать свои «лучшие» плоды. Немаловажное значение имеет и то, что в «органы» идут в основном люди, склонные к авантюризму и демонстрации силы, если не сказать, к насилию. Это пассионарии — люди, которые не могут жить без ореола славы (в той или иной форме его выражения), не могут не ставить себя выше всех.

Отсутствие какого-либо контроля за агентурно-оперативной деятельностью создает условия для проявления личной власти над людьми в официальном общении с ними, на явочных квартирах, в следственных изоляторах и в темных подворотнях. Бесконтрольность порождает склонность к ужесточению способов проявления превосходства, воспитывает карательное мышление. Покровительство партократии, поощряемый ею рост могущества и лжеавторитета КГБ позволяют его руководству оказывать влияние на деятельность органов законодательной, исполнительной и судебной власти, протаскивать различные законы и нормативные акты, облегчающие и стимулирующие агентурно-оперативную деятельность ведомства.

Эта же деятельность позволяет сотрудникам видеть множество темных переулков и тупиков, скрытых за фасадом социалистической действительности. Она заставляет их ежедневно ходить по колену в грязи и учит одновременно, что не всякая грязь подлежит выносу.

Нынешние органы госбезопасности — это не спасительная соломинка для тонущей партократии. Это ее броненосец. Но вряд ли его устойчивость выше, чем у тех, что с началом Цусимского сражения от одной пробоины уходили на дно, превращаясь в стальные гробы — и для дворян-офицеров, и для бесправных матросов. В том, что и те, и другие были героями, сомневаться не приходится. Но чьи интересы защищали эти герои?

Чьи интересы защищают офицеры и агенты КГБ? Нравственно ли делать из них национальных героев?

Никому из нас, чекистов бывших и действующих, нечем гордиться. Вовек не оплатить людям долги нашей совести. Но в каждом человеке, даже несущем зло, есть неумирающее доброе начало. Может, мы еще не совсем потеряны для общества?

Хмельницкая область:

**РАЙЦЕНТРУ
ПРИГРЕЗИЛСЯ СОН:
МИЛЛИОН, МИЛЛИОН,
МИЛЛИОН...**

Мирная жизнь городка Полонное с приходом киевского журналиста дала трещину. Лестный визит был вызван не интересом к местным достопримечательностям и производственным достижениям, а... желанием озолотить кого-нибудь из полонцев.

С преуспевающим американским предпринимателем Евгением Горбачем журналист познакомился во время заграничной командировки. Выяснилось, что отец «акулы империализма» был родом из Полонного и что Евгений очень хочет отыскать родных на «исторической родине».

Приехав в райцентр, киевский гость обратился за помощью к первому секретарю райкома КПУ В.Ковалю, и очень скоро полонская милиция отыскала 82 (!) семьи претендентов — все с фамилией Горбач. Через некоторое время, однако, круг соискателей заметно сузился. Посоветовавшись, очевидно, где-то «наверху», местные власти решили, что именно отец Галины Евменовны Горбач остался после войны жить за границей (семья считала его погибшим).

Местная общественность, естественно, на этом не успокоилась: попользлись слухи о каком-то подметном письме от заокеанского воротилы, каковое спрятал в своем сейфе первый секретарь райкома, о том, что вышеупомянутый первый секретарь протолкнул в наследники «своего» человека... Выяснилось к тому же, что в Полонном живут еще три дочери Евмена Горбача — от другого брака, но журналист-посреднику о них почему-то ничего не сказали. Три сестры, отлученные от претензий на родство с миллионером, принялись писать жалобы: в областную прокуратуру, в Минюст и МВД, Президенту СССР и даже в Международный Красный Крест...

Неизвестно, чем бы закончилась эта грандиозная свара, если бы неожиданно не выяснилось, что отца предпринимателя звали вовсе не Евмен, а Никифор. Так что есть еще надежда на развитие сюжета, достойного пера Ильфа и Петрова.

Виктор ОЛЕНЧУК

Ростовская область:

**В ПРЕДЧУВСТВИИ
ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ № 2**

В не слишком известном даже краеведам хуторе Меркуловском сотрудники местного УВД разоружили ранее не судимого гражданина Ф.Зенкова, 1938 года рождения. У него был изъят целый арсенал оружия, запасенный, судя по всему, еще его предками (то ли белыми, то ли красными) и бережно хранимый со времен гражданской войны: кавалерийский карабин, трехлинейная винтовка, толовая зашпка и двадцать патронов.

Патронов, однако, маловато...

Сергей КАВКАЗСКИЙ

Самара:

**ПО ЗАВЕТАМ
ЧИНГИС-ХАНА**

В войсках великого завоевателя, говорят, был такой порядок: если всадник бежал с поля боя, убивали тысячу «сослуживцев».

Сию методичку взяла на вооружение администрация самарского Производственного объединения автотракторного электрооборудования имени Тарасова. Обнаружив недостачу деталей в цехе № 6, не мудрствуя лукаво, одним махом покырили разницу... за счет кармана рабочих, «ужав» их месячную зарплату на 40—70 рублей.

То, что в цехе, где делают детали для «Жигулей», «тащат», известно давно. Но возиться с «несунами» начальству недосуг. Как-то двоих рабочих поймали на месте «преступления» и... отпустили с миром. Чем налаживать охрану, возбуждать уголовные дела и пр., уж лучше «взять и поделить» недостачу на всех.

Возмущенные чингис-хановской логикой начальников, рабочие цеха

бастовали две смены подряд, прежде чем бредовое решение было-таки отменено. Но, как известно еще со времен классиков марксизма-ленинизма, в ходе забастовок пролетариат мужает. Не было бы «взять и поделить», глядишь, не всплыл бы вопрос о повышении зарплаты, о дифференцировании ее в зависимости от продажи продукции. Рабочие впервые задумались о том, куда идет «валютная» выручка предприятия и почему им с нее ничего не перепадает.

Кстати, пока цех № 6 бастовал, директор производственного объединения, народный депутат облсовета Анисимов как раз был в заграничной командировке. Уж не на те ли самые фунты-доллары разъезжает?

Надежда ОЛЫШЕВСКАЯ

Нижний Новгород:

**ЛЕНСОВЕТУ МЭР НЕ
НУЖЕН?**

Закон РСФСР о местном самоуправлении, предусматривающий введение института мэров и губернаторов, еще не действует. Право обзавестись своим мэром предоставлено пока лишь Москве и Ленинграду.

Не желая отставать от этих двух столиц, депутаты Московского и Ленинградского районных Советов Нижнего Новгорода по собственной инициативе приступили к реформированию управленческой системы. Начали с того, что закрепили, так сказать, законодательно, совмещение должностей председателя райсовета и председателя исполкома райсовета. Интересно, что руководители обоих районов и раньше выполняли свои обязанности «по совместительству»: председатель «ленсовета» руководил также солидным предприятием, а «моссоветом» заведовал первый секретарь райкома КП РСФСР. Так что, наверное, справятся.

Звучавшие на сессии Ленинградского райсовета предложения подождать выборов мэра всем районным населением были отклонены большинством голосов.

Олег АЛЕХИН

**Осколки собирал Кирилл
РЫБАК**

Наш телефон: 921-52-78

Рисовал Константин Рыбалко

Лев ДАНИЛОВ

Говорили: «До первой крови»... Оказалось: до самой смерти!

Автор статьи — кинодокументалист, участник Отечественной войны. Одна из его последних работ — фильм «Штрафники. Сюжеты из приказа N 227». Картина вызвала бурный отклик фронтовиков: солдаты писали Л.Данилову, делаясь личными воспоминаниями, утаенными в «спецхране» сердца и души на четыре с лишним десятилетия; маршалы и генералы разразились гневными «открытыми письмами» в партийной и армейской печати, не в силах помешать выходу «Штрафников» на экран...

СУЩЕСТВУЕТ такая парламентская формула: «Как совершенно справедливо заметил предыдущий оратор...» Я тоже прибегаю к этой формуле. Но только с противоположным знаком: «Как совершенно несправедливо...»

Ораторов было девятнадцать. И выступали они не поочередно, а сразу-вместе-все, как говорил когда-то старшина мой в запасном полку — галдели кучей. Вы спросите: чего, мол, я перешел на термины армейские? А я отвечаю: потому что эти девятнадцать — сплошные маршалы

и генералы армии. И пошли они, сгибаясь под тяжестью погон, в атаку против одного бывшего гвардии рядового, каждый раз дополняя один и тот же, по сути, текст новыми словами типа клевета, пасквиль, фальшивка, осквернение, так называемая кинодокументалистика... И были эти их рецензии («Кто же выиграл войну?», «Диверсия против правды», «Фальсификации на исторические темы») удивительно похожи на обвинительные заключения, которые когда-то вот так же при-

вычно, коротко, по-деловому подписывались генералами и маршалами, отправлявшими тысячи солдат, сержантов, офицеров в штрафные подразделения «непобедимой и легендарной»...

И я не стал бы после драки кулаками махать, если бы считал предмет разговора только своим частным делом, а генеральские выпады против меня — числил по статье нарушения элементарных моих человеческих прав. Но я убежден, что разговор не исчерпывается злобой одного лишь текущего дня — это тема многих-многих дней,

нам еще предстоящих...

Моя картина не понравилась начальнику ГлавПУРа Лизичеву. Ну, не пришла она ему по сердцу. Бывает! Но ведь вниз пошла команда — изничтожить! Взять в штыки! Ну и кинулась в атаку «Красная звезда» в запоздалой попытке поруководить процессом творчества на темы военной истории.

Внимательно перечитывая то, что было сказано в военной печати о «Штрафниках», я вдруг поймал себя на ощущении, что мною это уже было слышано однажды, что где-то я уже это читал. И про то, что автор не увидел в прошлом ничего, кроме грязи и жестокости, и что психология, в нем данная, не соответствует богатому духовному миру советского человека — победителя фашистской чумы...

Да, такое говорилось много-много лет тому назад. В газете «Красная звезда». По поводу повести В.Астафьева «Пастух и пастушка». В одном из номеров чуть ли не четвертьвековой давности астафьевская «пастораль на боевые темы» получила от ПУРа критический заряд смертельной силы. А за что? Да за то, что в книге про войну — одни лишь муки и страдания и ни грамма героизма! А это ведь не так: советский человек, слава Богу, привык управлять ходом истории!

С тех пор прошло немало лет.

Но вот ведь уже в этом, 91-м году, 9 мая, «в шесть часов вечера после войны», объявлена была по всем радио- и телестанциям минута молчания, как обычно во все последние годы, — и вдруг, вклиненное в скорбный текст, буквально такое мы услышали: «Освободим сердца от гнева, выдохнем обиду из груди. Задумаемся: так ли мы живем, как хотелось им?»

Это — как назвать?

Не спекуляцией ли на крови?

ЧТО, СОБСТВЕННО, я в фильме показал? Среди других подразделений, рядом с другими подразделениями воевали штрафники. А вы — сразу: Лев Данилов утверждает, что войну с Гитлером выиграли штрафники! Значит, это что? Все остальные и не воевали?!

Видимо, из фильма вам стало ясным, что воевали штрафники-то будь здоровчик! Для того и фильм поставлен. И разве я виноват в том, что слепящая яркость изображения военных будней штрафного люда затмила вдруг действия каких-то

иных киногероев — в иных картинах, на других экранах? Ведь если в историческом знании кто-то вырвался вперед, то это совершенно же не значит, что все остальное потускнело. Выходит — по вашему мнению, — нужно было все сделать потише, поравнодушней? Чтоб не так ярко и не так страстно? А как прикажете — послабей? И вообще — проскальзывает — тема это заповедная... Так — что? — штрафники были всего лишь навозом на полях войны и под урожаем будущей Победы? Их усилия — что? — не выйдут никаким малым процентом в день 9 мая?

Так вот — о процентах. Вы мне сказали — да, конечно, были штрафники. Но — мало. От силы — полпроцента от числа личного состава всей действующей армии. Откуда вы взяли эти убаюкивающие полпроцента? Из какого источника? Из того же, видимо, где значатся наши потери — **БЕЗВОЗВРАТНЫЕ, НЕВОСПОЛНИМЫЕ, ЗАПЛАНИРОВАННЫЕ** (слова-то какие, Шекспир до этого бы не додумался!), откуда и 327000 раскулаченных в годы «великого перелома», откуда и 450000 жертв гражданской войны, откуда и 7000000 погибших в Великой Отечественной? Интересная у вас цифирь...

ЗАЙМЕМСЯ арифметикой? На фронте каждую минуту войной было занято 12 миллионов человек. Значит, полпроцента — 60 тысяч. Так? Средний размер штрафной роты —

семьсот человек. Это — одна рота. Штрафные батальоны порой насчитывали до полутора тысяч человек... У одного из моих героев — командира штрафной роты — за войну семь раз менялся личный состав. Выбывали, так сказать, люди... Помножим семьсот на семь. Это — четыре тысячи девятьсот человек. Это — штатное расписание двенадцати батальонов. Это — целая дивизия. Так что ж? На всю войну, на все десять фронтов было двенадцать штрафных рот? На все почти семьдесят общевойсковых армий? На всю природу людскую? На всю подлость?

«Жестоки вы, Данилов», — заявили мне герои-маршалы. Нет, не согласен. Говорить о жестокости — вовсе не значит упиваться ею. Если я, солдат, вспоминаю о том, что в военное время далеко не все юридические дела решались безупречно, — это не значит, что я черню историю. Просто время Кони и Плевако 22 июня кончилось.

Вот вам — показания не штабного чиновника, не рядового шелкопера — отставного генерал-майора юстиции, прокурора фронта Бориса Ивановича Алексеева. Показания не жертвы — но, как бы сказать, представителя «другой стороны»...

«Быть жестокими, необоснованно жестокими нас — судей, прокуроров, трибунальцев — заставляла боязнь лишиться собственной головы... Не выполнишь приказа — ты нарушитель закона. Ты сам из прокурора, властителя закона прев-

ращаешься в преступника. Это сильный парадокс. Он был менее силен для боевого командира, а для законника — вы знаете, серьезный...

НЕПОСРЕДСТВЕННО через мои руки прошли сотни, многие сотни дел. Но ведь подо мной были прокуроры армий, корпусов, дивизий... трибуналы, за которыми производился прокурорский надзор... особые отделы, контрразведка — тоже наши инструменты... А органы дознания? В каждой части еще и органы дознания были... Так что ответственность у прокурора была колоссальная — речь шла не о курортных отпусках...

Вы меня спрашиваете об угрызаниях совести... У меня их нет... Единственный случай — когда я, прокурор фронта, помимо своего желания предал суду командира десантного батальона Военно-Морского Флота подполковника Сударикова, который во время операции в районе Керчи вынужден был отступить в тяжелых условиях на берег моря и податься, как говорят, на Большую землю... Там он сразу был арестован по приказу командующего фронтом генерала Петрова, и буквально на следующий день его судили. Его нужно было, по всему, направить в дисциплинарный батальон — была такая постоянная практика. Но здесь я поддался давлению командования... Это был и для командования вынужденный

шаг — для поддержания дисциплины... Упустить такой случай военный совет в ту минуту не мог...

Трибунал сидел на берегу моря под открытым небом. Стол. Стулья... Погода теплая такая, солнечная. Я коротко доложил о составе преступления... и скрепя сердце потребовал у трибунала смертной казни за преступление в боевой обстановке... Да... В условиях борьбы. Страшной борьбы с нашим врагом — фашизмом... Вот. Я сам, лично предложил смертную казнь. Трибунал согласился...

Он в последнем слове держал себя прекрасно. Разорвал, как это полагается, тельняшку — и сказал: «Да, я изменник... Я заслужил одного — смерти. Смерти. Смерти». Три раза, значит, повторил. Все затаили дыхание. Ну как же, такое бывает раз в жизни...

Трибунал вынес приговор. И тут же отделение моряков, отведя его к кромке берега, по команде «Огонь!» расстреляло его... Сразу облекли его в саван, отвезли в лодке метров на сто от берега, камень, значит, подвезали, как всегда в таких случаях, и утопили тело в море.

Потом — команда: «Разойдись! Провести политическую работу!» Да... Я, вспоминая тот случай, до сих пор чувствую в душе какую-то тяжесть. И потом, много времени спустя, когда я был уже в Москве на работе, мне позвонили его родственники: «Нельзя ли реабилитиро-

вать?» А реабилитировать нельзя. Потому что это — не репрессии Сталина, а законные действия в условиях войны...

Это вам ответ на вопрос, не чувствую ли я угрызений совести...

НЕ СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ человек Алексеев. Согласно специальности: не адвокат он — прокурор. А и у него, глядите, есть пятнышко, омрачающее по сей день, полвека спустя, душу. А слить все такие пятнышки — не один же Алексеев такой! целая юридическая индустрия действовала на войне! — это как на проценты прикинуть, товарищи предыдущие ораторы? А?

«Нельзя ли реабилитировать?» — это в конце концов сказано про нашего солдата: триумфатора, да... но и труженика, и мученика, и жертвы той войны. Что-то одно выделять — значит лгать, а одного без другого не было...

Говорят мне маршалы: все это — плод разбушевавшейся фантазии вашей, Данилов! Но как можно фантазировать с документом? Даже если бы и хотел сделать это, то ничего бы у меня не получилось и не вышло — киноплёнка сама возвращается в руках!

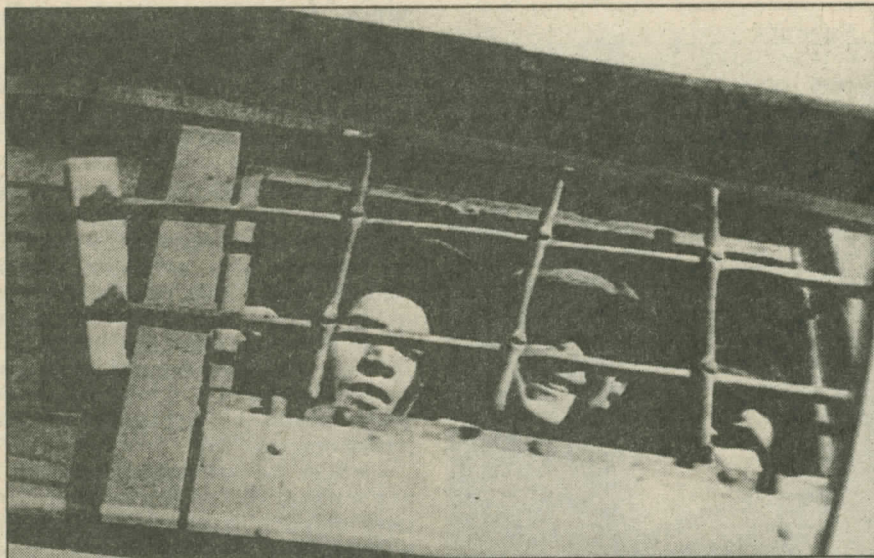
Мне говорят: поменьше бы эмоций, а то — сплошная «авторская позиция». И вообще вы диверсант, Данилов Лев... Все время умалчиваете о том, что в данном случае для вас невыгодно. Вот, например, про то, что заградотряды расформировались. Ведь, как только заградотряды сыграли свою роль — пишут маршалы-герои, — их тут же и расформировали!

Не вводите общественное мнение, товарищи маршалы, в заблуждение: не вообще заградительные отряды были расформированы, а только те из них, что стали выполнять несвойственные им функции — охранять штабы, склады ПФС и так далее. Отдельные! Как и значилось в приказе Наркома Обороны СССР от 29 октября 1944 года за номером 0349!

А штрафные подразделения действовали до последней минуты войны! И до последней минуты создали их стояли заградительные отряды: для раздельного, автономного существования эти два вида вооруженных сил предназначены не были. Односторонних медалей не чеканят...

Говорят, вспоминают сегодня, что в условиях войны, военного стресса

многие болезни заживлялись — язвы, к примеру. Но были в те годы и рецидивы старой болезни — шпиономания, поиски врагов народа, и — в продолжение тому — был ГУЛАГ при действующей армии! Походная каторга в составе РККА! Не гарнизонная «губа» — тюрьма при фронте — тюрьма под синим и открытым небом. Не походная труба — колотушка о рельсину...

НИКОГДА я не пойму — почему нечто трагически-скорбное, воспомненное нечто из бывшего в прошлом — почему оно способно очернить историю? Девятнадцать маршалов родов войск говорят: «Не было страшной войны — была славная, сверкающая всполохами салютов дорога к победе!»

Им так никто не велел говорить — они сами так к думают. Они сами так думать велят! Хотя, простите, было так велели. Теперь же продолжают думать так, как когда-то велели... У нас ведь как? Коль велено, так жизнь положим, но докажем и любого убедим, что черное — белое, а белое — красное. Как повелели нам. Привычка к тому, чтобы исполнять веленное и требовать от других это исполнять, рождает чувство безнаказанности. Вот, например, один из девятнадцати: генерал армии Павловский. Этот уж, действительно, настолько привык к безнаказанности, что ему все едино: подписаться под «телегой», в которой щедро рассыпаны штабные «термины», граничащие с оскорблениями, или, в бытность командующим сухопутными войсками, докла-

дывать, что в Афганистане идут самые прогрессивные, самые интернациональные, самые гуманные процессы... Велено было говорить, что там все в порядке, а он и другим — многим! — внушал то, что было внушено ему: ЧИСЛИТЬ чудовищную и бессмысленную войну в Афганистане по разряду славных исторических вех! И товарищ Лизичев стоял на страже этой, с позволения сказать, идеи. И поэтому умная и горькая литература, вроде повести А.Боровика «Спрятанная война» или «Цинковых мальчиков» С.Алексиевич, была ими зачислена в разряд фальшивок.

Вот такая у них «наука побеждать», у наших всегда и во всем «предыдущих ораторов!» Спасибо за такую науку! Легко жить, когда успеваешь первым ударить! Безотказен ваш старый закон: ты первый гаркнул — значит, ты и есть активный боец за правду-матушку!..

Вы мне: жалею, мол, изменников Родины!

Узко мыслите — и это с вашими-то погонами!

Я жалею наш народ. Не могу не пожалеть народ свой, оказавшийся в путах мук, печалей и страстей.

Все то, что вами по традиции называется «ИСПЫТАНИЕМ НАРОДА НА КРЕПОСТЬ», «ПОЛИТИЧЕСКИМ ЕДИНСТВОМ», «НЕРУШИМОСТЬЮ ДРУЖБЫ НАЦИЙ», — на самом деле было подлинно всенародной трагедией.

Мне жалко народ, строивший вплоть до рассвета 22 июня ваш коммунизм. Народ этот мог стать великой нацией. Не стал. Ему мешали — он не знал об этом. Все, что делал он, — делал вынужденно. И никогда, ни в каких случаях — кроме тех, что предложила война, — он не проявил бы в себе ни зверя, ни палача, ни власовца, ни карателя, ни дезертира, ни предателя, ни вора, ни насильника. Он был — наш народ! — поставлен в нечеловеческие обстоятельства, и все нечеловеческое в нем проявиться не замедлило. И по-иному поступить множеству людей было не дано: так распорядились их судьбой власти предержа-

Письма отдела социально-бытовых проблем

С депутатским приветом?..

щие. Их к этому готовили не мало — много лет. И не в их вине тамбовское восстание, кронштадтский мятеж, сибирские волнения...

АХ, КАК ТЕСНО связана психология — вся жизнь душевная наша — с тем, что и как нам предлагает жизнь...

И нынешняя наша жестокость, и пролитая кровь все отсюда же — из войны! Пьянство — отсюда — из войны! Равнодушие и черствость — отсюда же — из войны! Приписки — из войны! И тупость — из войны! И ложь — отсюда! И подлость, и треп, и толпизм — отсюда — из войны!

И был это, в общем, парадокс — победа наша, достигнутая методами крепостного права. Если бы та победа не была нам так нужна самим, если бы мы сами так страстно не желали бы свободы, то не потерпели бы страшного пресса ваших крепостных методов, давившего нас каждый день той войны.

...Такие вот простые мысли пришли ко мне в ответ на историко-искусствоведческие «упражнения» генералов-маршалов.

Не настолько я наивен, чтобы представлять себе вполне интеллигентную картину: девятнадцать пожилых людей в золотых погонах и с широкими лампасами на штанах, сопя и отпихивая друг друга, с негодованием и праведным гневом норвят каждый свое слово вставить в «письмо турецкому султану» Льву Данилову, защитнику бандеровцев и власовцев.

Потому что не способны испытывать оные золотопогонные «письменники» ни обиды, ни гнева, ни боли, ни каких нормальных чувств вообще!

А я — что поделаешь: забывать боль, видно, не в моем характере — помню все детали того боя у станции Паплака, по дороге на Либаву, помню ту рукопашную... и пулю мальчишки-власовца (ох, и много их там стояло насмерть против нас!), которая разворотила мне ногу в то морозное утро Дня Красной Армии, в ту последнюю военную зиму...

Засим — здравия желаю.

А подчиненным вашим нынешним — мужества и удачи!

Уважаемая редакция!

Меня в этом году обидела депутат Ленинского района Ю.С.Климова: она меня не поздравила с 8 Марта. В прошлом году, когда шли выборы депутатов, я получила к 8 Марта открытку, написанную незнакомым почерком: «Спасибо тем, кто поддержал мою кандидатуру на выборах в районный совет. Повторное голосование состоится 18 марта. С праздником женщин Вашего дома! Ю.С.Климова». Получив такое поздравление, которого я не заслуживала, потому что за Ю.С.Климову не голосовала, я, конечно, расстроилась. Открытка стоит три копейки, избирателей у нас в районе много, домов тоже. Если Ю.С.Климова бросила такую открытку в каждый почтовый ящик, то, думаю, выборы ей встали в копеечку. Рублей шестьдесят на открытки она потратила, если не больше. С моей стороны было бы нехорошо требовать, чтобы она вошла в расход и в этом году. Но все-таки, знаете, чисто по-женски обидно: я же за Ю.С.Климову голосовала не до получения от нее поздравления, а как раз после. Думала: вот, женщина потратилась, написала так душевно, может, всю ночь писала и целый день вдобавок еще разносила по почтовым ящикам, а от других кандидатов в депутаты такой открытки не приходило. Вот я ей и отдала мой голос.

В этом году жду-пожду — нет от Ю.С. поздравления. Выходит, она только потому меня поздравила, что собирала голоса. Выбрали — и с плеч долой любезности! Хватит с этих избирателей и той открытки, которую писала им всю ночь. Правду сказать, я об Ю.С.Климовой ничего не слыхала ни до поздравления, ни после, в лицо ее не видала, хотя со дня выборов прошел год и даже больше. Как были у нас грязь и смрад, так все и осталось. Как не было у нас депутатов, так и нет. Я и раньше наших депутатов знать не знала.

Все-таки до чего легко получать голоса избирателей! Довольно нас

поздравить с 8 Марта, как мы уже готовы сделать человека депутатом. Ласковое слово и кошке приятно, не то что нам, избирательницам.

Пенсионерка с высшим образованием
В.И.ПОПОВА, Москва

Уважаемая редакция! С календарями теперь нет проблем, они продаются круглый год, даже летом лежат. Зимой прошлого года я купил два красивых: один выпустило ПО «Детская книга», заказ N 262, тираж 5 000 экземпляров, а второй — большой, настенный — Всесоюзное объединение Совинцентр, 123610 Москва, Краснопресненская наб., 12, тел.256-63-03, телекс: 411486. Других обозначений на этой живописной красоте нет.

На «детском» календаре в апреле 31 день. 31 апреля приходится на среду, на ту же самую среду, что и следующий за 31 апреля 1 мая. Два дня — в один день! Мне раньше казалось, что в апреле 30 дней. Но на календаре четко написано: среда — 31 апреля, среда — 1 мая.

На Совинцентровском календаре 5 мая приходится на воскресенье, а следующий день — 6 мая — на вторник. Между воскресеньем и вторником понедельник отменили. И, соответственно, все воскресные дни майского месяца приходятся на 11, 18, 25 мая, тогда как эти дни должны были бы быть субботниками. Суббота же 31 мая совпала с субботным днем 1 июня. Снова в один день недели последний день предыдущего месяца и первый наступающего!

Я совершенно запутался, уважаемая редакция — какие дни когда. Можно было бы сверять дни недели и числа по газетам, но газеты теперь нам почти не доставляют. О нашем журнале молчу — его приносят с опозданием на две, три недели. Так что проверять себя просто не по чему.

Г.КОБРИН, Москва

Гвардии рядовой запаса

Лев ДАНИЛОВ

Давид МДИВАНИ

КОГДА ИГРАЕТ ШАРМАНКА

Сегодня в Грузии возвращаются к своей истории и к историческим названиям. Нет уже Первомайского района или района имени 26 комиссаров. Вместо них узаконены Дидубийский и Исанский, те, что всегда жили в народе, несмотря на гербовые печати райисполкомов. Возможно, именно благодаря людской памяти сохранился в Тбилиси и единственный, как меня уверяли, мастер по изготовлению шарманок.

Живет он в старом районе города — Авлабаре. Десятилетия назад отсюда по крутой булыжниковой мостовой Винного подъема спускались к Куре ремесленники, чтоб, удобно рассевшись на ее берегу или взобравшись на плот, устроить пирешку. Воды Куры несли их плот вниз по течению, под Мэтэхский мост, мимо анфилад нависших над обрывистым берегом реки ажурных балконов. Шарманка играла, и ее мелодии разносились по округе, а трудяги, ставшие на час гуляками, поднимали тосты за мир, за свое ремесло.

Так было тогда — давно. Об этом рассказывали когда-то мои старики. Но по сей день помню из детства: теплая гроза, ручейки, несущие листья акации, и промокший шарманщик, прикрывающий телом инструмент от дождя. Он часто играл в нашем районе, и стайки малышей вились вокруг него.

— Дядя Ваню, еще, еще! — просили мы. И он крутил мелодию за мелодией, а затем, нагоняя серьезность на улыбкавые глаза, говорил:

— Э-э-э, с вами ничего не заработаю. А ну, брысь по домам, сорванцы.

И никто из нас не знал, что шарманку ему делал Акоп Китесов. Тот самый мастер, который сейчас — единственный. Ему под восемьдесят. И почти семьдесят лет отданы шарманке. Живет он в перестроенном дедовском доме, в районе, где старики считают за грех, если гость не поднимет стакана вина за их столом.

— Заходи, дорогой, заходи! — пригла-

шает старый мастер. Он легко подхватил шарманку, перекинул через плечо широкую перевязь и сквозь хлынувший поток мелодии крикнул жене:

— Тамар-джан, гость в доме. Сыр, зелень на стол. Вино я сам принесу.

Пока тетя Тамар накрывала стол, ее муж все крутил шарманку и говорил: «Слушай, слушай, как плачет, а?!». Затем, спохватившись, стал стыдить: «Не нарушай традиций предков. Сначала подними стакан за этот дом, за свой мирный приход ко мне, а уж затем вопросы задавай».

На трех языках говорит мастер: родном — армянском, грузинском — школу кончал, русском — сам выучил постепенно.

— В Тбилиси есть понятие — горожанин. Молодежь уже не помнит, а большинство тбилисских дворов были крохотные, и жили в них представители многих национальностей, — рассказывает Китесов. — Сам понимаешь, двери квартир не запирались. Да и зачем, когда все свои были, кто чем живет, кого что волнует, знали. Помогали, чтили и уважали традиции и обычаи друг друга. И каждый из горожан старался выучить язык соседа, чтоб, обратившись к нему на его родном языке, обласкать его, не обидеть. Не было тогда языка межнационального общения. Было уважительное межнациональное общение. Иначе вряд ли бы сотни лет простояли на Мэйдане грузинская и армянская церкви, синагога, мечеть, а недалеко от них — польский костел и русская церковь.

— Благодаря этому, — продолжал он, — Грузия стала родиной, родным домом для многих негрузин. Поэтому, проявляя уважение к этому народу, многих негрузинских детей родители определяли в грузинские школы. Эх, собираемся мы за семейный торжественный обед — армянин, грузин, осетин, украинец сидят. Ничего нам не мешает. Мир, любовь и согласие. А помотришь программу «Время», вай, тут убивают, там убивают. Кому-то очень нужно, чтоб жили мы в постоянном напряжении, да?!

В застекленной веранде устроена мастерская. Здесь, под лучами солнца, а не под лампой, он точит детали для инструмента, выводит узор, набивает мелодии. Это с первого взгляда шарманка проста. А заглянешь под крышку — и открывается лабиринт труб. Повернул ручку — начинает вращаться вал, приходят в работу меха. Стерженьки на валу задевают лады, те открывают трубы-флейты.

Самое сложное — «набить» мелодию. Порой приходится закрепить на валу более полутора тысяч латунных стерженьков и разнокалиберных скоб, чтоб шарманка заиграла.

На стенах в доме старого мастера висят портреты усатых мужчин в широких штанах с серебряными поясами. У каждого по шарманке. Все в городе знали их и звали просто — Гоги, Михо, Васо. «Набитые» ими мелодии звучали на каждом углу (ну, впрямь как сейчас песни «звезд» эстрады). У них-то и учился Акоп Китесов мастерству «набивать» мелодии, подбирать тот или иной сорт древесины, необходимой для изготовления труб. И сегодня использует, экономя, еще отцом оставленные, просушенные по специальной технологии материалы — бруски дуба, клена, сосны, груши. И вспоминает, вспоминая, вспоминает.

— Вон там, за Мэтэхским мостом, где до недавнего времени была Комсомольская аллея, был духан Вердена. И ремесленник, и генерал были равны в нем. Но ездили туда только мужчины.

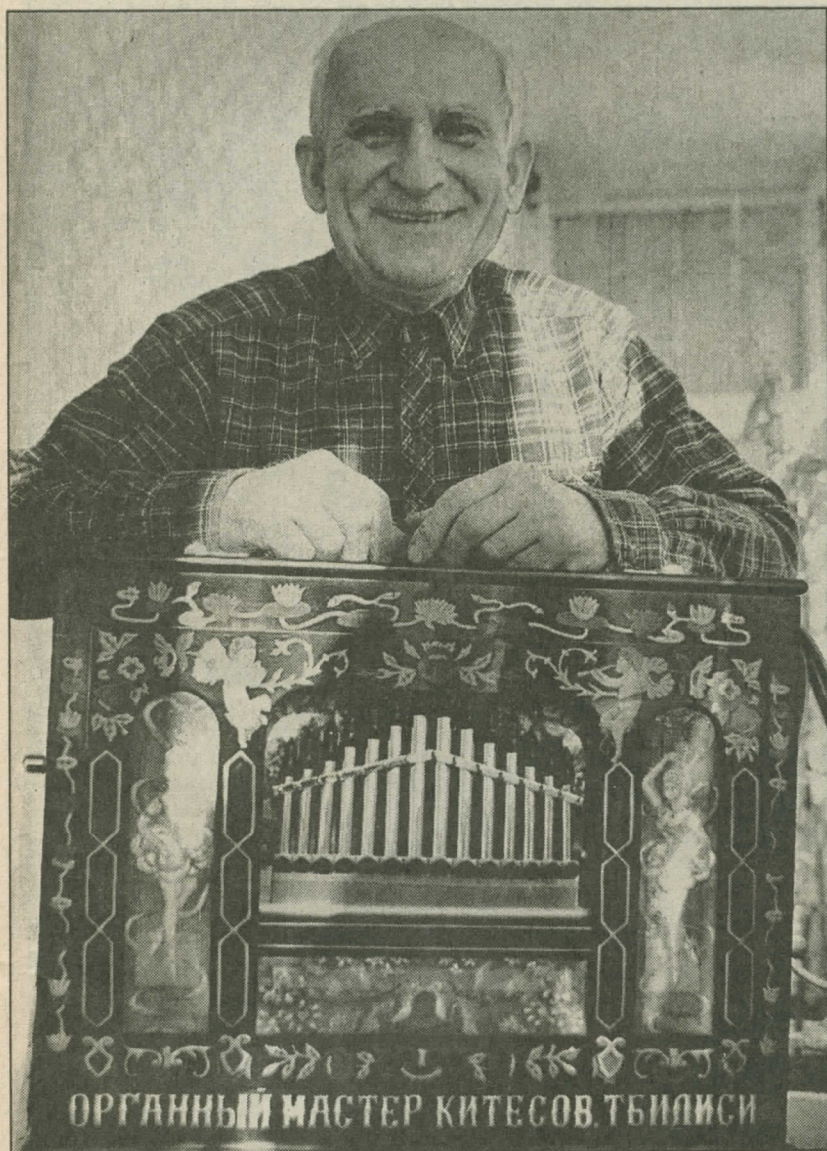

Фото Р. Рухняна

Пили, шарманку слушали и... — убедившись, что жены нет рядом, понизив голос, сообщил: — С девушками время проводили. Ох, должен тебе сказать: весело там было. На меня, правда, никто внимания не обращал — пацаном был, да и не столько интересовался, что делают старшие, сколько приглядывался к различным образцам шарманок. А их было множество — фирмы Нечада, Сулеменко, Зингер и еще другие...

Образцы этих шарманок выставлены сегодня в Тбилисском музее народных музыкальных инструментов. Одни большие, другие поменьше, зато оформлены краше. Но, пожалуй, самой изящной остается шарманка фир-

мы Нечада. В ней, как в современной японской аппаратуре, все настолько выверено, подогнано, что даже при желании нигде будет иголке завалиться. Ее конструкцию Акоп Китесов взял за основу своих инструментов. Всю жизнь не столько копировал, сколько искал новые системы сборки, и удалось, уменьшив габариты шарманки, сохранить мощност и чистоту звучания.

Сегодня все выставленные в музее шарманки реставрированы им. И все мелодии «набиты» им. Со всей страны приезжают киношники и любители шарманок, просят, чтобы Акоп Китесов оживил их инструмент. Его инструменты звучат в спектаклях Образ-

цова, в фильмах Кулиджанова, не счесть в скольких лентах студии «Грузия-фильм». Но при этом всю жизнь Акоп Китесов считал себя учеником Нечада. Только совсем недавно, изготовив уникальную по размерам и звучанию шарманку, он поставил на ней свое клеймо. Впервые.

— Почти семьдесят лет я шел к этому, — говорит мастер. — А вот завещать секреты некому. Нашелся бы хоть один предприимчивый кооператор, установил бы в своем подвальчике-кафе шарманку или музыкальный шкаф. Уверен, за кратчайший срок окупилась бы затрата, и кто знает, может быть, началось бы возрождение интереса к этому инструменту.

Он машинально переключил регистр шарманки и закрутил ручку. Комната наполнилась мелодией. Все вокруг посветлело, даже снимки старых шарманщиков — Гоги, Михо, Васо — будто ожили. И стал слышен веселый цокот фаэтона, поднимающегося в духан Вердена.

— О чем вы задумались, мастер? — спросил я его.

— О первой любви, о первой встрече с любимой. Тамар, — неожиданно он обратился к жене, — ты чего так притихла? Не надейся, лишнего не скажу. Первая любовь — шарманка. Вторая — ты. Просто я ее раньше, чем тебя, встретил, — улыбаясь, добавил Акоп Китесов. — Вот за эту любовь и поднимем стакан. А теперь ты крути, — сказал он и пододвинул шарманку.

Вновь нежная мелодия вызволяла из тайников памяти воспоминания детства. Акация в цвету. Крупные капли теплого дождя. Крик голосистого крестьянина — «Бу-у-йла мацони!», что означало — вот опять мой нагруженный торбами ослик привез вам настоящую буйволиную простоквашу. И беспокойные суетливые бабушки, переживающие за здоровье носящихся по лужам внуков, которым в те послевоенные годы так не хватало строгости погибших на войне дедов...

А шарманка играла и играла. Играла благодаря мастеру Китесову, единственному в стране человеку, знающему все ее секреты.

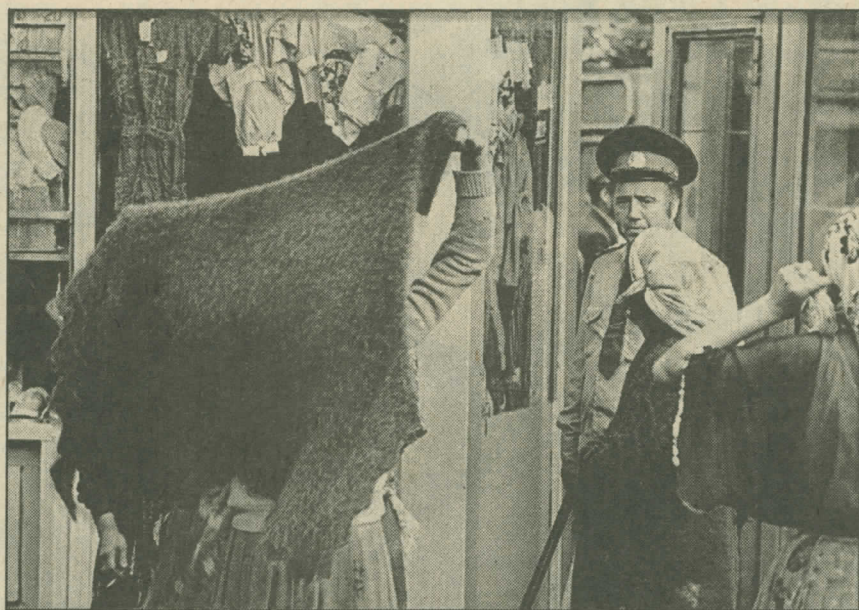

Цыганское счастье

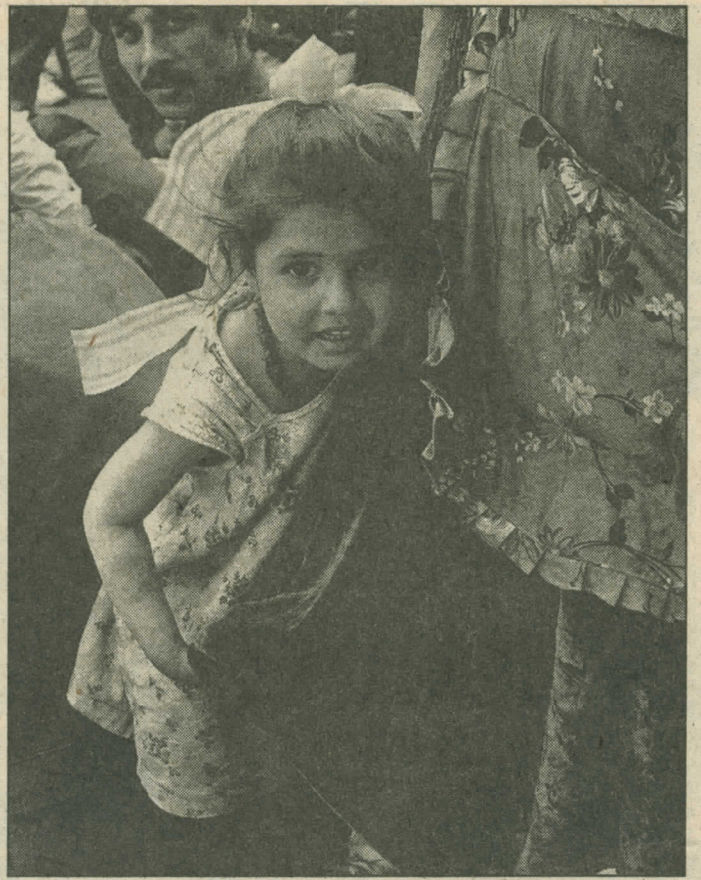
Говорят, есть три разновидности цыган: таборные, оседлые и театр «Ромэн». Театр «Ромэн» с пафосом и надрывом играет цыганскую жизнь в гостинице «Советская», где раньше был ресторан «Яр». Оседлые в большинстве своем забыли цыганский язык, но зато сохранили здоровый авантюризм. А таборные ходят по городу и пристают к прохожим. «Красавица, можно на минуточку, красавица!» Цыганята действуют более решительно: пока самая старшая из толпы заламывает вам руки и жарко шепчет: «Дай рубиль» — остальные молча, делово лезут к вам в сумки и карманы.

Свободные и странные люди. Живут, чем придется, рожают ораву детей. Что им в городе? Какую судьбу предсказывают им их замусоленные карты? Впрочем, разве можно раскинуть карты на целый народ...

Елена АВЕРИНА
Фото В. Суворова

Леонид ЗЕЛЬЦМАН

БАШМАК ПОД МЫШКОЙ

До чего же расточительны мы были! Помню, несколько лет назад я сдал в ремонт сапоги. Дело было в конце зимы, а вспомнил я о них на следующий год, когда наступила глубокая осень. Обувь мою найти не смогли, и тогда заведующий мастерской вынес из кладовки мешок, вывалил его содержимое на пол и сказал: берите любые. Чего в этом чудо-мешке не было: сапоги мужские и женские, ботинки отечественные и импортные, босоножки и сандалии... Все это добро оказалось невостребованным — то ли заказчики о своем имуществе забыли, то ли пошли в магазин и приобрели новую обувь.

Сейчас настали совсем другие времена. Приходится выгребать все из домашних антресолей и чуланов, чтобы найти обувь, которую почему-то не успел выбросить: вдруг еще можно будет надеть? Новой-то в магазинах нет, а которая есть — по нынешним ценам не купишь. Вот и я нашел в закутке пару башмаков, вроде ничего еще. Если приклеить набойки да наложить на один ботинок небольшую заплатку, можно надевать, особенно в сухую погоду.

В двух мастерских набойки делать отказались (нет красного клея), а в третьей — сделали.

— А заплатка — дело не мое, — сказал мастер, — идите к ушивщице.

Пошел. Минут сорок постоял в очереди для того, чтобы узнать, что «машина в это место не достанет».

— Так сделайте вручную.

— Руками не шьем.

И начались хождения по мастерским...

Посетил я их ровно десять, обошел весь центр Москвы — усилия оказались тщетными. На Бутырском валу в каморке под вывеской «Срочный ремонт модельной обуви» еще недавно сидел усатый парень по имени Макс, которого знала вся округа: он чинил все, что не бра-

ли в других мастерских. Не знаю, была ли у Макса швейная машина, потому что заплатки и многое другое он делал с помощью иглы и дратвы, как и его предшественники с древнейших времен, да так искусно, что и не всякий мог узнать место, где еще недавно была прореха. Сейчас же на двери висит большой замок.

Разыскивая умельца Макса, я позвонил в промкомбинат ОРСа Московско-Смоленского отделения Московской железной дороги — этой организации принадлежала каморка-мастерская. Оказалось, трудится умелец в Тель-Авиве или где-то в его окрестностях. Надо полагать, новая клиентура успела оценить его мастерство.

А я продолжал ходить и ездить в свободное от работы время со свертком под мышкой, в котором лежал старый башмак. И вспомнилось, как много лет назад, будучи в командировке в городе Киеве, в тамошней службе быта я пытался починить плащ. И хотя повреждение было пустяковым, мне не удалось тогда найти в столице Украины мастера, который бы взялся его устроить. И тогда с плащом в портфеле я пришел в кабинет министра бытового обслуживания населения республики Л.К.Шпаковского, который объяснил, в чем дело: работа копейная, вот и не хотят ее делать. В беседе министр высказал немало интересных, по тем временам весьма смелых мыслей.

— Дали бы свободу, — говорил он, — возможность самим устанавливать цены на те услуги, которые не значатся в прейскурантах, мы бы горы свернули. А если бы частные мастерские разрешили — вообще бы не было проблем с оказанием всяческих услуг.

И вот через двадцать лет я решил точно так же поступить в Москве. Взял сверток с башмаком и направился прямехонько к самому глав-

ному человеку в столичной службе быта — генеральному директору Московского городского территориально-производственного объединения «Мосбыт» В.В.Селезневу.

Но я, кажется, опоздал со своим визитом. В том смысле, что в день моего прихода в результате очередной реорганизации появилось новое учреждение с почти прежним названием — Московское городское территориальное объединение (исчезло лишь слово «производственное») и с совершенно другими функциями. Производственные и финансовые вопросы теперь должны решать сами предприятия, ставшие самостоятельными. Здесь, чтобы все было понятно, следует объяснить административную иерархию обвноремонтного производства.

Еще недавно «Мосбыту» подчинялось производственное объединение «Труд». В его ведении было восемь фабрик по индивидуальному пошиву и ремонту обуви, а в их составе — сеть мастерских, разбросанных по всему городу. Теперь вся надстройка ликвидирована, фабрики обрели «суверенитет», некоторые из них перешли на аренду, «Мосбыт» же в своем новом качестве, как поведал мне Виктор Васильевич, будет управлять основными фондами, эти права ему делегированы Моссоветом. Отныне в штабе бытового обслуживания самого крупного города страны уже не могут приказать кому-то помочь или чего-то не делать: командно-административные методы уже не действуют, во всяком случае не должны действовать.

Да и в самом деле, зачем мастером командовать, указывать, сколько и чего он должен починить, сколько за это получить и какой должна быть пресловутая производительность труда сегодня, завтра, послезавтра и на пятилетку вперед? И еще следить за тем, чтобы число ударников комтруда, не дай бог, не уменьшилось? Все равно же о культуре обслуживания заказчик узнавал не из опыта личного общения с приемщицей ателье, а из записи в красивом дипломе, висящем на стене.

Я побывал недавно в мастерской, находящейся на первом этаже весьма престижного дома, построенного для проживания руководящих работников высокого ранга. Из вставленных в красивые рамки свидетельства, пока стоял в очереди, узнал, что сапожных дел мастерам

еще где-то в самом начале восьмидесятых годов присвоено звание коллектива коммунистического труда, а за пятилетку до этого — высокой культуры обслуживания. А вот поди ж ты, заплатку пришить к моему башмаку отказались — то ли обувщики тех настенных документов не читали, то ли о своих почетных званиях позабыли.

Так действительно, не лучше ли руководителям «Мосбыта» заниматься не качкой тех, кто не выполняет взятого с потолка плана или придуманных кем-то нормативов, а развитием отрасли, прогнозированием спроса на услуги, разработкой программы улучшения их качества. Справедливости ради должен заметить, что в новой структуре управления службой быта чудом сохранено подразделение, которое занято анализом жалоб и писем заказчиков с тем, чтобы хотя бы видеть, какие тенденции преобладают в отрасли.

А пока же клиент прореагировал на двойное повышение прейскурантных цен на ремонт обуви весьма своеобразно — ногами. По свидетельству иных директоров фабрик, количество клиентов сократилось тоже вдвое. Если раньше бережливая владелица туфель прибегала ставить рублевые набойки каждую неделю, то теперь, прежде чем уплатить два рубля с полтиной, она, по выражению одного из мастеров, чуть не весь каблук изнашивает.

Еще сильнее обострилась проблема «выгодных» и «невыгодных» видов ремонта, потому что стоимость сложного ремонта почти утроилась. Зарплата же мастеров при этом осталась прежней. На некоторых фабриках средний заработок сапожника (я употребляю это слово с опаской, хотя на Руси испокон веков так называли умельцев пошива и починки обуви) составляет 160—170 рублей. Я часто посещаю обувную мастерскую в Доме быта на Новослободской улице, где ремонт делают с ноги. Очереди, как правило, большие, и мастера трудятся с утра до вечера, как автоматы, ни на минуту не отвлекаясь. Поинтересовался в бухгалтерии зарплатой — чуть больше 200 рублей. Правда, все эти цифры бумажные: ведь заработок начисляется в зависимости от сданной в кассу фиксированной суммы (по-моему, взятой если не с потолка, то рассчитанной условно), а все остальное остается у исполнителя в качестве приработка.

— Да, это так, — утверждают обувщики, — но о каком приработке можно говорить, если неделями не бывает клея, кожи, резины, фурнитуры, полуфабрикатов, а так называемого красного клея, без которого нельзя чинить многие виды импортной обуви, и вовсе не было несколько месяцев?

Вот и ходит измученный владелец сапог или туфель из мастерской в мастерскую, а мастера скучают без дела. Так что, как показывает жизнь, ликвидировать лишнее управленческо-командное звено, каким было объединение «Труд», и дать службе быта свободу, о которой украинский министр мечтал два десятилетия назад, — еще не значит поднять обслуживание на должную высоту. Да и как его поднимешь, если вдобавок увольняются лучшие мастера? Уходят в кооперативы, где заработок выше. Среди оставшихся — немало пылиц, лодырей, неумех. Приходится брать на обучение мальчишек 15—16 лет или взрослых людей, которые по семейным обстоятельствам решили попробовать научиться сапожному делу. Едва приносятся стучать молотком — разочаровываются и спешат уйти. Как поведала мне главный инженер фабрики N 1 В.Лопухина, из полусотни учеников, принятых в позапрошлом году, остались лишь трое.

В погоне за повышением производительности труда обувщикам установили план: каждый мастер должен в течение месяца сдать в кассу две тысячи рублей. Почему именно столько — сказать трудно, во всяком случае даже у специалиста высокой квалификации для заботы о качестве ни времени, ни сил не остается. Десять процентов от двух тысяч — зарплата (это после введения новых прейскурантных цен, до этого было 20 процентов, а несколько лет назад — 33 процента). Оставшееся от плана после вычета зарплаты идет на приобретение материалов, на плату за коммунальные услуги и аренду, которая с января выросла вчетверо и составляет около 16 рублей за квадратный метр площади. Поэтому, если мастерская большая, а работников в ней мало, ее попросту невыгодно содержать. Так, например, фабрика N 1 закрыла цех на Алтуфьевском шоссе: его площадь 270 квадратных метров, а работали лишь четыре преданных своему делу обувщика. Но попробуй районным жилищным властям

только заикнуться о том, что дорого платить за квадратные метры: вмиг вышвырнут и радостно сдадут освободившееся помещение кооперативу или СП.

Так что же делать? Ничего особенного. Просто нужно создать стимулы, которые бы побудили обувщиков гоняться за каждым клиентом и выполнять любой ремонт не только быстро, но и высококачественно. Нужно насытить мастерские современным оборудованием. Перевести обучение кадров на контрактную основу. Ускорить процесс приватизации — может быть, появится конкуренция, которая заставит снижать цены. Такие примеры в службе быта уже есть. Все московские прачечные с апреля утроили стоимость своих услуг. Все, кроме одной — фабрики-прачечной N 4, которая, чтобы привлечь население «своих» районов — Красногвардейского и Перовского, — подорожала только вдвое. И хотя коллектив работает пока в убыток (отток заказчиков, и весьма значительный, все же произошел), директор, Зоя Николаевна Дашкова, надеется, что шок со временем пройдет и все обрзается.

Может быть, Моссовету все-таки следует предусмотреть какие-то льготы по налогообложению? Тогда удалось бы и зарплату обувщикам повысить, и материалы хорошие приобрести, а то и станки за границей купить, как это делают богатые кооперативы...

Справедливо ли, что сапожные мастерские, где люди всегда работают в грязи и имеют дело с нервными, уставшими от очередей и сплошных дефицитов горожанами, и какой-нибудь сверхрентабельный завод-гигант со стерильно чистыми цехами для сборки вычислительной техники должны вносить одни и те же 35 процентов от своей прибыли? Моссовету, его депутатам и Мосгорисполкому заняться бы этими проблемами, а они озбочены выяснением отношений между собой да еще бесконечными реорганизациями. В.Селезнев сказал мне, что, видимо, образование территориального объединения «Мосбыт» без слова «производственный» — это «еще не вечер», грядет новое веяние: создание Комитета «Мосбыт», вероятно, с такими замечательными функциями, каких никогда еще в нашей стране не было.

Комитет так Комитет! Главное, чтобы впопыхах не забыли, для чего он

Михаил Поздняев

1000 ЛЕТ И ТРИ ГОДА

(Окончание. Начало на 5 и 25 стр.)

Все та же Власть, все та же Партия, все та же, приедетая и подгримированная сила... и сегодня, когда никому из архипастырей и их верных чад не грозят ни калитниковский овраг, ни Соловки, вести с этой властью диалоги, да еще с позиции просителя — попросту стыдно.

Возвращает Ельцин Церкви ее имущество — спасибо; но отчего же — после долгих переговоров с ними и с Силаевым Святейшего Патриарха? Мне очень запомнилась реплика тишайшего, почти почеховски застенчивого батюшки — вдруг, после службы, с глазу на глаз: «О чем просить? Кого?! Я бы привозил архиерея, вводил бы его в занятый музеем ли, конторой или складом храм — «Освящайте, владыко!» — а этим господам: «Давайте, выметайтесь отсюда, вас здесь не было, и вы у нас не брали разреше-

ния здесь разместиться» — честное слово, вот так бы!..»

Посмотрите на министра Губенко, сравнивающего тех, кто требует возвращения Церкви всего — до последней полусгнившей в запасниках иконы! — всего, что было у нее отнято, — с кем, подумайте? С теми, кто, крича «Грабь награбленное!», вламывался в алтари, срывал с чудотворных образов жемчужные ризы — «Маньке на бусь»... Вандалов, людоедов, богоотступников сравнивает министр — не с «живоцерковником» Патриархом Сергием, не с белыми клобуками из его окружения — но, вот именно, с «белыми платочками!» С какой-нибудь бабушкой Дашей, черепашкой Тортилой, живущей в Костянском, ходящей к обедне в Телеграфный... транспорта нет, только пешком можно — вот она с палочкой и шлепает и в снег, и в дождь, час — в один конец, час — обратно...

Если верить, что в столь разитель-

ных переменах в религиозно-общественной жизни нашего Отечества заключен Промысел Божий, то действует он, дерзаю судить, не благодаря «духовной зоркости, широте взглядов и проникновенности ума» неосергианцев, но скорее по молитвам бабушки Даши, невесты когда еще вписавшей в свой помяничек «За упокой» «убиенных Николая, Александру, девиц Ольгу, Татьяну, Марию, Анастасию и отрока Алексия».

Идет разговор о предстоящем прославлении Новомучеников Российских, сообщается о подготовленных для утверждения материалах к житиям священномучеников Владимира и Вениамина, митрополитов Киевского и Петроградского, расстрелянных большевиками. И одновременно — правящий архиерей града Свердловска заявляет: страсти вокруг места казни императорской семьи инспирированы «силами извне», прославление Новомучеников — акция политическая, поскольку речь идет о тиранах и угнетателях трудового народа!

По-видимому, его Высокопреосвященство не слишком осведомлено или просто не обратил внимания на то, что на иконе Собора святых Новомучеников Российских, прославленных Русской Церковью в изгнании 10 лет назад, — воистину сонм: и государь император — и блаженный в рубище, и белые клобуки — и белые платочки...

Или еще. На пресс-конференции в Свято-Даниловом монастыре вполне официальный представитель Патриарха оповещает журналистов: причислению Николая II и его семьи к лику святых мешает то обстоятельство, что мы вообще-то имеем дело... с клятвопреступником! Ведь отрекся! Нарушил обеты, данные при венчании на царство, сравнимые с обетами монашескими!

«А ты бы его спросил, — завелся с «пол-оборота» простодушный диакон из-под Москвы, — он как, старчество признает? О пророчестве преподобного Серафима насчет конца царствия государя слышал? О блаженной Прасковье Ивановне знает, велевшей еще в девятьсот третьем году сойти царю с престола по своей воле? Он вас, журналистов, за дурачков, что ли, держит?..»

Диакон — человек несравнимо более строгой и благочестивой жизни, нежели мы, «либеральные журналисты», вот уже несколько раз ходившие нынешней весной на

собеседования с людьми из ближайшего окружения Патриарха Алексия II. Однако и нам удалось заметить важную деталь в наших «душе-спасительных беседах»: сетуя на то, что мы, журналисты, подменяем в репортажах и статьях вопросы сугубо церковные — политическими, почтенные отцы сами же то и дело съезжают на ухабистую стезю «политиканства во Христе». То рекламируют организованные вдруг массовые Союз Православных Братств и Союз Православной Молодежи — организации, слишком схожие с профсоюзами и комсомолом, построенные по принципу демократического централизма, туманные в программе и уставе, чтобы не подозревать в их кураторстве кого-то, помимо Патриархии. То приглашают на пресс-конференции выступить с осуждением «желтой прессы» залетного профессора из Канады. То, вообразите, вслух зачитывается ч а с т н о е письмо исповедующего католичество автора одной весьма острой публикации — письмо, в котором он объясняет адресату, что, рассказывая о положении католиков в России, ничуть не желал обидеть православную иерархию — и все «острые углы» оставляет на совести редакции.

Слышал я на одном из брифингов в Свято-Даниловом и весьма отважное сравнение положения Алексия II с положением Горбачева и призыв: «Помогите Патриарху!» (сиречь: «Не критикуйте нас!»), и просьбу не упоминать более в печати пресловутое «Письмо 53-х» — дескать, Алексий II свою подпись под этим обращением к Президенту «деза-вировал»... а где, спрашивается, об этом было сказано? а вот, говорят, в интервью корреспонденту французскому...

Ну и наконец — нечто вовсе непо-стижимое: «Вы все говорите — «покаяние». А вот в Болгарии и в Румынии патриархи покаялись в союзнничестве с коммунистами и госбезопасностью — и что?! Ничего этого покаяние не дало! И у нас — перед кем, собственно, каяться? Перед советским народом, который толком и не поймет, о чем там Патриарх с амвона говорит?..»

Ни много ни мало.

Каяться перед потомками тех, кто, покидая родину, унес на подошвах башмаков, вместе с пылью русских дорог, золотые крупницы того, что называлось «Святая Русь», — неприлично.

Каяться перед внуками тех, кто погиб за Веру «в мрачных пропа-стях земли», — бессмысленно.

Перед кем еще каяться? Разве что перед Богом?

Но объяснить э т о — и м у меня дерзости не хватило...

Смею полагать — Святейший Алексий все же думает иначе.

Большие надежды вселяет прощение, испрошенное им у всех, кого за три десятилетия своего архие-рейства обидел волею или неволею («Известия», 10 июня 1991 г.).

Увы, робкий проблеск надежды.

«Церковь не намерена заключать «политические браки» — назвал Патриарх свое заявление, опубликованное теми же «Известиями» двумя неделями раньше.

Двойственное впечатление производит этот текст.

С одной стороны: «Сегодня мно-гие желают, чтобы Патриарх занял какую-то однозначно партийную позицию. Но моя паства все же не может быть введена в рамки ни одной из партий и даже блока». А с другой стороны: «Надежду на реальное сотрудничество дает создание объединения депутатских групп «Согласие». Это — очень нужная инициатива. Дай Бог, чтобы не запаздывала». С одной стороны: в обращении группы депутатов «За сотрудничество конструктивных сил» для Патриарха, по его словам, «значи-мо прежде всего отмежевание от истории, психологии и тактики большевизма». С другой стороны — нежелание отмежеваться от реци-дивов большевизма в наши дни, от сохраняющей силу де-факто, пусть и упраздненной де-юре, 6-й статьи, и почти угрожающий экивок: «Я, кстати, был недавно в Сибири, и там особенно ясно было видно, насколько малообоснованно тра-диционное убеждение столичной интеллигенции в том, что ее взгляды и интересы — это взгляды и интере-сы всей страны»... Риторическая фи-гура, понуждающая вдуматься в сравнение положения Патриарха с положением Президента. Почти буквальны цитаты из Горбачева,

столь любящего покритиковать «го-спод демократов»...

Все острее почти физическое ощущение несвободы, скованности, ограниченности действий Патри-арха.

Что ему мешает?

Воспитание? Но он рос в правос-лавной семье в не советской Эсто-нии. Образование? Энциклопеди-ческое! Тип интеллекта? Но из напе-чатанного в последнее время он как-никак выделяет не романы Пи-куля — «Доктора Живаго» и «Кот-лован»!

Что мешает? КГБ — ясно, что не утративший своего влияния на цер-ковное руководство, лишь прибе-гающий к более изощренным фор-мам? Коррумпированный Синод? Общая, не слишком высокая, куль-тура епископата и духовенства?

Святейшему Владыке, смею ду-мать, мешает то же, что и всем нам, — встающая ежечасно между «Я» и совестью, между «Я» и Богом, между «Я» и множеством других «Я» наша советскость. Призрак «мирской вла-сти», о которой писал Пушкин в од-ном из последних стихотворений, — увидев двух гвардейцев, охраняющих Распятие Спасителя, вынесенное Великим постом на середину Царс-косельского храма...

Все мы в нашей жизни боимся «мирской власти» пуще всякой иной — подчас и Всевышней. Милиционе-ра боимся. И сами — чуть что — милиционера зовем.

«Помочь Патриарху» сегодня — значит поддержать его в противо-стоянии общему врагу, «мирской власти», «Царству мира сего». Вое-вать с этим врагом не надо — его нужно просто игнорировать, ста-вить на место, развеивать в дым.

Это достижимо лишь через прине-сение общего покаяния в несвобо-де. В потакании Злу.

Иначе — 1000-летие Крещения Руси так и останется для нас шум-ным и пыльным торжеством.

Иначе — нам будет лишь казаться, что после «праздника с тремя ну-лями» мы и жить начали «с нуля».

Гонорар за эту статью передается на восстановление церкви Покрова Богородицы на Городне, близ платформы «Покровская» Курской железной дороги и станции метро «Православная» (счет N 707709 МФО 201757 в Советском отделении Жилсоцбанка г. Москвы).

Автор будет признателен всем, кто примет участие в возрожде-нии этой древней московской святыни.

ОБРЕТЕНИЕ...

Когда седьмого февраля к перону Ленинградского вокзала подходил специальный поезд, доставивший в столицу с берегов Невы цельбоносные мощи преподобного Серафима Саровского, сопровождавшие святыню священники с тревогой выглядывали в окна: сколько будет народу? Уж больно келейно, без подобающего событию размаха, проходили связанные со вторым обретением мощей мероприятия. Передача и перенесение их в Троицкий собор из Казанского, где они были обнаружены, и вовсе прошли под покровом тайны. Какая-то сдержанность чувствовалась и в словах иерархов, причастных к освидетельствованию святыни. Вызвана она была, конечно же, не сомнениями в подлинности святыни, а другими — более глубокими причинами.

Фото В. Суворова

...ВОЗМОЖНО, и сегодня еще жив кто-то из свидетелей торжеств по случаю прославления преподобного Серафима в 1903 году. Это было великое празднество. Тысячи паломников со всех концов России, включая царскую фамилию, прибыли в Саров, чтобы поклониться прославленному святому и присутствовать на освящении храма в его честь. К длинному перечню чудес, совершившихся на могиле старца за семьдесят лет после его кончины, добавились в те дни новые исцеления, а при открытии мощей преподобного дивное благоухание почувствовали собравшиеся.

Два десятилетия неоскудевающим потоком шли верующие к его гробнице. Но уже спускалась на Россию долгая ночь, варварски

вскрывались, осквернялись, а нередко и уничтожались мощи святых. Их вывозили из разрушенных храмов, след их терялся в неизвестных хранилищах и запасниках музеев. Не минула чаша сия и мощей преподобного Серафима. В 1922 году они были вскрыты и увезены из Сарова в Москву, в Музей религиозного искусства, расположенный в Донском монастыре. По упразднении музея его фонды были переданы в Центральный антирелигиозный музей (ЦАМ), также просуществовавший недолго. После этого след святыни теряется. Была надежда, что святые мощи окажутся в Ленинградском музее истории религии и атеизма (ныне Музей истории религии), в который перешли основные фонды ЦАМа и где хранились мощи

святого Александра Невского и соловецких подвижников. Однако ни попытки обнаружить упоминания о мощах в документах музея, ни специальные поиски, предпринятые в связи с начавшейся реставрацией Дивеевской обители, не увенчались успехом.

Чудо можно усмотреть в том, что, когда, казалось бы, надежды почти не осталось, мощи преподобного были, наконец, обреты именно в запасниках Музея истории религии.

Вот что рассказывает заведующий отделом музея С. Павлов — первый, чьим глазам вновь предстали святые мощи:

«Музей готовится к переезду, проводится работа по отбору реликвий, которые должны быть переданы Церкви. Один из сотрудников обратил внимание на прямоугольный

предмет, стоящий в углу в помещении, где у нас хранились гобелены. Трудно сказать, как давно к нему вообще не подходили: в этом хранилище уже долгие годы находятся вещи с утратами... Предмет был приблизительно в рост человека и зашит в холст. Поскольку на этот раз экспонаты проверяли тщательно, мы тотчас вспороли холст. Под ним оказался деревянный постамент, на котором под марлей и ватой (марля была прибита к деревянному основанию, очевидно, для транспортировки) находилась мощи. Мы сняли вату и увидели полный остов человека: сохранились борода, волосы, частицы мышечной ткани. На черепе находился монашеский куколь с круглой прорезью, через которую прикладывались к мощам. На груди лежал медный крест — тот самый, которым в юности его благословила мать и который всю жизнь сопровождал его. Руки сложены крестообразно. На руках священнические поручи и атласные светлые рукавицы, на одной золотом вышиты: «Святый отче Серафиме», на другой — «Моли Бога о нас»...

Тут меня как громом ударило: я почувствовал, что сейчас происходит очень важное событие. Мощи мы сразу же перенесли в отдельное хранилище, под замок. Обо всем поставили в известность директора, он тотчас сообразил в Москву, Патриарху Алексию. Через несколько дней приехала из Москвы комиссия в составе епископов Евгения и Арсения, имевших при себе копии актов об обретении мощей в 1903 году и вскрытии их в 1922 году. В нашем присутствии они освидетельствовали мощи. Все совпадало с тем, что было записано в актах, не хватало только эпитрахили и части кости ноги...

Случайно ли, что святыня дошла к нам с утратами? Мы переживаем жуткие времена. Иногда кажется, что скорость распада несколько замедлилась, но тотчас случается нечто такое, что понимаешь — нет, все разваливается, и разваливается с возрастающей скоростью. Это относится и к Церкви. В ушах звенит от здравец по поводу возрождающихся храмов — но ведь, на самом-то деле, на Церковь обрушилась невиданная беда. В нее хлынул советский народ. И вовсе не потому хлынул, что вдруг уверовал в Господа, а в последней надежде, что Церковь его защитит и спасет. Энтузиазм, переживаемый обществом в отношении религии, напоминает энтузиазм первых пятилеток, но с существенной разницей — тот энтузиазм во многом был искренним, и потребовалось полвека, чтобы только-только теперь разглядеть его темные стороны. Этот — религиозный — энтузиазм искренним никак не назовешь.

Когда в речи Патриарха проскальзывает упоминание «братских церквей», ухо советского человека не может не слышать за этим знакомых до оскомины «братских партий». Когда в церковной газете встречаешь оборот: «Одобрив в основных направлениях деятельность высших органов...», независимо от продолжения фразы понимаешь, что не только традиционно церковная символика испоганена идеологической машиной, но — увы — и в саму церковную речь ввелись клеветы пресловутого «новояза». Срошшаяся за годы советской власти с этой самой властью Церковь, похоже, всерьез готовится стать ее правопреемницей в сфере идеологии. Более того, еще и метит на роль государственной религии! Но ведь именно это в свое время привело к воцарению чудовищной атеистической идеологии. Предложено радоваться тому, что священники сидят в парламенте, что они активно занимаются хозяйственной деятельностью. Но разве это дело Церкви? Разве могут вызвать сегодня — на фоне общей нищеты — иные чувства, кроме горестного недоумения, планы восстановления храма Христа Спасителя или строительства кошмарного по своей безвкусице храма в честь тысячелетия христианства на Руси?

...Вернемся к преподобному Серафиму.

Вернемся — спустя полгода после обретения его мощей, накануне их перенесения в Дивеевский женский монастырь, им благословленный, — чтобы вспомнить некоторые его пророчества. Наиболее известные из них получили название «Великой Дивеевской Тайны». Вот как передаются они в записках ученика преподобного старца — Н.А.Мотовилова:

«Неоднократно слышал я, — пишет Мотовилов, — из уст великого Угодника Божия, что он плотию своей лежать в Сарове не будет. И вот однажды осмелился я спросить его: «Вот вы, батюшка, все говорить изволите, что плотию своей в Сарове лежать не будете. Так нешто вас Саровские отдадут?»

«Мне, Ваше Боголюбие, убогому Серафиму, от Господа Бога положено жить гораздо более ста лет. Но так как к тому времени архиереи так онечестивятся... что главному догмату веры Христовой и веровать уже не будут, то Господу Богу благоугодно взять меня, убогого Серафима, до времени от себя привременной жизни и посем воскресить, и

воскресение мое будет, аки воскресение седми отроков в пещере Охлонской во дни Феодосия Юнейшего».

«Открыв мне, — пишет далее Мотовилов, — сию великую тайну, великий Старец поведал мне, что по воскресении своем, он из Сарова перейдет в Дивеево и там откроет проповедь всемирного покаяния. На проповедь же ту, паче на чудо воскресения, соберется народу великое множество со всех концов земли; Дивеев станет Лаврой, Вертьяново — городом, а Арзамас — губернией. И проповедуя в Дивееве покаяние, батюшка Серафим откроет в нем четверо мощей, и, по открытии их, сам между ними ляжет. И тогда вскоре настанет и конец всему».

Как и всякое пророчество, пророчество Серафима допускает различные толкования, но слишком многое в нем напоминает о нашем времени. И лет более ста прошло, и мощи его далеко от Сарова обрелись, и даже то, что «Дивеев станет Лаврой, Вертьяново — городом, а Арзамас — губернией», приобретает вполне символическое звучание, если вспомнить о сегодняшней, как принято говорить, «войне суверенитетов». Для церковной же иерархии пророчество это и вовсе печальное.

Быть может, мы и не совсем справедливы к нашим архиереям. Слова преподобного о том, что после возвращения плоти его в Саров, а оттуда в Дивеево, «вскоре настанет и конец всему», сами по себе достоячны для того, чтобы отнестись к переживаемому нами событию со всей возможной ответственностью.

У обретшей святые Серафимовы мощи Русской православной церкви появилась и реальная надежда, что возвращение их в Дивеево наконец станет моментом всеобщего покаяния. Так, во всяком случае, можно было понять слова Патриарха Алексия II, когда он говорил о предполагаемом крестном ходе. По первоначальному сценарию Патриарха, раку с мощами должны были нести на руках через всю Россию от Москвы до Сарова. В случае осуществления этого замысла, июль 91-го года мог бы и в самом деле стать поворотным пунктом в истории Русской православной церкви.

Станет ли?

**А.ДМИТРИЕВ,
Б.КОЛЫМАГИН**

ДЕТСТВО

Фото Ю. Штукина

Детей становится жалко в плохие времена. Времена у нас сейчас и правда неважные, но детей никто особо не жалеет. Точно так было в затянувшуюся эпоху средневековья: тогда понятие «ребенок», «детство» попросту не существовало. К детям относились как к будущим взрослым. Детство не воспринимали как самостоятельную пору в жизни человека, пору, имеющую свою ценность, — дети были заготовками для «главной» жизни. Вот так и у нас.

О детях пишут много, иногда прочувствованно, но всегда бесплодно. Поэтому рождаемость падает: женщины стараются не заводить детей, а те, кто рождает охотно, все же не восполняют род человеческий. В 1989 году в Советском Союзе на 1000 человек населения родилось 17,6 ребенка, а в 1990-м — по предварительным данным — 16,8.

О детской смертности, которая у нас все еще выше, чем в цивилизованных странах, в 2—5 раз, не пишем более подробно, чтобы не повторяться. Заметим лишь, что основная причина смертности детей в возрасте до года — дисбактериоз, страшное желудочное заболевание. Препарат бифидумбактерин мог бы спасти жизнь если и не всем младенцам, то огромному числу страдальцев. Бифидумбактерина в аптеках нет и не бывает фактически никогда. И это при том, что, например, в Москве (в московских аптеках его тоже нет) есть несколько предприятий по производству этого спасительного средства. На одном из них (да и на всех!) основная сложность в том, что бифидумбактерин расфасовывают по пузырькам вручную, пипеткой, две женщины. Когда они уходят на обед или на больничный, расфасовка прекращается. Руководство оправдывается тем, что отечественная промышленность не изобрела фасовочной линии. Нигде в мире, говорит руководство, нет такой линии — даже в Японии. Хотели когда-то закупить там и даже, кажется, закупили, но не подошла: крупно фасует. А надо всего по три пипетных капельки на пузырек. Между тем не в Японии и даже не в Америке, а на Московской фармацевтической фабрике местный умелец Старостин изобрел, изготовил и пустил в дело несколько линий по мелкой, капельной расфасовке порошков

и жидкостей. Но, поймите, предприятия по производству бифидумбактерина находятся на ул.Гамалеи, в Успенском переулке, а фармацевтическая фабрика — в Фармацевтическом проезде. Они ничего друг о друге не знают — и «Столицу» не читают (№ 2, 1990 г.). Поэтому умирают дети...

Инвалидов среди детей стало больше на 102 тысячи. В 1985 году на 10 тысяч детей приходилось 26 инвалидов, в 1991 году — 38. Государство, от которого зависит счастливое детство каждого, всегда платило детям-инвалидам 30 рублей в месяц, а с 1 января 1990 года — целых 70 рублей. Не к чему детей-инвалидов баловать. Девять тысяч детей-инвалидов стоят в очереди («стоят» — термин условный) в дома-интернаты...

Детям не построили достаточно школ: 10 миллионов мальчиков и девочек учатся во вторую смену, 129 тысяч — в третью (должно быть, ночью). В Москве школьные здания заняты конторами, институтами... Не иначе это следствие сокращения «аппаратных структур».

Дети живут по закону Ньютона: как мы к ним — так и они к нам. Советские дети вредничают, капризничают, они крикливы и плаксивы. Взрослые для них — первый объект для обмана, этому их настырно учит детский кинематограф социалистических стран: интерес в жизни появляется, когда делаешь что-нибудь по секрету от взрослых, каждый дядька в кепке может оказаться шпионом — лови его! выслеживай! — выслужись перед взрослыми, которые похвалят тебя за то, что обезвредил настоящего шпиона, и еще спасибо скажут. Советские дети спяны воспитанием в монолитный коллектив подсказчиков на уроках — это форма борьбы против учителей, вообще образования...

Детей жалко. Потому что и мы, кто пишет и кто читает «Столицу», пережили детство. И не каждый из нас хотел бы повторения этой поры жизни.

Сегодня редакция публикует небольшую подборку материалов о детстве — как его видят взрослые — и будет благодарна всем, кому есть что добавить по этому поводу.

Отдел социально-бытовых проблем

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Президенту СССР т. Горбачеву М.С.,
 премьер-министру СССР т. Павлову В.С.
 и тт. народным-пренародным депутатам из
 Верховного Совета СССР

Сдаемся! Указ и постановление «О реформе розничных цен...», которые вышли в один день с молчаливого одобрения союзных депутатов, нам очень понравились. Поддерживаем реформу и тоже одобряем. Объявление войны принимаем и заранее признаем себя побежденными. Сдаемся!

У нас теперь нет убогих детских площадок, потому что больше не завозят песка и качелей — говорят, что дорого. Даже самые примитивные игрушки, которые и без того были не всем по карману, стали стоить так дорого, что уж не знаем, кто их может купить. Наверное, одни дети миллионеров. Обедневшие родители нас не пускают теперь в спортивные секции, кружки и музыкальные школы, потому что страшно дорого. А то, гово-

рят, кормить вас будет совсем нечем. Цены в кружках по рисованию, по английскому языку 25—30 рублей за маленького-маленького ребенка! Музыка теперь стоит 60 рублей в месяц! А во что нас одевать, если пальто на маленького стоит 140 рублей, а на средненького и старшенького цены выросли до неба? Честно — сдаемся!

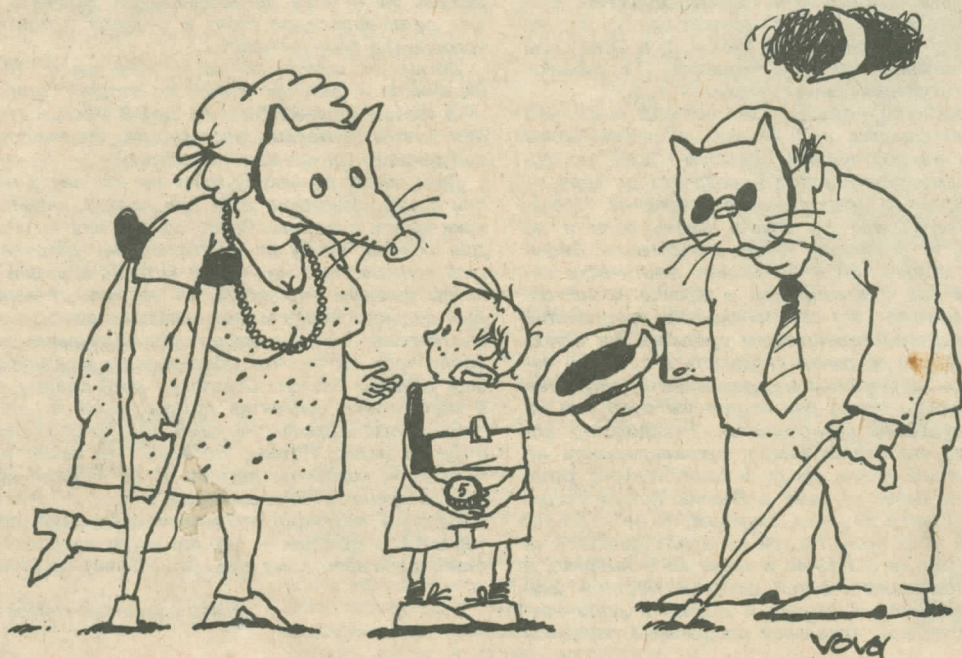
В школе на перемене мы голодные. За завтрак надо платить рубль пятьдесят, за обед — два рубля! Сдаемся! Осталось только еще заставить платить за школьные уроки, за каждые 45 минут отдельно, чтобы спасти, наконец, экономику страны. Перестаньте кормить детей, одевать, учить их — и с экономикой сразу станет полный порядок. От детей одни убытки!

Еще можно знаете что сде-

лать? Установить плату за вход в детский сад и в школу, и даже в песочницу, если ее огородить забором! Вмазать в двери и в забор турникеты, как в метро, — вход 5 копеек, выход — 10. Вот еще доход государству. Ощутимый доход. Неужели еще не догадались, тт. президент, премьер-министр и народные депутаты? Эх вы, привыкли жить на подсказках!.

Признавая свое полное поражение, мы хотим только, чтобы денег, сэкономленных на нас, хватило, дай бог, на вашу личную безбедную старость. Дай-то бог, чтобы она не была похожа на наше счастливое голодное детство.

Собрал подписи
 в школах NN 764, 279, 392 и 49
 Михаил Юрьевич ЛАБИНСКИЙ,
 отец троих детей

ЗАГАДКА И РАЗГАДКА

Прочитав письмо, пришедшее в редакцию, каждый поймет, в чем там дело. Но кто разгадает загадку, заданную написавшими его? Редакция будет благодарна всем читателям, кто даст наиболее правильный ответ. Впрочем, в данном случае можно даже гарантировать, что всякая версия, как бы нелепа она ни выглядела, будет опубликована, потому что редакции загадка представляется поистине неразрешимой.

«Уважаемые наши депутаты! Обращаются к вам родители детей, проживающих на 1-й и 2-й Останкинских улицах.

Мы голосовали за вас, демократов, в надежде, что наступит демократия, конец привилегиям. Что же происходит на деле? Судите сами...

В марте 1990 года наших детей из переполненной, переполненной (13 тысяч детей) поликлиники N 55 Дзержинского района перевели в абсолютно пустую, малозагруженную (500 детей) поликлинику на улице Цандера, д.5, имеющую два корпуса, большой штат врачей-специалистов, хорошее оборудование и пр., и пр.

Как шла акция прикрепления районных детей, показала передача «Добрый вечер, Москва!», режиссер — Лукьянова Б.М. Главврач т. Смирнова очень активно сопротивлялась приему «чужих» детей. В конце концов был подписан договор, на основании которого мы попали на обслуживание в поликлинику без номера на улице Цандера, д.5 (бывшего 4-го Главного управления).

Поликлиника прекрасная, близко расположена, но, оказывается, районные дети таких благ не достойны. И вот недавно нас выставили обратно в поликлинику N 55. Опять наши больные дети будут сидеть по три-четыре часа в очереди, опять не будет участкового врача (ему до нас далеко ездить).

Нам объяснили: Совет Министров РСФСР платит поликлинике по 600 рублей в год за «своего» ребенка, а вы — бесплатные. Районные дети нам не нужны! В договоре, однако, подписанном год назад Смирновой и Чередниченко, зав.райздравом Дзержинского района,

об оплате за детей нет ни слова, ни строчки.

Вопрос: чьи деньги платит Совет Министров РСФСР за «своих» детей? Ведь государственные же! Так как прибыли Совет Министров не имеет, он ничего не производит. Почему же Совет Министров РСФСР не может оплатить лечение наших детей (около двух тысяч) из госбюджета? Потому что у нас даже дети делятся на простых и элитных. Вот вам и демократия! За что мы голосовали?

От имени инициативной группы родителей
Марина Владимировна ФОКИНА
Москва».

В письме, как видите, предлагается разгадка загадки. Но, может быть, есть и другие разгадки?

А вот и разгадка, не требующая никаких вариаций. В официальном ответе на это письмо заместитель министра здравоохранения РСФСР Н.Ваганов не только подтвердил все, о чем написала Марина Фокина, — он подтвердил еще, что Минздрав РСФСР — активный сторонник привилегий и дележа детей на «районных» и «совминовских». Читайте сами:

«По жалобе т.Фокиной М.В. Министерство здравоохранения РСФСР сообщает следующее.

По сведениям, поступившим из отдела здравоохранения Дзержинского района, в соответствии с договором в марте 1990 г. на базе детской поликлиники по ул.Цандера, 5 (бывшего 4-го Главного управления МЗ РСФСР), — ныне принад-

лежащей лечебно-оздоровительному объединению СМ РСФСР, был открыт консультативно-диагностический центр и, кроме того, на медицинское обслуживание были прикреплены 2620 детей из прилегающего к поликлинике вновь выстроенного микрорайона. В связи с капитальным ремонтом вышеупомянутой поликлиники с 8 апреля 1991 г. указанный контингент детей передан под наблюдение в районную поликлинику N 55. На период с 8 апреля по 1 августа 1991 г. в поликлинику N 55 переведены из поликлиники бывшего 4-го Главного управления МЗ РСФСР 3 врача-педиатра для обслуживания этого контингента детей.

После капитального ремонта поликлиники вопрос о прикреплении детей будет решаться повторно. Учитывая тот факт, что эта поликлиника с 1991 г. работает в условиях нового хозяйственного механизма и стоимость обслуживания одного ребенка в год определена в размере 600 рублей, администрация поликлиники в настоящее время не возражает против прикрепления 300 детей с хроническими заболеваниями 3-й группы учета при условии оплаты за этот контингент».

Вопрос о выделении указанных средств из бюджета района в настоящее время рассматривается в Совете народных депутатов Дзержинского района.

Тов. Фокиной М.В. сообщено.
Заместитель министра Н.Н. Ваганов».

Хоть товарищ Ваганов и заместитель министра и говорить неправду ему, кажется, не положено, а только или он обманул М.В. Фокину, или заведующая Дзержинским райздравом Л.С. Чередниченко. Людмила Сергеевна — горячая сторонница уравнивания детей, и ее слову мы верим больше: она сообщила, что вопрос о выделении 600 рублей в год за одного «районного» ребенка «в настоящее время» в Дзержинском Совете не рассматривался. А в ответе товарища Ваганова говорится, что как раз «в настоящее время» рассматривается...

Обращаем особое внимание читателей на то, что сейчас Минздрав РСФСР уже не тот, что прежний Минздрав. Теперь его возглавляет Вячеслав Иванович КАЛИНИН — человек передовых взглядов, его утвердил Верховный Совет республики, тоже чрезвычайно передовой орган власти. Первым заместителем у нового министра — народный депутат России Василий Иванович РЕЗАЙКИН.

Думайте, избиратели и избирательницы, думайте...

Раиса ФИРСТОВА

ВОЙНА ПРОТИВ ДЕТЕЙ

Приезжая в Москву, мой английский коллега каждый раз привозит фотографии своего сына. На первой Йен еще совсем крошечный: месяца четыре, не больше. Сидит на травке, слегка поддерживаемый мамой, настороженно смотрит в объектив фотоаппарата. На нем — шикарная белая панамка, белые башмачки, на белоснежном костюмчике — какая-то симпатичная розовая зверушка. Йен потихоньку подрастает, Стив привозит все новые снимки. Я люблюсь малышом. И невольно каждый раз детально разглядываю, во что он одет. А если случайно в кадр попадают какие-то детали ребячьего быта — стены в детской, кровать, игрушки, — и их тоже. И прихожу к выводу, что в культурном обществе и в самом деле дети — класс привилегированный.

Вместе с фотографиями Йена у меня хранятся карточки моего племянника, почти ровесника маленького англичанина. Андрейкина мама, моя сестра (обладающая, кстати, прекрасным вкусом), наверное, очень старалась, чтобы сын выглядел прилично. Но даже на плохого качества фотографии видно, сколь грубы «нарядные» штанишки отечественного производства, как невзрачны туфельки.

— Было бы ребенку тепло и удобно, — грустно говорят родители, смиряясь с плохой одеждой своих малышей. Какая, мол, детке разница, во что быть одетой! Это мы, взрослые, должны «выглядеть». Ребенку это ни к чему.

Детка спорить не будет. Не станет доказывать, что разница есть. Зарубежные специалисты считают, что, чем наряднее, ярче и красивее одет ребенок, тем чаще ему улыбаются окружающие, тем больше исходит от них тепла, любви и ласки. А без этого маленький человек не вырастет добрым, контактным, уверенным в себе.

Но спустимся на землю грешную. Обратимся к статистике. Она сообщает, что на наших детей в среднем в год приходится одно пальто на троих, один костюм на двоих, одна пара обуви на десять подростков, одна пара валенок на шестерых детей. Уточню лишь, что таким было положение в стране в начале прошлого года. В том, что сегодня оно изменилось отнюдь не в лучшую сторону, вероятно, сомневаться не приходится.

В такой ситуации до выбора ли

несчастливым родителям? Если десять босых детей стремятся залучить единственную пару башмаков, будешь вдумываться, красива ли отделка, пластична ли подошва? Рисуюнок на колготках, по выпуску которых в очередной раз сорвал план Минтекстильпром РСФСР, станешь разглядывать? Вырвешь с боем, что дают, и убежишь, чтоб не отняли.

Что дают — все мы знаем. А ведь создают эти «наряды» в основном женщины, сами чьи-то мамы и бабушки. В голове не укладывается — как можно так работать? И как можно столько вещей переводить в брак?

Результаты проверок предприятий попросту ошеломляют. Ну вот, к примеру, выдержка из отчета о проверках, проведенных в 1988 году: «На 30 предприятиях Минлепрома РСФСР образцы-эталонны на отдельные виды детского ассортимента изготавливались с нарушением требований... что привело к снижению потребительских свойств обуви (теплозащитность, гигиеничность, формоустойчивость)». Отчет за 1989 год: «...Издавался приказ о прекращении приемки торговыми организациями туфель дорожных школьных и летних девичьих... при 100%-ной забраковке. 1990 год: Прекращалась приемка... сапожек школьных 100% по грубым производственным дефектам, сапожек дошкольных — до 100%; полуботинок гусариковых — до 100%, были забракованы туфли школьные дорожные по договорным ценам — до 100%. Одежда иной раз тоже браковалась стопроцентно. Но нещадно бракуются и халтурно сбитая детская мебель, и посуда, и ученические сумки и т.д., и т.п. И, к несчастью, в большинстве случаев чем дальше — тем больше. Какая-то необъявленная война взрослых против детей.

Но ведь, повторюсь, и всего этого убогого, сикось-накось скроенного добра, весьма, кстати, подорожавшего, катастрофически не хватает. Порой иных незапасливых родителей охватывает отчаяние: изодрались в клочья последние колготки — что делать? Отвалилась подошва у сапожек — в чем дочурке идти в школу? Если повезет, можно увидеть то, что нужно, под полкой спекулянта. Но цену он нахально назовет такую, что даже стойкий атеист перекрестится.

А самое плохое, что мы к этой ненормальности привыкли, притерпелись. Входим в положение всех, кроме собственных детей. Что хорошего они видят? Издерганную мать, погруженного в политическое страсти отца, с младенчества чужие стены детского сада и пусть даже доброе, но чужое лицо воспитательницы. Некрасивая одежда, калечащая ноги обувь, невкусная еда.

Правда, как это ни трудно, взрослые все же пытаются порадовать своих малышей свежими фруктами и овощами. Но в последнее время все реже. Небезопасен странно мокнувший и гниющий на глазах парниковый огурец, персик в зеленоватых пятнах ядохимикатов. К тому же цены просто пугают. Никакой дотации не хватит. Похоже, наши ребятишки скоро забудут (а некоторые так и не узнают), что такое черешня, клубника, вишня. Печально, но даже переработанных ягод, в виде варенья или консервированного компота, дети почти не видят. Сахар-то по талонам! Лишнего не дадут ни грамма. А без него какое варенье? Люди уже стали корчевать в своих садах плодовые деревья и кустарники — больно же видеть, как гибнет урожай. Соль, кстати, тоже днем с огнем не сыщешь. Выходит, обычный соленый огурец, и без того баснословно дорогой, скоро станет экзотичнее банана.

Фото В. Суворова

Ну а такая, казалось бы, элементарная вещь, как конфета? В этом году многие ребятки даже от Деда Мороза конфет не получили. Выходит, совсем плохи малышачьи дела, коль этот старик, способный сотворить любое чудо, сладостей для детей не добыл. И при этом кондитерские изделия массовым потоком идут в брак.

В брак идут и многие игрушки. Вот статистика. В 1986 году было забраковано 27,3 процента от произведенного. В 1987-м — 33 процента. В 1988-м — «всего» 17,5 процента. Зато в прошлом году снова почти треть — 28,9 процента. Иг-

рушка для малыша — целое событие, целый мир. Маргарет Тэтчер в одном из своих интервью призналась, что больше полувека хранит одну из своих любимых игрушек. А что хранить нашему малышу?

На ивановской фабрике «Игрушка» до 100 процентов браковалась игрушка «Волк и три поросенка»... Наборы песочные Курского завода резиновых и пластмассовых изделий, Читинского горпромкомбината браковались до 100 процентов из-за острых заусенцев на кромках, деформации формочек... Наиболее неблагоприятное положение с качеством отмечено по Гайскому за-

воду игрушек (Оренбургская область), Саратовской и все по той же Ивановской фабрике игрушек. О саратовских игрушках речь особая. В мае прошлого года там был проведен межобластной смотр качества. И вот результат: из 165 представленных образцов 33 видов рабочая комиссия забраковала почти половину, а точнее, 78 образцов. Игрушки эти бездарно серы, унылы и, самое главное, небезопасны для здоровья детей.

А цены! Появились уже куклы, стоимость которых перевалила за сотню. Думаете, какие-то необыкновенные, умеющие разговаривать, петь, танцевать, как кукла наследника Тутти из «Трех толстяков» Ю.Олеши? Как бы не так! Весьма сомнительные красотки, нечленораздельно что-то вякающие и с трудом прикрывающие глаза.

Привилегированный наш класс: раздетый, разутый, плохо накормленный... Наше будущее! Ему предстоит приводить в порядок то, что мы отвергли, продолжить то достойное, что начато нами. Но это потом. А сегодня? Как объяснить детям, почему они должны страдать за бездушные и разгильдяйство взрослых? И ведь мы коснулись далеко не всех сторон ребячьего, ох, до чего же неустроенного и нелепого быта.

...А маленький Йен на последней фотографии уже надел свитер и джинсы. Как у папы, только намного лучше. И у ног его лежит игрушка: Стив объяснял-объяснял какая, да я так и не поняла до конца. Комната у маленького британца вся расписана забавными яркими картинками, обставлена какой-то сказочной мебелью и даже оборудована сверхчувствительным микрофоном. Спросите, зачем? А это для мамы. Она, находясь в другой комнате, слышит даже дыхание ребенка, а потому не волнуется, не бегаёт туда-сюда, чтобы посмотреть, все ли в порядке у сына.

Словно не в разных странах — на разных планетах дети живут.

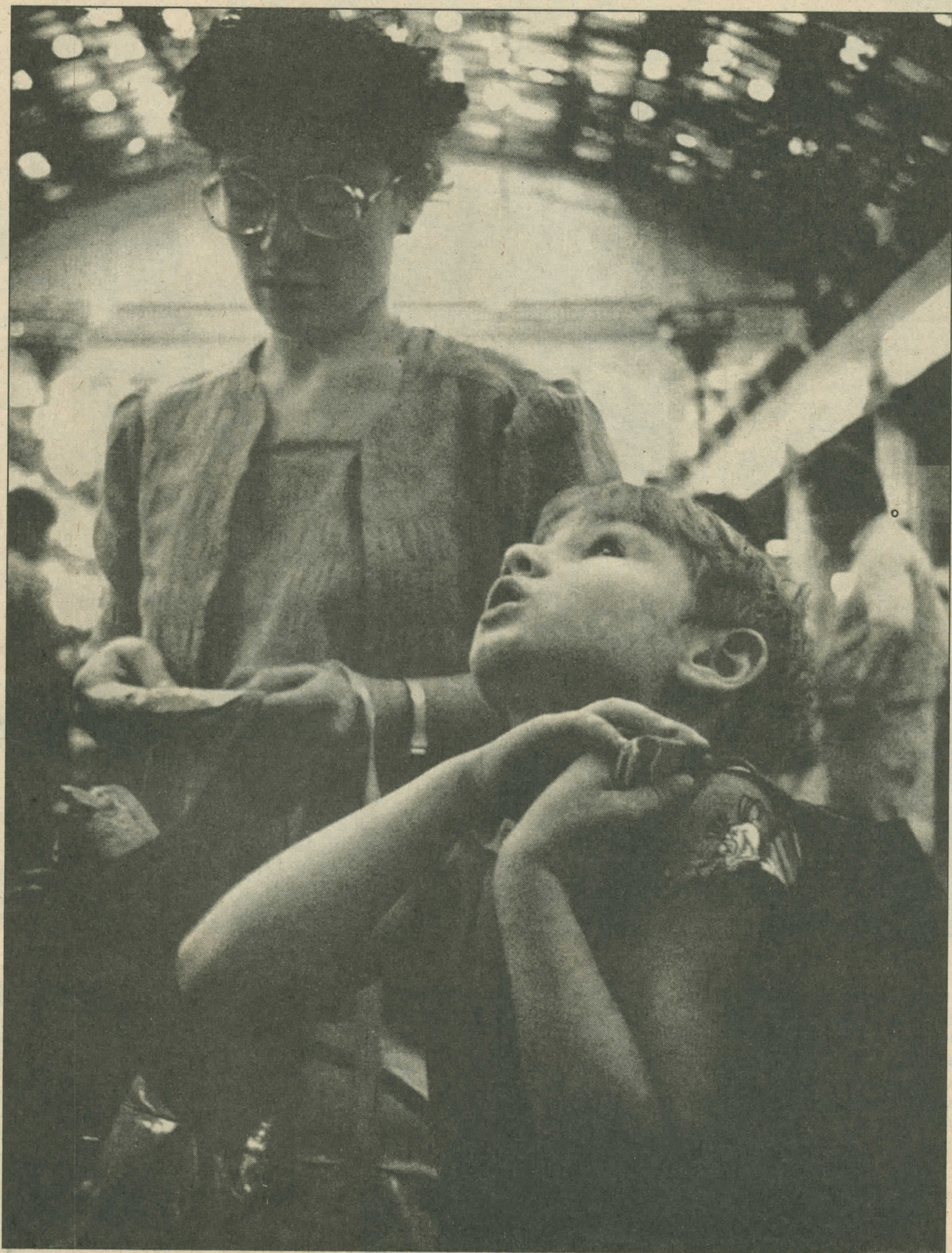

ДЕТСКИЙ

МИР

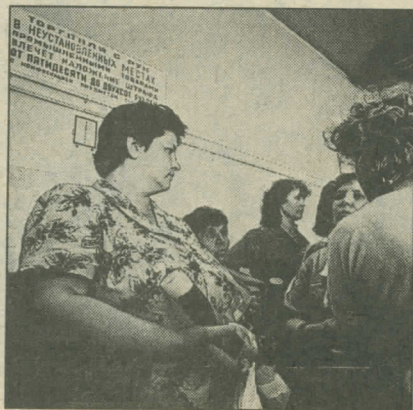

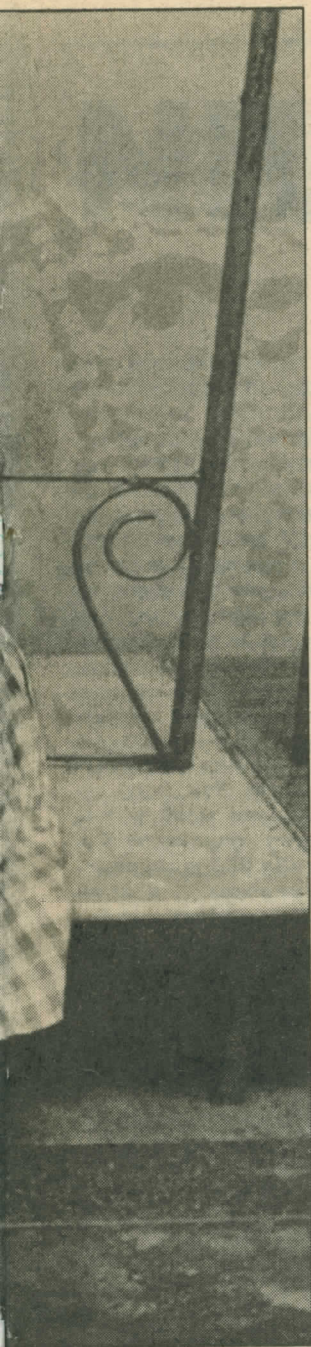

Московский магазин «Детский мир» в последнее время собирает на редкость озабоченных людей. Тот, кто в него еще не вошел, надеется что-нибудь купить своему ребенку.

Кто оказался внутри, не понимает, что происходит: почему, ну почему на прилавках ничего нет? А из того, что осталось, — почему так дорого? Поражены даже дети...

Фотокорреспондент **В.СУВОРОВ** застал в магазине не по-детски встревоженных детей и по-детски растерянных взрослых...

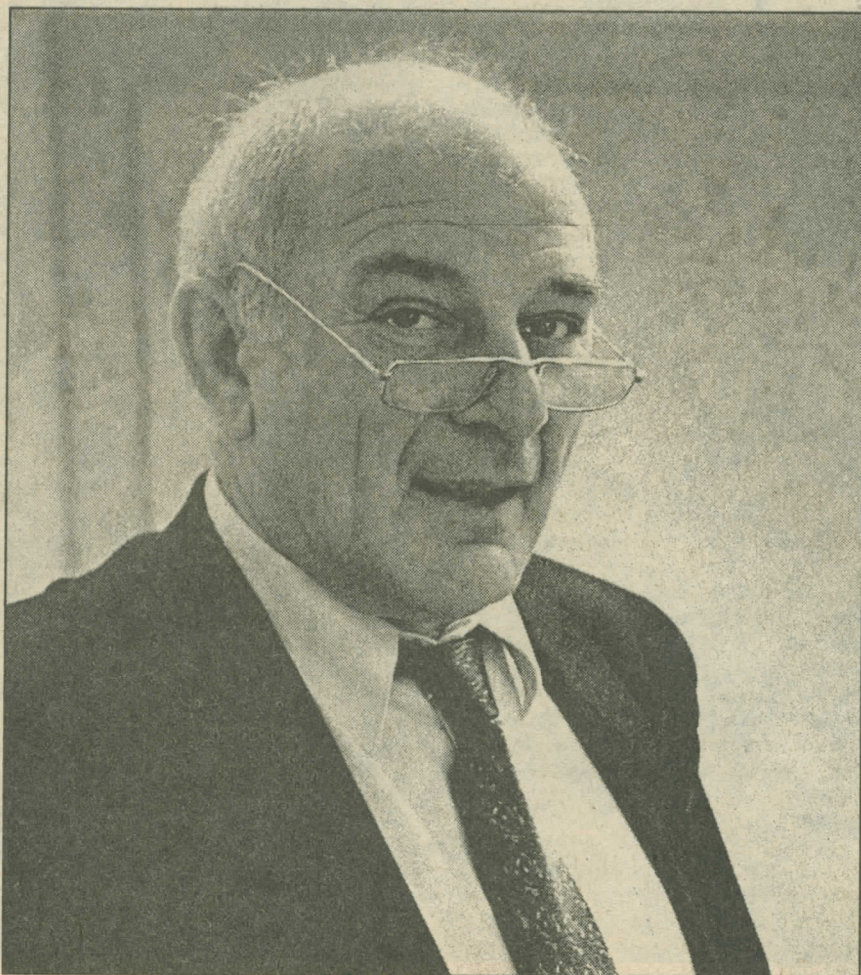
От былого «Детского мира» остались эскалаторы — они еще помнят озорных покупателей. Сейчас самое время технику поремонтировать.

СВОБОДНА ЛИ

На вопросы «Столицы» отвечает директор русской службы радиостанции «Свобода» Владимир МАТУСЕВИЧ.

— Владимир Борисович, расскажите о себе. Как вы попали на радиостанцию? Как вообще оказались на Западе?

— Достаточно давно. Я, как принято говорить, «остался» в Норвегии, когда был там в командировке летом 1968 года. Многих моих знакомых этот шаг удивил. Считалось, что я вполне благополучен, я даже был «выездным», несмотря на беспартийность и изъян в пятом пункте. Изумление достигло такой степе-

пени, что некоторые знакомые объясняли мой внезапный отъезд тем, что я заслан за границу КГБ.

Я принял решение остаться на Западе после первой же зарубежной командировки, когда мне довелось полтора месяца прожить в Дании и Швеции. По образованию я скандинавист, проблем ни с языком, ни с освоением чужих обычаев не было.

— А с работой?

— С работой тоже. Хотя, уезжая, я не рассчитывал въехать в Европу

на белом коне. Я предполагал, что буду мыть посуду или работать на бензоколонке. Но один мой хороший приятель, директор датской кинофирмы, сразу же предложил мне липовую работу консультанта. Посиди, говорит, осмотришься, найди себе хорошее место. У меня была зарплата 1000 крон в месяц — даже по тем временам весьма скромная, но на еду, жилье и одежду хватало. Так что первые три-четыре месяца я ничего не делал, слонялся по Копенгагену, дышал свободой. Жил на спланном канадском речном пароходе, который пригнали в Копенгагенскую гавань и превратили в дешевый отель для молодежи. Это было самое счастливое время моей жизни. Иду по улице, вижу объявление бюро путешествий: «За 350 крон дешевый уик-энд в Лондоне» — и начинаю ликовать. Сама поездка мне была в общем-то не нужна, я был счастлив оттого, что, стоит мне захотеть, и я завтра буду в Лондоне.

— Каким же образом вы спутались с таким «антисоветским центром», как радио «Свобода»?

— В те времена беглецы из СССР были в общем-то редкостью. А я выпускник театроведческого факультета ГИТИСа, полтора года проработал в газете «Советская культура». Пока я болтался в Копенгагене без дела, я получил приглашения от всех вещающих на русском языке радиостанций. Я выбрал «Свободу» по одной простой причине: мне не хотелось уезжать из Копенгагена, а «Свободе» как раз требовался корреспондент по Северной Европе. И вот уже 22 года я тружусь на радиостанции. Сначала в Копенгагене, потом в Мюнхене, затем в Лондоне, потом опять в Мюнхене...

— Менялось ли что-нибудь в деятельности радиостанции за этот период? Менялась ли направленность, тональность передач?

— Разумеется. За исключением нескольких последних лет, мы были практически в полной изоляции от Советского Союза. Получали одно письмо в три месяца, и то это было, как правило, ругательное гэбист-

« СВОБОДА » ?

ское письмо. Мы не знали, кто нас слушает, сколько вообще слушателей...

— А сейчас знаете?

— Более или менее. Будучи киноведом, я ездил на разные международные кинофестивали. Старые знакомые, столкнувшись со мной нос к носу, менялись в лице, старались заскочить за ближайшую же дверь. А если кто-то заговаривал — какой-нибудь Георгий Капралов или Ростислав Юренев, — уже на третьей фразе было ясно, кто дал задание провести со мной разговор и зачем этот разговор нужен.

Мы не чувствовали своей аудитории, и это нас расхолаживало. Была возможность схалтурить, можно было забивать эфир чем угодно. Того чувства ответственности, которое мы испытываем сейчас, зная, что у нас многомиллионная аудитория, не было.

Когда я пришел на радио, я застал среди сотрудников русской службы людей, относившихся еще к первой эмиграции. Это были уже пожилые люди. Виктор Франк, Владимир Варшавский, Гайто Газданов, хотя и были в меньшинстве, влияли на обстановку на станции. Большинство же составляли представители так называемой «второй волны эмиграции», то есть военные и послевоенные эмигранты. Где-то в середине 70-х стали появляться эмигранты «третьей волны», встреченные «второй волной» в штаны. Во многом претензии к ним были справедливы. Наше американское начальство в то время брало на работу по принципу «профессия: русский», а кем был человек в доэмигрантской жизни — бухгалтером, военным или инженером, — их интересовало меньше. Поэтому было взято много случайных, бесталанных людей. Особенно их беспомощность выявили нынешние, перестроечные годы. К счастью, у нас сейчас много и талантливых сотрудников, журналистов божьей милостью.

— Когда началась перестройка и «Свободу» перестали глушить, как на станции отнеслись к этому?

Вы сказали, что появилось чувство ответственности...

— Не то слово. Мы пережили шок. Началась перестройка и у нас. Теперь мы действовали в ряду советских средств массовой информации, и, хотели мы этого или не хотели, начиналась конкуренция. Сейчас считается, что наша слушательская аудитория — самая большая в СССР. А ведь мы никогда не заигрывали с аудиторией, не пытались ее завоевать. Так, как это делает «Голос Америки», вводя молодежные программы с мнимым диск-жокеем, на ломаном русском языке зачитывающим мемуары Майкла Джексона. Мы не опускались до этого уровня.

— Сколько писем сейчас получает радиостанция «Свобода» из Советского Союза?

— Точно не знаю, но думаю, около 60 в неделю. К сожалению, у нас нет элементарной систематизации и изучения входящей почты...

— Не может быть! У вас же мощный исследовательский центр.

— Да, но главным образом он занимается обработкой советской прессы, перехватом и анализом советских радио- и телепрограмм, изучает выступления официальных лиц, сообщения информационных агентств... Это большое подспорье в нашей работе.

— Наш журнал там тоже читают?

— Самым внимательным образом... Возвращаясь к письмам, скажу, что меня радует большое количество писем от молодых радиослушателей — от студентов, работяг из каких-то богом забытых дыр. Они все понимают, рассуждают очень здраво, интересно.

— Можете вы сформулировать, на какого слушателя работает радиостанция?

— Не могу. Мы работаем на все категории населения. Правда, в основном мы делаем политические программы, и если человек абсолютно не интересуется политикой, он вряд ли будет нашим регулярным слушателем. Но таких людей, насколько я знаю, сейчас в Советском Союзе все меньше.

— И все-таки у вас не только голая политика. Много специальных программ по вопросам культуры. Несколько регулярных передач, в которых рассматривается национальный вопрос...

— Когда началась перестройка и гласность, мы забеспокоились. Нам казалось, что советские средства массовой информации наступают нам на пятки. Но сейчас мы успокоились: наиболее болезненные проблемы советские газеты и журналы, и уж тем более телевидение и радио, не поднимают. К ним относятся и межнациональные, и просто национальные проблемы. Что-то пытаются в этом направлении делать еженедельник «Союз», но у него маленький тираж. Центральное телевидение в своих передачах сообщает о событиях в республиках откровенную ложь. Мы же стараемся максимально полно освещать эти события.

Что касается культуры, то мне пришлось в свое время буквально сражаться со многими сотрудниками русской службы, недооценивавшими значение этой тематики. В наших программах по культуре политика существует органично, вне примитивно, плоско понимаемой злобы дня. Это нравится слушателям. И я, например, знаю, что у еженедельной программы «Поверх барьеров» — большая аудитория, и не только в интеллигентской среде.

— У радиостанции «Свобода» есть еще одно достоинство: она позволяет взглянуть на наши события со стороны. Такой взгляд со стороны, не замутненный личными или групповыми пристрастиями, очень полезен... Но вот в последнее время вы стали все шире привлекать к сотрудничеству авторов из Советского Союза. Некоторые программы — как, например, «В стране и мире», «Аспекты» — полностью состоят из сообщений, переданных по телефону разного рода советскими корреспондентами. Конечно, это делает вещание более оперативным. Но нет ли опасности потери того достоин-

ства, о котором я только что сказал? Не боитесь ли вы превратиться в рупор каких-то определенных общественных сил в Союзе?

— Такая опасность существует. Необходимо соблюдать пропорции. Но без помощи десятков наших корреспондентов и авторов из разных концов Советского Союза нам сегодня просто не обойтись. Как правило, мы даем им задание, просим подготовить сообщение на ту или иную тему. Некоторые не оправдали наших надежд, мы перестали с ними сотрудничать, но другие проявили себя как блестящие репортеры. Они участвуют в наших передачах изо дня в день.

— Вы им платите?

— Но вы же в журнале платите гонорар своим авторам. Что ж тут такого?

— Едва ли не каждый час радиостанция «Свобода» напоминает слушателям, что финансируется конгрессом Соединенных Штатов Америки. Насколько я знаю из нашей прессы, в конгрессе, да и в американских средствах информации время от времени всплывает вопрос: а нужна ли в наши дни радиостанция, рассказывающая русским о них самих, если в стране устанавливается свобода слова, возникли новые газеты, журналы, новые радиостанции, наконец. Содержать радиостанцию с круглосуточным вещанием на русском языке (а ведь еще есть вещание и на других языках СССР) — достаточно дорогое удовольствие для американских налогоплательщиков. Вы не боитесь, что вас закроют?

— Такой вопрос мне задают часто. И каждый раз я отвечаю: нет, не боимся. В США никто не обманывается насчет уровня советской гласности. До подлинной свободы слова в СССР еще очень и очень далеко. Если и возникают какие-то сомнения, то в основном они касаются радиостанции «Свободная Европа», вещающей на языках бывших социалистических стран Европы (а теперь еще на языках прибалтийских республик). Но недавно президенты Чехо-Словакии и Польши обратились к американскому конгрессу с просьбой продолжить финансирование «Свободной Европы». Более того: теперь и в Праге, и в Варшаве, и в Софии передачи этой радиостанции ретранслируются местными передатчиками. Буквально на днях состоялось слушание в конгрессе

по поводу финансирования «Свободной Европы» и «Свободы». Никто не усомнился в нужности нашей радиостанции.

— Кстати, полгода назад президент Буш высоко отозвался о деятельности как той, так и другой станции... Получается, что американское руководство тратит большие деньги для того, чтобы способствовать развитию демократии в других странах?

— Получается, так.

— А не является ли подобная деятельность вмешательством во внутренние дела других стран, в частности нашей? Кто в состоянии решить, какие процессы в стране позитивные, а какие нет, для того чтобы поддержать одни и не поддерживать другие? Все это достаточно зыбко...

— С самого начала радио «Свобода» и радио «Свободная Европа» задумывались как суррогат внутренних средств массовой информации (по-английски «суррогат» звучит, в отличие от русского языка, вполне нейтрально). Необходимо иметь в суррогате отпадет, когда появятся полноценные продукты. Повторяю, это дело отдаленного будущего. Даже при благоприятном развитии событий понадобится несколько десятилетий, прежде чем в Советском Союзе восторжествуют цивилизованные демократические нормы.

— Бывает ли, что какие-то устремления сотрудников русской службы вступают в противоречие с задачами, которые перед ними ставит американская администрация?

— Бывает. Но для этого существует редакционный контроль. Право редактора: пустить или не пустить программу в эфир, а если пустить — то что из нее убрать, а что добавить.

— А вам не мешает постоянный контроль со стороны американцев?

— Американцев? Я американский гражданин.

— Я имею в виду редакторский, цензорский контроль.

— Давайте уточним: редакторский или цензорский?

— Хорошо: цензорский.

— Никакой предварительной цензуры у нас нет. Есть только обычный контроль со стороны редактора. Так, сегодня я распорядился, чтобы все материалы об армяно-азербайджанском конфликте перед выходом в эфир обязательно

были прослушаны мной. Сейчас очень взрывоопасный, щепетильный момент, любое неосторожное слово может иметь далеко идущие последствия. И я не хочу, чтобы нас в очередной раз обвинили в том, что мы встали на позицию только одной из враждующих сторон. В данном случае я — высшая инстанция, и никаких других «американцев» не будет.

В отличие от «Голоса Америки» мы не обязаны отражать официальную точку зрения правительства США. В некоторых передачах нам даже доводилось критиковать позицию американской администрации, в частности, когда обсуждался ход войны в Персидском заливе. Но такие случаи редки. Наша основная тема — советские, а не американские проблемы.

— И все-таки, когда в Советском Союзе столь обострена политическая ситуация, когда столь накалено противостояние общественных сил, вы не можете избежать оценок. Наверное, позиция демократов вам все-таки ближе, чем позиция, скажем, Макашова?

— Безусловно.

— Вот и получается, что вы занимаете позицию одной из сторон.

— Я понимаю, куда вы клоните. В русской службе у нас работает достаточно пестрая публика. Например, у нас есть Владимир Малинкович, он делает программу «Барометр». Так вот он — совершенно законченный центрист, скептически относится к так называемым радикальным демократам и все время получает гневные письма от приверженцев Ельцина, Афанасьева, Мурашева. В этих письмах ему разъяряют, что он получает деньги от американского конгресса, а работает на КГБ. Так что у нас плюрализм, как теперь принято говорить.

Конечно, до известных пределов. Если бы в недрах русской службы нашелся человек, который пожелал бы культивировать в передачах «Свободы» национально-патриотические идеи в духе общества «Память», — я своей властью не пущу его в эфир.

— Но вы же предоставляли микрорфон и Полозкову, и руководителям компартий прибалтийских республик...

— Это другое дело. Кстати, список можно было бы продолжить... Мы даем им возможность изложить свою позицию.

— А потом комментируете ее?

— Не обязательно. Когда в программе «В стране и мире» выступают Полозков или Дзасохов, мы комментарии не даем. Но в другой программе можем и дать. Все зависит от жанра, от ведущего. Например, недавно Фатима Салказанова делала интервью с Чеховым, одним из лидеров группы «Союз». Она просто по темпераменту журналист очень агрессивный, буквально вырывает ответы у собеседника, не стесняется тут же продемонстрировать свое отношение.

У меня другой темперамент. Я брал интервью у З.Гамсахурдиа, пытаясь всячески продемонстрировать свое почтение, и не моя вина, что в этом интервью Гамсахурдиа не совсем хорошо выглядел. Так уж он раскрылся.

Вряд ли у кого-то могут быть сомнения, что мы не испытываем симпатии ни к Полозкову, ни к Петрушенко, ни к Алкснису, ни к Шведу. Но их тем не менее хлебом не корми — дай выступить на «Свободе». То же относится и к национал-патриотическим писателям: сколько мы их ни ругаем, они продолжают домогаться микрофона радио «Свобода».

— Суммируя, скажу так: несмотря на то что «Свобода» стремится сохранить объективность, своя позиция у радиостанции все-таки есть...

— Конечно, есть. Вот вы спрашивали об американском контроле. Мы финансируемся конгрессом США, и было бы странно, если бы распространяли в эфире идеи, которые бы противоречили духу и букве Конституции США, основополагающим принципам американской внешней и внутренней политики, самой системе ценностей, принятой в демократическом государстве. Если бы я, допустим, был ортодоксальным коммунистом и в качестве кумиров почитал Полозкова и Нину Андрееву, я, по всей видимости, не смог бы работать в этом учреждении. Но я не чувствую никаких внутренних ограничений, потому что мои внутренние убеждения совпадают с теми основополагающими принципами, о которых я только что сказал. Уверен, что абсолютное большинство сотрудников русской службы радио «Свобода» могут сказать о себе то же самое.

Мюнхен

Андрей МАЛЬГИН

Фото В.АХЛОМОВА

АККРЕДИТОВАННЫ В МОСКВЕ

Мы попросили иностранных корреспондентов, аккредитованных в Москве, ответить на наши вопросы:

1. Полностью ли удовлетворяет Вас информация из пресс-центра МИД СССР за последние месяцы?
  2. Пользуетесь ли Вы в своей работе сводками МВД СССР?
  3. Что, по Вашему мнению, происходит сегодня в советской прессе: подлинная свобода слова или очередной этап пропаганды?
  4. Приходилось ли Вам в Советском Союзе сталкиваться с ситуацией, когда в обмен на информацию с Вас требовали деньги?
  5. Ваша оценка Горбачева-политика на сегодняшний день.
- Не считаете ли Вы, что в советском обществе переоценивают Ельцина как личность?

Джон ЛЛОЙД, корреспондент «Файнэншл таймс» (Великобритания)

1. Нет, не удовлетворяет. МИД стал лучше информировать нас, но информация все еще, как правило, не полная. Когда в пресс-центр МИД приходит какой-нибудь министр или помощник Президента, это бывает полезно. Например, из встречи с Георгием Шахназаровым мы узнали много нового о процессе подготовки Союзного договора.

2. Нет, никогда.

3. Это трудный вопрос. Я думаю, в советской прессе присутствуют обе тенденции. Новая независимая пресса в целом очень хорошая; некоторые государственные издания тоже неплохие («Комсомольская правда», «Известия»); и даже традиционно консервативную прессу, в частности «Советскую Россию», интересно читать.

4. Нет, никогда.

5. Ясно, что Горбачев вновь вернулся к радикально настроенным сторонникам свободного рынка. Похоже, он поверил, что Запад готов протянуть ему руку помощи. Но пока остается совершенно неясным, насколько далеко союзное правительство продвинется в направлении радикальных реформ, которые обеспечили бы содействие Запада и приток капиталовложений. Однако реальная возможность такого развития событий существует.

Что касается Ельцина, то, думаю, его значение не в его личности, а в том, что он сделал. Он добился первых демократических выборов в России: это событие величайшего значения.

Роберт ЭВАНС, шеф-корреспондент агентства «Рейтер» (США)

1. Я — ветеран по стажу пребывания в Москве. Работал здесь в 60-х, 80-х годах. Никакого сравнения: вчерашний МИД и теперешний. Тогда мы, иностранные журналисты, попадали в это учреждение, лишь если нас собирались попрекнуть за что-то. Я работал и в других странах и могу констатировать: деятельность пресс-центра МИД — на нормальном уровне. Хотя полностью, естественно, никого удовлетворить информация подобного рода не может. Секреты столь высокого ведомства, разумеется, существуют и сегодня.

2. К сожалению, наши возможности в Москве ограничены. Просто не хватает людей. Если в Вашингтоне у нас работают 30 человек, то жизнь Советского Союза стараются осветить всего 6 корреспондентов. Приходится более серьезно заниматься расстановкой сил. В последнее время мы стали меньше ходить в МВД СССР. Там обсуждается в основном внутриведомственная тематика, для ежедневной корреспонденции она не годится. Раньше же контакта с МВД не было вообще, как и пресс-центра, и любые наши вопросы к этому ведомству воспринимались как провокация.

3. Ваше продвижение на пути к свободе слова очевидно. Целая гамма мнений, взглядов, позиций в печати: от «Собеседника» до «Домостроя». И я совершенно не считаю, что это — «особая» какая-то пропаганда.

4. Да, сталкиваться приходилось. В армии, например. Когда наш корреспондент был в одной из южных республик, беседовал с военнослужащими, и потом мы получили письмо от высокопоставленного офицера, который требовал вознаграждение за сообщенные им сведения. Но мы за информацию не платим, это не принято. И еще я знаю из разговоров с коллегами, иностранными корреспондентами в Москве, что такие ситуации в Союзе довольно распространены. Даже в среде нынешних демократически настроенных политических деятелей. Но если бы мы попросили интервью у политика любого ранга и он согласился бы лишь при условии оплаты — нам пришлось бы отказаться от встречи с ним. Лично же я некоторое время общался с одним комментатором

советской прессы. Мы встречались за обедом, и в дальнейшем я пользовался его информацией в своих корреспонденциях. И вот однажды он заявляет, что завел такую практику: «кто со мной говорит, тот мне что-то за это приносит». Что ж, не будет больше этих обедов, которые, кстати, за мой же счет происходили.

5. По нашим правилам — высказываться публично о политике в той стране, где мы работаем, не принято. Но, если коротко, попробую.

Горбачев — по всем мировым стандартам — выдающийся политик. Он доказал, что умеет уцелеть в очень бурном море. Пока корабль он вел умело.

Ельцин также доказал, что он — личность в политике. Был в верхах власти, его оттуда вышвырнули, он собрал силы и добился-таки, что на сегодня он — фигура номер два в вашей стране.

Сумикава ХАРУХИТО, шеф-корреспондент газеты «Асахи» (Япония)

1. Информация из пресс-центра МИД СССР за последние месяцы удовлетворяет не полностью.

2. Сводками МВД СССР в работе не пользуемся. Обращаясь в это ведомство, мы никогда не получаем ответы на наши вопросы. Так, например, не могли получить разъяснений по событиям в Геташене, на армяно-азербайджанской границе.

3. Достаточно много и свободы слова, и пропаганды. Часто материалы написаны непрофессионально. Информация запаздывает.

4. За интервью часто требуют оплаты.

5. В общем, Горбачев хороший политик. Причины сверхпопулярности Ельцина в советском обществе мне хорошо понятны.

Леон БУЙКО, корреспондент «Газеты выборче» (Польша)

1,2. Никогда пресс-центры государственных институтов не служили для корреспондента источником информации. Их задача — направлять информацию в нужном русле. Я был бы плохим журналистом, если бы пользовался только сообщениями пресс-центров МИД и МВД. Бываю там не слишком часто, считаю, эти учреждения работают, как и прежде.

3. У вас сегодня идет процесс ос-

вобождения слова. Качество этого освобождения в разных изданиях несоизмеримо: например «Советская Россия» и «Независимая газета». Вспоминаю наше военное положение, вспоминаю глоток свободы в Польше в 1981 году. Московские журналисты очень напоминают сегодня варшавских коллег того времени. Схожие реакции творческой интеллигенции на происходящие события. После введения военного положения в Польше польские артисты бойкотировали телевидение. Ваш процесс освобождения будет развиваться далее, если, конечно, вдруг все не повернется назад...

4. Нет.

5. Нет сомнения, что Горбачев — действительно крупный политик. Хотя, конечно, о политических качествах должны свидетельствовать реальные результаты. Но, если за 6 лет перестройки он устоял в очень трудных условиях, это говорит о нем как о талантливом тактике, умелом игроке. А станет ли он государственным деятелем масштаба, скажем, Бисмарка, Талейрана, покажет время. Надежда есть. Потому что есть у Горбачева способность лавировать, менять курс. Правда, пока направление его как политика скорее социалистическое-коммунистическое. Он больше Генсек, чем Президент страны.

Я воздержался бы от оценки Ельцина. Он только начинает. Ему все время приходится бороться, возможности его пока ограничены.

Тан СЮДЖЕ, шеф-корреспондент агентства «Синьхуа» (КНР)

1. В основном удовлетворяет.

2. Иногда пользуемся.

3. В мире вообще не существует «подлинной свободы слова».

4. Нет.

5. -.-

АМНИСТИЯ «МЕЖДУНАРОДНОЙ АМНИСТИИ»

Эта женщина — Марджори Фаркухарсон, — наверное, с другой планеты. И настолько, насколько хорошо она говорит по-русски, настолько она ничего, кажется, здесь не понимает. Марджори — представитель «Международной амнистии» («МА») в СССР. И раз она здесь, значит, хоть немного, но верит в возможность торжества прав каждого отдельно взятого человека в этой изнасилованной стране. По принципу: «Верую, ибо абсурдно»?

До перестройки «МА» была в самых черных списках у советского режима. Даже робкие мечты об уважении к правам человека сбивали ритм марширующей в светлое будущее страны.

Но настали иные времена, и в январе 1990 года «МА» просит у советской стороны разрешения на открытие постоянного представительства в СССР. Не прошло и года — и в 1991-м Марджори уже в Москве. В апреле она получает статус представителя «МА». Но офиса ей не дают, счета в банке — нет. Краснопресненский райисполком, правда, обещает выделить помещение под представительство на улице Герцена — бесплатно. Но на уровне властей более высоких еще не решили, как рассматривать представительство: то ли как информационное бюро, то ли еще как. Хотя в ООН «МА» входит в группу неправительственных организаций с консультативным статусом.

Так что же такое «Эмнисти» и почему ее боялись и продолжают бояться? Эта независимая общественная организация насчитывает более миллиона членов по всему миру. Существует только на добровольные пожертвования, в том числе и от организаций, но из их отчислений фор-

мируется не более 2% бюджета — чтобы не потерять независимость.

Главная задача «МА» — утверждение международно признанных прав человека во всем мире. Основные методы работы — проведение международных кампаний, подготовка докладов. «Мы свято верим, что у человека нельзя отнимать его права в качестве наказания за плохое поведение, — говорит Марджори. — Поэтому мы против смертной казни. Увы, 30-летний юбилей нашей организации, который мы отмечаем в этом году, — грустная дата: два из каждых трех жителей земли живут

в странах, где правительства пытаются и применяют смертную казнь».

Если взять даже такие страны, как США и Великобритания, то придется признать, что до полного соблюдения прав человека там пока далеко, хотя законы и соответствуют международным стандартам. Или вот демократическая Австрия — в течение последних лет здесь были многочисленные случаи пыток электрошоком в полицейских участках. И лишь в результате доклада «МА» правительство страны приняло соответствующие поправки к закону.

Фото Э. Кудрявицкого

Парадоксально, но сегодня именно КПСС, как никто в нашей стране, должна быть заинтересована в «МА». У «Международной амнистии» нет идеологии, она готова защищать любого, чьи права нарушены. А судя по коммунистической прессе, носители «самой передовой идеологии» весьма обеспокоены судьбой своих единомышленников из восточноевропейских стран — значит, и своей судьбой. Тем более в практике «МА» есть такой опыт: дело было еще до перестройки, пришлось вступить за Кима Давлетова, который оказался в психушке за желание уехать в просталинистскую тогда Албанию. И турецкие коммунисты должны быть благодарны «МА» за защиту своих прав.

Не во всем устраивает «Эмнисти» и некоторых противников коммунизма. К примеру, А.Солженицын критикует ее за то, что она занимается частными случаями, в то время когда нарушаются права каждого советского заключенного. А вот что думает об этом Марджори: «Мы боремся за совершенствование и изменение законодательства, в том числе за улучшение содержания заключенных до и после суда. Для того же, чтобы составить целостное представление о положении дел, нам необходимо помнить о страданиях каждого человека. При этом мы — в соответствии с принципами ООН — заботимся о том, чтобы под нашей защитой не оказался человек, который призывал или прибегал к насилию. Согласно нашим стандартам, узниками совести являются те, кто подвергается преследованию за свои убеждения, не совершив никаких актов насилия».

В настоящее время в списках «МА» — около 30 узников совести в СССР. Основными причинами преследований остаются отказ служить в армии по своим убеждениям, участие в митингах и демонстрациях, распространение печатных изданий. Правда, в последние годы длительные сроки тюремного заключения за два последних «нарушения» были заменены на пятнадцать суток. И, как ни странно, это в какой-то степени огорчило работников «Эмнисти»: меньше осталось времени на защиту этих людей.

Кто-нибудь ухмыльнется: «Нам бы их заботы». Вот-вот, если б не каждый, а хотя бы каждый десятый озаботился своими собственными правами, а не ждал защиты от миро-

вого сообщества... Но пока этим почему-то гораздо больше обеспокоены где-то в Женеве и Лондоне — и какие-то чужие дяди и тети собирают деньги, протестуют, выступают за те самые права советского человека, которые самому ему до лампочки.

Если кто скажет, что это не так, то вот вам пример: СССР входит в позорную пятерку по количеству смертных казней вместе с такими странами, как Китай и Иран. А советская общественность не только не колышется, но нет-нет да и выступит с требованиями «ужесточить», «изолировать», «стерилизовать», «принять меры» и так далее. Подтверждение тому — опросы мнения этой самой общественности. Мало ей гулагов. И получается, что «МА» защищает советского человека от советской общественности, частью которой он является.

«Люди здесь пока не определились, к каким стандартам они стремятся, — считает Марджори, — стандартам ООН или каким-то новым, особенным. Они еще не осознали универсальности тех международно признанных норм, которые в той или иной степени приняты во всем мире. Конечно, эти стандарты — лишь основополагающий минимум, и каждая страна может внести что-то свое. Но жаль, что многие советские законодатели, вместо того чтобы изучить документы ООН по правам человека, пытаются изобретать велосипед».

Те, кто сомневается в необходимости открыть наше бюро в Москве, забывают еще и о том, что Советский Союз имеет большое влияние в разных частях мира. И если советские парламентарии, например, ознакомившись с нашими материалами, выступят в защиту узников совести на Кубе или во Вьетнаме, то правительства этих стран могут их послушать».

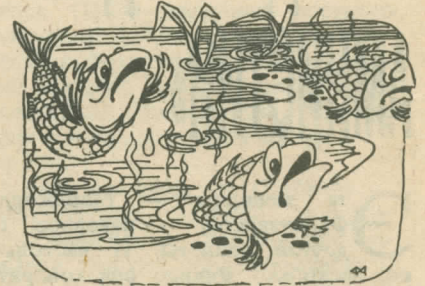
«Эмнисти» уже сегодня готова открыть в своем офисе магазин с соответствующей литературой, куда мог бы заглянуть и депутат, и журналист, и любой человек, озабоченный несоблюдением своих основополагающих прав. Будем надеяться, что хотя бы к международной конференции по правам человека, которая должна открыться в Москве в сентябре этого года, «МА» получит столичную прописку.

Виталий ЕРЕНКОВ

Омская область:

Это была хорошая рыба

На озере Ик, принадлежащем рыбозаводу села Крутинка, случилась загадка природы: стадо карпов, 220 рыб почти по два килограмма каждая, выбросилось на берег и погибло.

Причин, из-за которых первоклассный карп гниет сейчас на берегу, очень много. Конечно же, главная — в экологической обстановке. Дно озера настолько загрязнено разлагающимися отходами, что рыбе просто не хватает кислорода: он весь участвует в гнилостных реакциях.

Эльза КЕПОЛАС

Усть-Каменогорск: Мятажный...

Трагически закончилось увольнение работника треста «Востокмелиорация» Чемрова, который систематически прогуливал, скандалил с руководством и появлялся на работе пьяным.

Знакомство с приказом произошло у опального Чемрова в нетрезвом виде. Недолго думая, он взобрался на трубу котельной и прыгнул с тридцатиметровой высоты.

Администрация треста снимает с себя всяческую ответственность за случившееся.

Валерий НИКОЛАЕВ

Осколки собирала
Елена АВЕРИНА
Наш телефон: 928-70-79

ДАЙДЖЕСТ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЫ

РЕСТОРАН ЛЮДОЕДА

Говорят, что черный юмор не знает пределов. Но иногда бывает, что он выходит за рамки разумного. Тому пример Иссеи Сегавы. Фамилия этого скандально известного японца, который в 1981 году убил, а затем съел студентку из Голландии, снова появилась недавно в газетных публикациях и телепередачах, точнее, в рекламе... мясных продуктов. У бывшего студента-медика, похоже, снова появилось аппетит, и он не собирается его скрывать, повторяя с экрана: «Мясо — это хорошо!»

В одном из интервью, вызывающем и циничном, «японский каннибал» (как его окрестили журналисты) вновь заявил, что он был вынужден тогда поддаться природному инстинкту и попробовать человечины. Отсидев в свое время лишь несколько месяцев в тюрьме за это уникальное преступление, Сегавы решил заняться сочинительством. Книга, где он с ужасными подробностями описывает свою жуткую трапезу, разошлась 300-тысячным тиражом. В последнее время его все чаще стали приглашать высказать свое мнение всякий раз, когда где-нибудь совершается необычное убийство. Отвечая в интервью на вопрос о своих планах, любитель хорошего мяса вполне серьезно заявил, что если бы он умел готовить, то открыл бы гриль-бар и назвал бы его «Рене», в честь своей жертвы. Неизвестно, правда, как бы отнеслись к его блюдам посетители...

«Вуаси» (Франция)

РЕАБИЛИТИРОВАННЫЙ СТРАУС

«От страха спрятал, как страус, голову в песок».

Кому из нас не доводилось слышать эту фразу. Однако владелец одной из австралийских ферм по разведению страусов Аллан Пэлло в результате многолетних наблюдений пришел к заключению, что утверждение о трусливости его быстроногих подопечных несправедливо.

Вместе со специально приглашенными зоологами он отснял множество кадров, на которых отчетливо видно, что эти крупные птицы часто опускают голову до уровня земли, однако не зарывают ее в песок, как гласит народное поверье.

Исследователи пытались даже погрузить голову страуса в песок насильно, но он тут же начинал задыхаться. Вместе с учеными-зоологами Пэлло пришел к выводу, что страусы часто опускают голову для того, чтобы дать отдохнуть мышцам своей длинной шеи. Существует также предположение, что иногда страус кладет голову на землю, чтобы услышать, есть ли за ним погоня.

Во всяком случае, результаты наблюдений и исследований дают основание утверждать, что легенда о трусливости этих крупных и сильных птиц — явная напраслина.

«Наша страна» (Израиль)

ПЕЙТЕ, ЖЕНЩИНЫ, КУМЫС, БУДЕТЕ КРАСИВЫ

Коровье молоко нынче не в моде. Последним новшеством стал кумыс. Этот натуральный продукт, который называют теперь напитком жизни, судя по всему, обладает и лечебными свойствами. Молоко берут, когда кобыла кормит своего жеребенка, потом его перерабатывают. В СССР и Германии он уже употреблялся при лечении гастритов, кожных заболеваний и др. По-видимому, очень полезен он и как косметическое средство.

«Ренуво» (Тунис)

СЕКСУАЛЬНАЯ ПАРТИЗАНЩИНА

По сообщениям китайской прессы, в провинции Сычуань — одной из наиболее густо заселенных территорий Китая — несколько супружеских пар, уже имеющих по одному ребенку, отказались прервать вторую беременность.

Таким образом, они нарушили закон

о планировании семьи, по которому счастье иметь второго ребенка оставлено только для сельских жителей и национальных меньшинств.

Местные власти вынесли решение выпороть упрямцев — девяти мужчинам спустили брюки и отсчитали столько ударов, сколько дней продолжалась беременность. В результате все они изменили свою точку зрения на прекращение беременности. В печати этот инцидент был охарактеризован как «полная победа над упорствующими элементами».

В стране, где наличие потомства (особенно мужского) всегда рассматривалось как благословение неба, введенный в 1980 году закон «один ребенок на одну семью» постоянно нарушается. Некая пара, желающая расплодиться сверх допустимой меры, семь лет укрывалась в хлеву. Через какое-то время к ним присоединились еще двенадцать семей. Всего было рождено 19 детей. Эта деятельность, получившая в прессе название «нелегальная родильная партизанщина», была в конце концов раскрыта, «партизанов» выгнали, а хлев сровняли с землей.

«Газета выборча» (Польша)

ВЗРЫВ В КОМЕТЕ ГАЛЛЕЯ

Комета Галлея вновь заставила заговорить о себе: на полпути от Сатурна к Урану в ней произошел взрыв такой силы, какого астрономам до сих пор наблюдать не приходилось; причины взрыва неизвестны. Ожидается, что «снежный ком» из пыли и льда приблизится к Земле в 2064—2065 годах.

«Берлинер курьер ам абенд» (ФРГ)

**Винница:
Из медали дом не
построишь**

Семнадцать «афганцев», работающих на винницком заводе «Кристалл», сдали свои воинские книжки, а также ордена и медали в облисполком. Причиной этого акта протеста стал самый болезненный во всех городах и во всях страны жилищный вопрос. Винничким «афганцам» упорно не дают квартир, некоторые стоят в очереди уже десять-одиннадцать лет. Интернационалистов стараются не брать на работу из-за того, что в этом случае их надо ставить в льготную очередь на квартиру и давать ее в течение двух-трех лет. Если же «афганцу» и не отказывают в месте, то часто при условии, что он не будет настаивать на квартирных льготах.

Униженные и оскорбленные, ветераны войны в Афганистане давно хотели сложить из своих регалий большую кучу в центре города, однако сделали это не совсем публично и «ограниченным контингентом». В результате акт не вызвал никакого резонанса: председатель «ветеранской» комиссии облисполкома генерал Юрьев сделал вид, что находится в шоке, и не вымолвил ни слова. И уж, конечно, ключей от квартир ребятам никто не вручил.

Виктор ГНЕННЫЙ

Караганда:

**Агента в кровать
вызывали?**

Работникам одной из нелегальных спецслужб города, как видно, близок сердцу моральный Кодекс строителя коммунизма. Спецслужба успешно борется с супружеской неверностью. Делается это так: агент выслеживает легкомысленную супругу или блудного мужа и сообщает клиенту адрес, по которому происходит измена. И можно, как говорится, брать с поличным.

Кроме того, по желанию заказчика спецслужба готова подослать к его «половине» искусителя или искусительницу, которые «прозондируют» объект на готовность к измене. Причем финал удачного искушения

обязательно записывается на видеопленку.

Что ж, ревнивые супруги имеют право знать, с кем они связали судьбу. И успеть внести коррективы.

Валерий РУДАКОВ

**Москва:
Фермер-террорист**

Бывалый наш народ давно пытается решить продовольственную программу своими силами, используя для этого все благоприятные и неблагоприятные условия.

Жильцов кооперативного дома по улице Матвеевской замучал характерный сельскохозяйственный запах и дробный топот чьих-то копыт, доносящиеся из одной квартиры. Сопоставив амбре и топот, жильцы, имеющие кое-какие познания в зоологии, пришли к выводу, что в доме проживает козел, но решили уточнить это у хозяина квартиры. Хозяин смутился и сказал, что держит не козла, а козленка, которого каждый день моет шампунем и вычесывает, а запах, распространившийся по всей лестничной площадке, а также на пару этажей ниже и выше — от многочисленных цыплят. Весь этот молодняк «фермер» для надежности выращивает у себя дома, а потом отвозит на дачу.

Е.А.

**Ленинград:
Они хотят разрешить
наркотики**

Многострадальная наша страна, помимо всяческих проблем, страдает такой социальной болезнью, как наркомания. Полумиллиону человек в возрасте от 14 до 17 лет можно поставить такой диагноз, а пять миллионов назвать «пробовальщиками». По стране около 15 миллионов человек так или иначе причастны к наркотикам. Данные эти неполные. «Запретительные» же методы борьбы с наркоманией пока к ощутимым результатам не привели.

Но вот недавно в городе на Неве была создана, разумеется, нигде не зарегистрированная молодежная организация «За немедленную легализацию!» («ЗНЛ»). Цель ее — «кардинально изменить в сторону гуманизации всесоюзную наркополитику, координировать борьбу за права наркоманов вплоть до полной легализации наркотиков» (впрочем, наркотики употреблять организация не призывает). «ЗНЛ» поддерживают крупнейшие западные организации, считающие легализацию наркотиков единственным путем решения проблемы. Представители «ЗНЛ» стали даже членами-координаторами этих организаций в СССР.

И вот незарегистрированная и до поры не афишировавшая свою деятельность «ЗНЛ» вышла из подполья и даже открыла штаб-квартиру по ул. Ильюшина, дом 11, кв. 344. Теперь «ЗНЛ» смело заявляет о готовности заниматься защитой наркоманов «на международном уровне»; собирать средства на реабилитационные центры для наркоманов, помогать им юридически, т.к. наркоманы, с точки зрения государства, преступники и отщепенцы.

«За немедленную легализацию!» зовет под свои знамена всех — неважно, наркоман ты или нет — приложить свои силы и энергию для изменения наркополитики в СССР, но предупреждает, что защищать в случае чего она будет только своих членов.

Дмитрий ЗАЕР

Осколки собирала Елена АВЕРИНА

Наш телефон: 928-70-79

Рисовал К. Рыбалко

Виталий ЕРЕНКОВ

Фото В. Ахломова

БЕДНЫЕ ОНИ ИЛИ БОГАТЫЕ?

Что ощущает человек, который впервые просыпается в незнакомом городе? Да еще таком, как Лондон! Восторг от сознания того, что сбылась давнишняя мечта? Легкую истому в предвкушении удовольствий и развлечений? Праведный трепет перед древней столицей великого государства, городом богатой культуры и свято чтимых традиций? Не знаю, быть может, есть на свете такие счастливицы. Мою же голову свербила одна противная мысль, что я забыл в Москве зубную щетку, а потому надо срочно бежать и покупать новую.

Тогда, утром, я еще не знал, что это обычное в общем-то дело закончится легким шоком. Лондон — по меткому выражению А.Пушкина — город «щепетильный», т.е. галантерейный, и щеток там, конечно же, навалом. Но вот цены! Моя забывчивость обошлась мне всего-то в одиннадцать рублей, или 1 фунт 10 пенсов. (Эти фунты я купил у советского государства еще по старому курсу.) Итак, первое мое впечатление от Лондона — это город дорогой.

Вообще советского человека довольно легко вычислить в западном магазине. Он не просто выбирает вещь, он все тут же переводит в рубли; лицо приобретает зеленый оттенок и становится похожим на экран суперкомпьютера, производящего миллионы операций в секунду. И рассуждает он приблизительно так: «Щетка, однако, хорошая — лучше, чем совковая за 30 коп., но не 11 же рублей она стоит! Так, а если взять по «черному», то получается...» От такой арифметики становится не по себе. Особенно если учесть, что дешевле фунта там почти ничего нет. Только чашка кофе, газета и пачка жвачки.

Поскольку мы, советские, и дня не можем прожить, чтобы не заглянуть в чей-нибудь карман, позволю себе изучить содержание бумажника среднего жителя Лондона. Предупреждаю, что пользуюсь в основном плодами собственных изысканий, а не официальной статистикой. Итак, этот самый средний лондонец получает ежемесячно — после выплаты налогов — чистыми около 600 фунтов стерлингов (приблизительно 1100 американс-

ких долларов). Комната дешевле 200 фунтов в месяц — сказочная редкость; квартиры — еще дороже. На городской транспорт уходит полсотни. Кружка пива в пабе — фунт, обед в обычном кафе — 5—7 фунтов. Билет в кино — 4—8 фунтов, а в театр может стоить и 30, и 50. Ручка, карандаш, кусок мыла — все около фунта или дороже. Прощайнуться на уик-энд в Шотландию — можно разориться; транспорт и гостиницы недешевы. А если добавить коммунальные услуги: многие выключают электрообогреватели

именно на ночь, потому что цена на электричество в ночное время баснословная. Однако англичане — народ закаленный, крепкий, поэтому простужаются не чаще, чем мы в своих теплых квартирах. Кстати, центральной системы отопления там вообще нет. А один знакомый англичанин, переживший у нас зиму, назвал московскую систему отопления «восьмым чудом света». Я с ним согласился, и не только из патристических соображений.

Жонглируя в уме всеми этими цифрами, я стал приходить к пара-

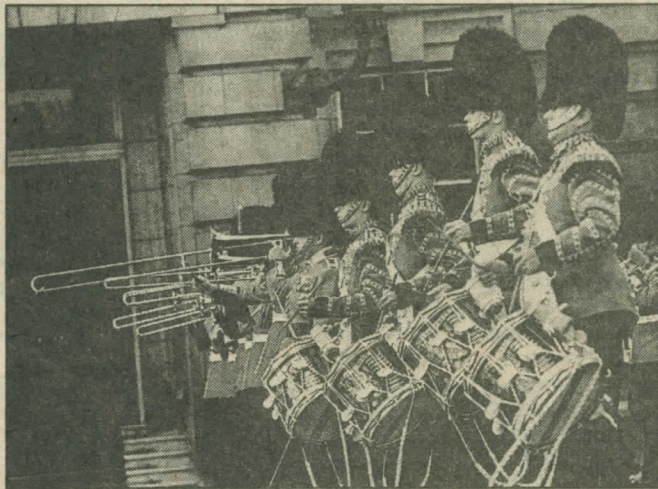
доксальному для себя выводу: не так уж и богато они живут. Есть все — и бананы, и ананасы, и, конечно же, колбаса — но цены... Так богатые они или нет? Если зайти в магазин или взглянуть на сытые холеные лица вокруг — все вопиет: «Да!» Ежели посмотреть на гардероб лондонца среднего достатка, то поражает скудность его содержимого. Пара обуви на все случаи жизни, джинсы, пара свитеров, рубашек (или платьев), ну и так далее. Сами они говорят, что купить новую вещь — дорого, сразу же возникает дис-

баланс в четко расписанном семейном бюджете. Правда, в отличие от советского человека, гардероб которого порой напоминает склад магазина готовой одежды, англичане могут найти в продаже все, что им нужно в любой момент, — были бы деньги.

И все-таки — бедные они или богатые? В поисках ответа на этот почти шекспировский по драматизму вопрос я разговорился со знакомым бизнесменом из Швейцарии. К моему удивлению и отчасти радости, он воскликнул: «Англия — это бед-

ная страна, — но тут же пояснил, — если сравнивать с другими западными странами. И все оттого, что у них сильны традиции социализма». Так вот в чем дело! И тут во всем виноват этот социализм.

Кстати, в какой-то мере именно расхожестью социалистических настроений на Британских островах объясняется «взлет и падение» Маргарет Тэтчер. Как ни странно, но, по-моему, она была самым небританским премьер-министром этой страны. Она ввергла страну, где так сильны антикапиталистические нас-

троения, в пучину капиталистического предпринимательства в формах, наиболее приближенных к классическим.

В стране, где десятилетиями царил бесплатная общественная медицина, стали появляться частные клиники, удивительно напоминающие по своей сути наши медицинские кооперативы. И уж совсем ни в какие ворота не лезет тот факт, что эмиграция врачей — одна из серьезных проблем в Великобритании. Уезжают они все в те же Штаты, где заработки гораздо выше, чем в Англии.

Вообще-то в этой стране так уж повелось: пришли лейбористы — начинается огосударствление (социализация), пришли консерваторы — все передают назад в частные руки. Прямо как в пинг-понге, который, кстати, придумали англичане: только роль шарика выполняет, пользуясь советской терминологией, народное хозяйство.

Все общественное, как правило, не очень качественно, но зато дешево или даже бесплатно; все частное эффективно и качественно, но очень дорого.

Лейбористы приходят к власти обычно тогда, когда в экономике начинаются кризисные явления, когда чисто капиталистический рынок не может решить своих собственных проблем. Недовольные консерваторами избиратели отдадут голоса лейбористам, а те, в свою очередь, выкупают целые отрасли в собственность государства, которое берет их спасение на свои плечи. Экономика становится в значительной степени плановой. Таким образом удается избежать банкротств и краха, пожертвовав, правда, качеством. Когда же консерваторы, убедившие избирателя, что пора кончать с социалистическими экспериментами, вновь приходят к власти, все возвращается на круги своя. Наступает очевидная эпоха торжества частнособственнических отношений. А затем история повторяется. Это, собственно, и есть двухпартийная система в действии.

Однако вернемся к Лондону.

ВСЕГО ОДИН СКАНДАЛ И НИ ОДНОГО ВОЕННОГО

Если сравнить британскую столицу с нашей златоголовой, то мне как москвичу было непривычно

прежде всего полное отсутствие какой бы то ни было агрессивности. Когда вы гуляете по вечернему Лондону, то совершенно излишне, заметив идущих вам навстречу подростков, пытаться обойти их или держать палец на колпачке газового баллончика. Ни испещренные заклепками кожаные куртки, ни крашенные гребни, ни изодранные в лохмотья джинсы не означают никакой воинственности. Это все стиль, поза, если хотите, возможно, способ защититься и отгородиться от мира, но никак не проявление агрессивности. Вечером весь центр города буквально оккупирован молодежью. Ребята тусуются у кинотеатров, дискотек, клубов — и никаких драк, никаких конфликтов с полицией.

Кстати, о полиции и вообще о людях в форме. Думаю, что степень «свободности» того или иного общества можно измерять в количестве униформ на душу населения. Мои английские друзья, объездившие пол-Европы и оказавшиеся наконец в Москве, были до глубины души потрясены, когда увидели среди зрителей, пришедших в театр на балет, людей в военной форме. Тогда только я вспомнил, что ни разу не видел ни в Лондоне, ни в других британских городах ни одного военного. Мне сказали, что в районе военных баз это еще возможно и что ходить в форме в театр, по городу да вообще за пределами воинской части в мирное время — это абсурд, маразм, гибрид слона и жирафа, этого просто не может быть! «Может!» — отвечаем мы...

За два месяца своего пребывания в Лондоне я видел всего один скандал. Два черных парня — рослых и плечистых — сделали замечание двум панкующим английским подросткам, которые курили в вагоне метро. Те бросили дымить и принялись задираться. Черные ребята с достоинством джентльменов сносили отборную ругань, обрушившуюся на них. Никто из пассажиров не ввязывался в конфликт. Европа все-таки. Однако когда в поток брани стали проникать расистские нотки, дескать, «кто вы тут такие — без году неделя — указывать, что я могу делать в своем метро», вагон «взорвался»: несколько крепких мужиков пообещали выставить мальчиков, если они сейчас же не прекратят галдеж. Это не означает, конечно, что в Англии нет расистов, но там есть и те, кто готов дать им отпор.

ГОРОД МОЛОДЕЖИ И БЕЗДОМНЫХ

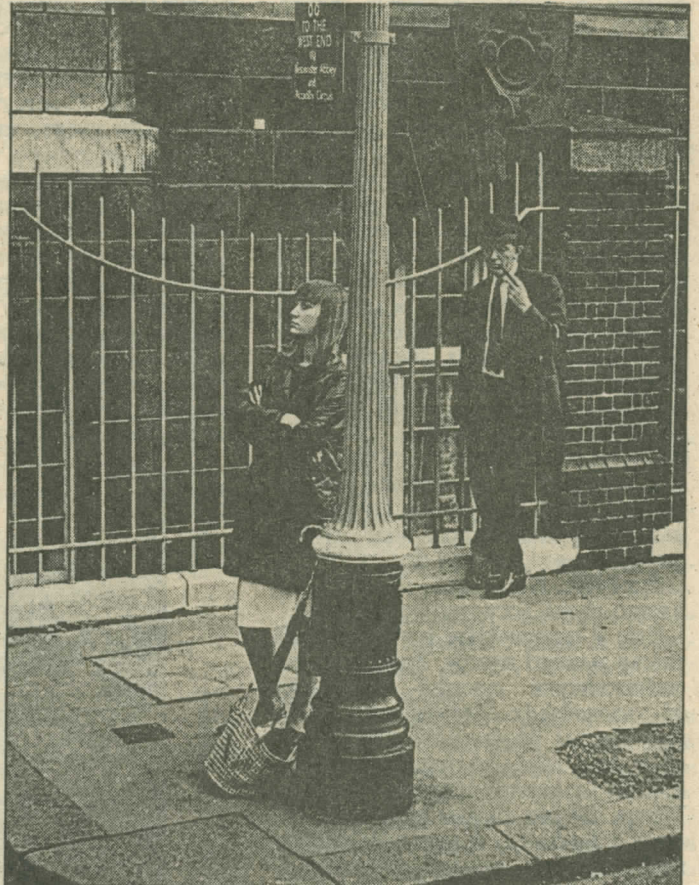
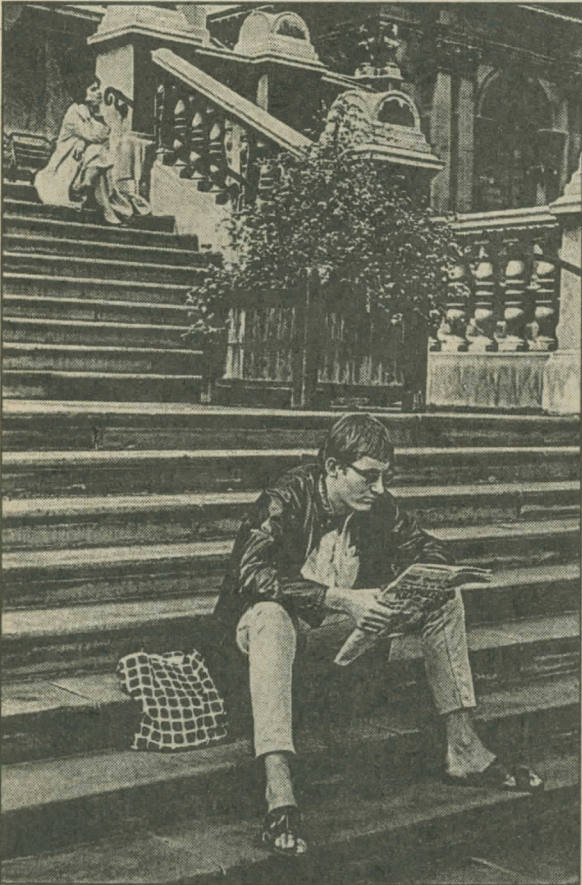
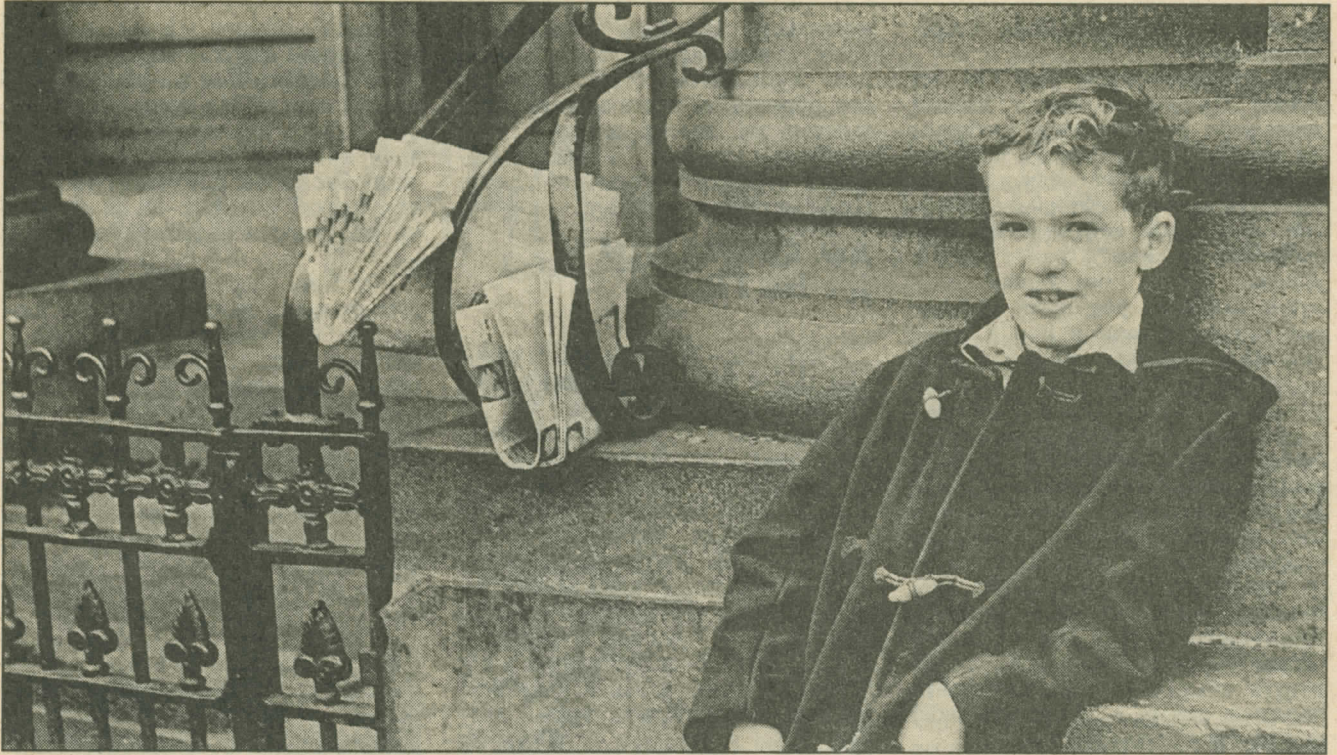
Пожалуй, большинство населения английской столицы вписывается в возрастные рамки от 18 до 35 лет. В метро ни стариков, ни детей практически не видно. Таким образом, автоматически решается проблема — уступать или не уступать место пожилым людям.

Оказывается, для пожилых англичан столица слишком дорогое удовольствие, если можно назвать удовольствием потоки людей и машин и огромные расстояния. В основном сюда стекаются молодые люди со всей страны в надежде на хорошую работу, быструю карьеру, большие деньги и всякие развлечения. А обрета финансовую независимость, жизненный опыт и уверенность в своих силах, многие присматривают дома в пригородах или сельской местности, где легче дышится и все гораздо дешевле. Но не всем это удается: город-космополит, город-мегаполис не так уж и гостеприимен — иных он отторгает как чужеродные частицы, попавшие в его сложный, не без недугов организм.

Да, если лондонское обилие рас и народов вызывает интерес и удивление, то проблема бездомных — это первый нештучный ШОК. Знает, правду пишет «Правда»: вот они, язвы и гримасы капитализма!

Как такое возможно? Ты идешь себе по вечернему озябшему Лондону, вдыхаешь воздух свободы, а они сидят на порожках контор и магазинов, прикрывшись шерстяными одеяльцами, и кланчат мелочь. Они — это тоже ребята 18—30 лет, те самые отторгнутые частицы. Некоторые лондонцы пытаются объяснять бездомность культом индивидуализма, стремлением к непохожести на других: «Это все поза, новое движение вроде хиппи. И деньги у них есть — просто с жиру бесятся». Особенно широко эта версия распространена среди наших бывших соотечественников и выходцев из других соцстран. Коренные англичане более сдержанны в оценках. «Это просто ужасно!» — восклицают они. Проблема, увы, не надуманная — бездомной молодежи так много, что и средства массовой информации, и парламент всерьез обсуждают ее и бьются в попытках что-либо

понять и исправить. Пока безрезультатно.

По существу уже 170 лет закону бродяжничество в Англии запрещено, но запретами проблемы не решить. Почему же все-таки она существует? Почему сотни и тысячи молодых людей, у которых есть родители, есть дом, есть здоровье, оказываются на улице? Прежде всего в Англии просто неприлично «тянуть» деньги из родителей. Считается, что в принципе к 16—18 годам человеку дали все, что могли дать, — дальше крутись сам. Если ты здоровый — и умственно, и физически — человек, то просто неприлично жить за счет родителей. В этом смысле английские мамы — прямая противоположность нашим: если у нас родители готовы содержать взрослых чад до конца дней своих, то английские подростки, едва оперившись, сами стремятся покинуть родительское гнездо. Многие из них отправляются в большие города на поиски счастья — в расчете найти хорошую работу и обеспечить свою финансовую независимость.

Однако не все приспособлены к абсолютно самостоятельной жизни. Кто-то, не найдя работы и жилья, которое стоит очень дорого, оказывается на улице, скитается по ночлежкам и в итоге так втягивается в эту жизнь, что не может вернуться в нормальный мир. Домой многим из них тоже путь заказан: одним из-за неладов с родителями, другим — из-за абсолютной безысходности и отсутствия каких-либо шансов найти там работу. В телевизионном фильме-расследовании «Дом для Барри», где рассказывается о судьбе одного из таких парней, меня больше всего поразили кадры о его встрече с мамой и сестрой. Приехали, погуляли по паркам, ходили по магазинам, обнялись, сели на поезд и уехали — а сыночек побрел назад в свои картонные коробки и ночлежки. Для наших мам — это фильм ужасов, для них же...

Впрочем, они такие же люди — просто жизнь устроена по-другому...

Еще в семидесятые годы, в самый разгар нашего застоя, советские телевизионщики сделали программу об английских бездомных. Тогда этот фильм породил немало критики в свой адрес за тенденциозность и явно пропагандистский характер. Теперь же (по словам одного знакомого с Би-би-си) о нем вспоминают как о первом сигнале бедствия —

поскольку проблема бездомных тогда только зарождалась и советские журналисты были первыми, кто обратил на нее внимание. Британская же пресса занялась этой проблемой гораздо позже. Выходит, и от коммунистической пропаганды могла выйти польза!

КОММУНАЛКИ, ДА НЕ ТЕ...

А как живут те англичане, у которых дом есть? Расскажу, как живут многие молодые лондонцы.

Многие из них, пока не разбогатеют, предпочитают жить — где бы вы думали? — в коммуналках. Это и дешевле, и веселее. Коммуналка — это целый подъезд в 3—5-этажном доме. В отличие от наших мест совместного проживания их расположены вертикально: на каждом этаже — одна-две комнаты, в каждой комнате живут один-два человека. В коммунальной квартире, где довелось жить мне, туалет, ванная, кухня и телефон — общие на 10 человек. За все коммунальные услуги платят поровну, а за телефон — кто сколько наговорит: каждый после каждого разговора записывает под своим именем в журнале — «2 минуты», «3 минуты». Как правило, больше десяти минут не говорят — слишком дорого. (Никто никого, конечно, не проверяет, все на твоей совести.) Есть общая гостиная с телевизором и камином.

Принцип совместной жизни очень прост: оставаясь друзьями, соседи не лезут друг другу в душу, могут вообще ничего не знать друг о друге. На замок закрывается только наружная дверь, все остальные часто нараспашку. «Почему вы не закрываете двери? У вас же там «видео»,

«стерео», деньги, документы?» — «Закрывать двери — значит не доверять соседям». Как же все здесь наивно и просто! На кухне у каждого свой уголок для мелочей, но если у тебя кончился чай — можешь со спокойной совестью «стянуть» пакетик-другой у соседа. И он сделает то же самое в подобной ситуации.

В той же квартире помимо молодых людей проживают еще две старушки и старичок. Они, действительно, бедные, и ледлорд (хозяин дома) сдает им комнаты за чисто символическую плату. Опять недоверчиво спрашиваю: «Простите, господа, но ведь он мог бы делать на этом бабки!» И снова наивный ответ: «Он просто добрый человек». — «Да, но он же капиталист!» — «Да, капиталист, но — добрый».

***

Все, с кем мне довелось об этом беседовать, подчеркивали, что Лондон — это все что угодно, только не Англия. Если хотите увидеть Англию, отправляйтесь из Лондона, скажем, на север — в маленькие городки, тихие деревушки, где люди живут, почти как в старые добрые времена. Жизнь там дешевле, но и беднее, люди приветливее и проще. Там по-другому одеваются, говорят, смотрят на мир. Что же до Лондона, то для большинства его жителей — это не дом, а скорее, порт, перевалочный пункт. Население его постоянно меняется, обновляется, а вместе с ним меняется и обновляется сам город. А поэтому нет и особенной гордости за свой город. Небоскребы, фестивали, бешеные скорости, смесь культур и наречий — нет, это все не Англия!

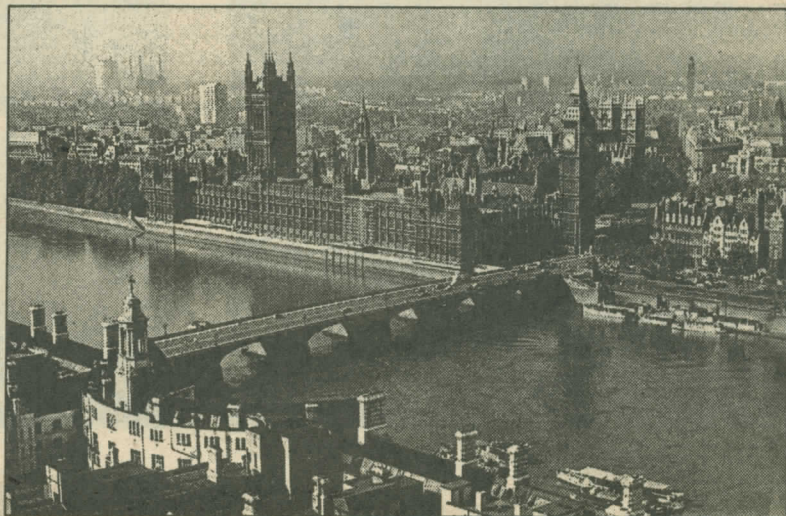

Фото В.Ахломова

Аркадий ГАЛИНСКИЙ

СПОРТИВНОЕ КАПРИЧЧИО

Фото Э. Кудрявицкого

ЗЕЛЕНОЕ ПОЛЕ И «ЧЕРНАЯ КАССА»

В 1985 ГОДУ я оказался в одной компании с профессором Н., как вскоре выяснилось, страстным любителем футбола. Он, в свою очередь, знал, что я спортивный журналист, и поэтому сразу заговорил со мной о делах футбольных. Но как только я сказал, что большинство наших судей и руководителей клубов погрязли в махинациях, мой собеседник замахал на меня руками. Нет-нет, поверить в это он никак не мог! Я умолк, ибо подоплека его возражений казалась мне понятной: на той же кафедре, что и Н., работает моя дочь, и сослуживцы, вероятно, слышали, что ее отец много лет подвергается запрету на профессию.

Действительно, в 1972 году я был ошельмован в печати и уволен с ра-

боты, после чего, естественно, ни одна редакция не заказывала мне ни строки. Строжайше возбранялось подпускать меня и к микрофону, хотя прежде я работал на Центральном телевидении комментатором, имел на первой программе собственную еженедельную вечернюю передачу «Спортивная панорама», вел репортажи с соревнований.

В конце 1989 года, впрочем, московские издания стали помещать мои статьи вновь, приглашают меня теперь выступать и по телевидению, но в 1985 году профессор Н., видимо, считал себя вправе усомниться в справедливости моих суждений. Ведь я был изгнан из печати и с телеэкрана по распоряжению Отдела пропаганды ЦК, а глава Спорткомитета СССР Павлов окрестил меня «Солженицыным советского футбола».

Что же сделал я за пакость? Все-го лишь писал о мошенничестве и подкупности на футболе. Отчего и был обвинен в клевете на советскую действительность, в которой, дескать, места для подобного рода явлений не было и нет. Примерно так же, десятилетиями, отрицалось у нас наличие проституции. Теперь, разумеется, об отечественной проституции, как и о мошенничестве на футболе, наши средства массовой информации трубят во всю мочь. А коль скоро я до этих дней дожид, возвратили в печать и меня. И в первой же своей опубликованной после семнадцатилетнего молчания статье я опять-таки повел разговор о коррумпированном судействе и о заранее обусловленных результатах футбольных матчей. Но на новом уже, так сказать, витке этого сюжета, поскольку и масштабы мафиозных сделок существенно за прошедшие годы возросли, и сама их методика усовершенствовалась.

Если прежде договоры о результатах матчей заключались между отдельными клубами спонтанно (как правило, в конце сезона, когда аутсайдеры стремились таким мане-

ром избежать вылета в низшую лигу, либо, напротив, кто-то желал посредством фальшивых побед и ничьих захватить призовое место), то теперь картина иная. Наиболее распространенный тип современных закулисных сделок — договоренности о натуральном, клиринговом обмене результатами, причем двусторонние соглашения эти — то ли о ничейном исходе матчей на своем и чужом поле, то ли о выигрыше на своем поле и поражении на чужом — руководители клубов заключают еще до начала чемпионатов страны. Говорят, что во всех лигах образовались уже по этому принципу пулы, в которые входят несколько клубов, что гарантирует каждому из участников пула как минимум благополучное пребывание в середине таблицы на протяжении всего турнира.

Другой популярный вариант клирингового обмена результатами состоит в том, что руководители команд, попавших в опасную зону турнирной таблицы (или, напротив, находящихся в группе лидеров), договариваются с руководителями команд «золотой середины» (дело происходит на финише соревнований) о приобретении нужных им очков в долг, с обязательством погасить такую в будущем сезоне. Кредиторы, правда, выдвигают порой и дополнительные условия. Если в составе их команды, к примеру, имеется кандидат в лучшие бомбардиры лиги, ему предоставляется возможность забить столько мячей, сколько требуется, чтобы наверняка обойти конкурентов. Встречается и такой вариант: вы отдаете нам очки в чемпионате страны, а мы вам проигрываем за это в итоге двух встреч на кубок!

В сделках такого рода денежные отношения, повторяю, исключены. Что же касается купли-продажи турнирных очков за наличный расчет — здесь вариантов не счесть! Новшество 1990 года состояло в том, что одни клубы требовали у других, позарез нуждавшихся в оч-

ках, компенсировать оные не «деревянными» рублями, а конвертируемой валютой. Резко поднялась за последние годы и цена судейских услуг.

В 60-е годы она колебалась от трехсот до семисот рублей. В 1981 году, когда федерация футбола дисквалифицировала пожизненно арбитра Черданцева, выяснилось, что навстречу возможной дисквалификации последний шел вполне осознанно, ибо те пять тысяч рублей, которые он получил от одной из сторон, позволяли ему решить все свои проблемы. В 1989 году арбитр Хусаинов признался в печати, что за два очка для местной команды — в рядовом матче — ему посулили новейшую модель «Лады». Государственная цена «Лады» составляла тогда десять тысяч рублей, но в условиях дефицита ее выхватили бы и впятеро дороже.

Откуда же брались у футбольных клубов скрытые, не облагаемые налогом и притом достаточно крупные суммы? Этой темы печать у нас никогда раньше не касалась, и мою статью, в которой шла речь (среди прочего) и о способах накопления средств в «черных кассах» клубов, прежде чем она увидела свет (в «Литературной газете» 21.02.90), отклонили два спортивных издания (гласность имела там строгие границы).

Статья называлась «Играют руководители», и в ней рассказывалось также и о том, что скрывалось у нас на протяжении десятилетий за таким, казалось бы, простым понятием, как «руководство футбольного клуба». Ибо кто входил, скажем, в означенное руководство армейских или динамовских клубов (которых только в высшей и первой лигах — шесть), всегда составляло военную тайну, охранявшуюся даже от футболистов. Если же клуб представлял интересы гражданского ведомства, в неофициальную управленческую группу, которая решала все так называемые «оргвопросы», входили: 1) кто-либо из высших руководителей местного масштаба, 2) спортивные боссы и 3) влиятельные хозяйственники.

Они-то и распоряжались «черной кассой», причем не забывали, по слухам, обеспечить материально и самих себя. Слухи об этом ходили давно, но впервые прорвались в печать в прошлом году, когда в еженедельнике «Футбол — Хоккей» было сообщено, что иные из клубных ру-

ководителей (имена которых, правда, редакция назвать не решилась) «набили карманы, обзавелись всем необходимым для жизни не только собственной, а и внуков и даже правнуков». Вспоминаю, как лет пятнадцать назад один футбольный функционер хвастался в компании (в приступе откровенности, вызванной солидным возлиянием), что, будучи на протяжении четырех лет хранителем «черной кассы», он получил за свои услуги сумму, выражавшуюся пятизначным числом. И получил ее как бы законно, ибо нелегальные деньги клались на его имя (разумеется, в разные сберкасссы и на отдельные счета), а он за это пользовался процентами.

Засекреченная наличность появлялась в «черных кассах» из двух источников. Во-первых, в результате утаивания от налогового ведомства части выручки после продажи билетов либо посредством выпуска фиктивных (то есть незарегистрированных финансовыми органами) билетов. Делалось это всегда с ведома местных властей, отчего участники операций не опасались неприятных для себя последствий. Во-вторых, в распоряжение руководителей клубов регулярно выделялся «сверху» по государственной цене наиболее ходкий дефицит — легковые автомобили. Документы на право приобретения машин выписывались на имя верных людей, а те давали хранителям «черных касс» доверенности для продажи. После чего новенькие «Волги» и «Лады» уплывали к состоятельным лицам, которые не могли официальным путем купить машину. Применялся и более простой вариант: если покупатель, способный уплатить большие деньги, был человек знакомый, документы сразу выписывались на его имя. И точно такие же махинации производились с дефицитными гарнитурами дорогой мебели, компьютерами, импортной видеотехникой и т.п.

А в некоторых футбольных клубах жажда наживы доводила руководителей до желания видеть свои команды, выступавшие, допустим, в высшей лиге, выбывшими в первую лигу. Парадокс? Ничуть не бывало. Ведь если команда оказывалась в первой лиге, немедленно ставился вопрос о необходимости возвратить утраченные позиции. А что для этого требовалось? Еще большее число легковых автомашин, компьютеров, мебельных гарнитуров, что-

бы «материально заинтересовать футболистов» и «лучше работать с судьями». В действительности же львиную долю получаемого дефицита приобретали руководители клубов и их ближайшее окружение.

Обо всем этом, конечно, догадывались игроки. И некоторые из них сами пускались во все тяжкие. В 1967 году газета «Правда» сообщила о вратаре, который пропустил в одном из матчей на чужом поле нужные соперникам голы. О том, что он сделал это намеренно, проигравшая команда узнала случайно. На обратном пути, в самолете, один из футболистов заглянул по ошибке в сумку вратаря (точно такую же, как его собственная) и обнаружил в ней внушительную пачку денег. Между тем футболисты знали, что таких сумм никто из них с собою не брал. Поэтому находку соотнесли с характером пропущенных голов, и под напором неопровержимых улик вратарь вынужден был признаться в своем негодяйстве.

ЗАКОН ВСЕ ЕЩЕ НЕПИСАН

С ТЕХ ПОР, правда, ни один из футболистов, заподозренных в пособничестве соперникам, с подличным пойман не был. Однако неприятности поджидают подозреваемых почти всегда. В состав команды на особо важные игры их стремятся не включать, а по окончании сезона и вовсе отчисляют под каким-нибудь благовидным предлогом. Так что на уровне игроков борьба с предателями общих интересов в командах ведется. А вот на уровне руководителей клубов ее как не было, так и нет.

Вспоминается история, которая произошла в 1981 году, когда в чемпионате страны лидировали киевское «Динамо» и ЦСКА. Перед тем как им предстояло встретиться между собою, пошла молва, что руководители этих клубов договорились разойтись вничью. Так оно и вышло. Скандал же разразился из-за того, что команды даже не пытались имитировать борьбу. А поскольку матч транслировался по телевидению, откровенность сговора возмутила влиятельных болельщиков со стороны площади. В результате федерации футбола было поручено разобраться в происшедшем.

Сознавая свое бессилие (ибо юридические доказательства сделки отсутствовали), президиум

Фото А. Голованова

федерации, тем не менее, принялся обсуждать псевдоигру. В конце обсуждения выступили оба тренера и начисто отвергли малейшую возможность сговора между командами. Что оставалось делать федерации? Пришлось ограничиться репримандом Лобановскому и Базилевичу, которые не сумели, дескать, обязать своих подопечных соревноваться по-настоящему. Таким образом, гора родила мышь. И не мудрено: расследование сигналов о договорных матчах, о подкупе судей, о наличии в распоряжении клубных руководителей «черных касс» требует не только специфической профессиональной подготовки навыков, но прежде всего — прав на ведение следствия. А федерация футбола, как известно, не обладает правами и возможностями прокуратуры или следственных и оперативных подразделений милиции.

В недавнем прошлом у нас писали, что подтасовка результатов матчей, «черные кассы» и подкуп судей имеют место только в западном мире, причем каждый такой случай отечественной прессой долго смаковался. Например, то, как в 1978 году «Боруссия» (Менхенгладбах) победила со счетом 12:0 «Боруссию» (Дортмунд), ибо только этот счет мог вывести первую в чемпионы ФРГ. Или такой факт: в 1980 году руководство мадридского «Реала» выплатило из «черной кассы» премию одному из клубов за то, что он отнял в чемпионате Испании очко у главного конкурента «Реала». Или — случай, происшедший в 1984 году, когда руководство итальянского клуба «Рома» пыталось подкупить известного французского арбитра Ветро, предложив ему 100 миллионов лир за то, чтобы он судил второй полуфинальный матч Кубка европейских чемпионов между «Ромой» и «Данди юнайтед» (Шотландия) в пользу итальянцев. А в 1990 году описывались подробно в нашей прессе закулисные махинации президента французского клуба «Сент-Этьенн» Роже, который располагал «черной кассой», достигавшей порою размера в три с половиной миллиона долларов.

Но и Роже, и целый ряд игроков, а также тренеров «Сент-Этьенна», получавших разного рода доплаты из «черной кассы», предстали перед лионским городским судом и были наказаны. Роже, несмотря на его семидесятилетний возраст, приговорили к четырем годам тюрьмы и

штрафу в сорок пять тысяч долларов. К различным срокам условного заключения и к денежным штрафам суд приговорил и всех без исключения футболистов «Сент-Этьенна», игравших в этой команде с 1978 по 1982 год. Играл там долгое время, как известно, и нынешний тренер сборной Франции Платини. Вердикт по отношению к нему был особенно суров, поскольку он был самым высокооплачиваемым игроком «Сент-Этьенна». Платини осудили на четыре месяца условного заключения, а перед тем он выплатил пятьдесят три с половиной тысячи долларов штрафа.

О том, что подобного рода законы необходимы и нашей стране, я начал писать двадцать с лишним лет назад. В 1968 году моя статья на эту тему (она называлась «Странные игры») была помещена в газете «Советская культура». Законодатель ее не заметил. В 1972 году я написал об этом еще раз — в журнале «Наш современник». И вновь в коридорах власти никого эта проблема не заинтересовала. Затем последовали упоминавшиеся выше семнадцать лет моего вынужденного молчания, но в начале 1990 года, как я уже говорил, мою статью опубликовала «Литературная газета», а в статье трактовался все тот же вопрос о необходимости закона, направленного против дельцов антифутбола. В конце 1990 года мою статью об этом же поместил журнал «Футбол». Она называлась «Глас вопиющего», и я позволил себе пересказать пессимистическую ее концовку. Голову даю на отсечение, писал я, что властями и этот призыв услышан не будет, а между тем миллионы людей, осведомленных о том, какого рода сделки совершаются в подземельях футбола, уже и честную игру готовы порою считать договорной! Не в этом ли, кстати, основная причина того, что число зрителей на футбольных аренах падает катастрофически? В 1990 году цифра средней посещаемости матчей чемпионата СССР, снизившись по сравнению с 1988 годом на 7 тысяч, составила всего 13 795 человек. Если посещаемость будет и в дальнейшем снижаться подобными темпами, трибуны футбольных стадионов к 1993 году практически опустеют.

И все же отрадою для очень многих футбол по-прежнему остается. В результате телефонного опроса ста человек, проведенного в канун

1991 года социологами, выяснилось, что единственным радостным общественным событием уходящего года являлась для большинства респондентов-мужчин победа команды «Торпедо» (Москва) над французским клубом «Монако». Напомню, что в результате этой победы (с одинаковым счетом 2:1 торпедовцы выиграли оба матча, в Москве и Монте-Карло) советские футболисты впервые вышли в четвертьфинал Кубка УЕФА.

Поразительный факт: именно в драматическом для Советского Союза 1990 году, прожитом страной тревожно и трудно, наши футбольные клубы выступили на международной арене удачнее, нежели в иные, более спокойные времена. Отличилось не только «Торпедо», Московский «Спартак», в котором тоже нет сейчас ни одного игрока с международным именем, переиграл в Кубке европейских чемпионов знаменитый «Наполи» — с Марадоной во главе! В таких случаях говорят обычно, что команды были лучше игроков. Но вот неизбежный вопрос: что вызывает к жизни подобный феномен? Я думаю, что наши игроки решали в данном случае куда более важные для себя задачи, чем футболисты «Наполи» и «Монако».

Спортивная пресса отмечала предельную самоотдачу игроков «Торпедо». В самом деле, когда в Монте-Карло раздался финальный свисток, у наших футболистов не осталось даже сил для выражения радости. Выручили запасные: выбежав на поле, они и показали весь набор принятых в таких случаях прыжков, объятий, поцелуев. Гладиаторская же самоотдача победителей объяснялась во многом тем, что игру транслировало Евровидение, и каждый из футболистов «Торпедо» понимал: если он продемонстрирует все, на что способен, ему, возможно, предложит контракт какой-нибудь западноевропейский клуб.

Окончание на 124 стр.

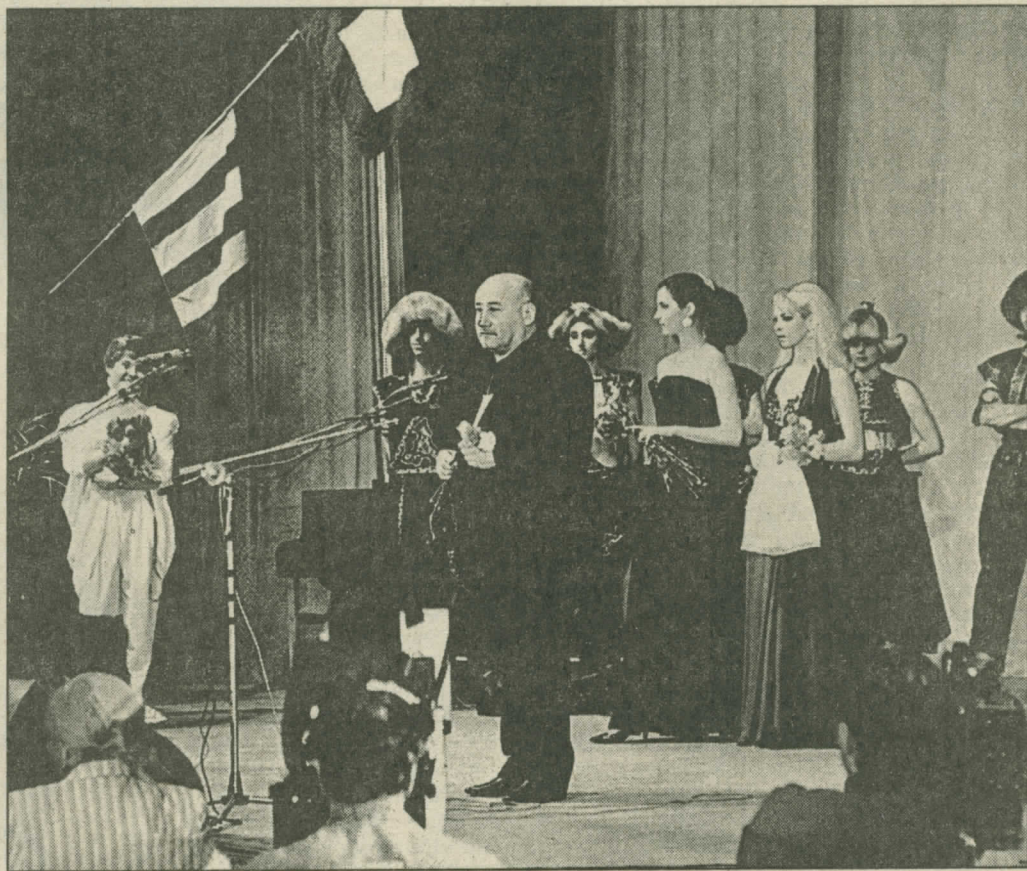
Татьяна САВИЦКАЯ

«Кинотавр»

Нужны ли зрителям кинофестивали?

Конец мая, Сочи, «Жемчужина» — место и время проведения все-союзного кинофестиваля «Кинотавр» выглядели вызывающе и будили смешанные чувства. С одной стороны, человек, как известно, слаб, и перспектива бесплатно провести 10 дней в Сочи прельщала. С другой, «халыву» в этот раз обеспечивало не безличное государство, как в прежние времена, а вполне конкретный человек — Марк Григорьевич Рудинштейн, который, хоть и тратил не свои личные деньги, а принадлежащие ТПО «Подмосковье» и спонсорам, все же персонифицировал понятие Хозяина. Он приглашал на фестиваль тех, кого хотел или считал нужным пригласить. Он не приглашал на отдельные, особо сладкие «мероприятия» тех, кого не хотел. И, в общем, имел на все это полное право. Другой

«Кинотавр» открывает его генеральный директор М.Рудинштейн

ЖЕМЧУЖНЫЙ

вопрос, в какой роли оказывались мы, журналисты. Честно говоря — в щекотливой: гипотетические негативные оценки фестиваля становились просто неприличными — тебе сделали одолжение, какие могут быть претензии?

По счастью, претензий почти не было, если не считать необходимость поистине трагического выбора между просмотрами и пляжем, морем, солнцем. И надо сказать, немногие фильмы побеждали в этом неравном поединке.

...Некоторое время назад был популярен вопрос: для кого проводятся кинофестивали — для зрителей или для кинематографистов? «Кинотавр» этот спор закрыл. Один из конкурсов фестиваля — «для избранных» — проводился в «Жемчужине», куда, как в любую интуристовскую гостиницу, войти могли только ее обитатели и еще сами знаете кто. Обитатели состояли по преимуществу из провинциальных кооператоров-нуворишей и их подруг. И тех, и других советские фильмы интересовали мало, и просмотрный зал, даже на самых «гвоздевых» картинах, бывал заполнен максимум наполовину, да и ту, кроме самих участников фестиваля, составляли толстые тетеньки в белых халатах и дети. Такие вот были «избранные». Не лучше обстояло дело и на втором конкурсе — «для всех», проводившемся в городском кинотеатре «Спутник». Даже на премьере фильма Л.Филатова «Сукины дети», в котором снялись, кажется, все советские звезды, этих «всех», как острили журналисты, можно было пересчитать. Единственным исключением стал режиссерский дебют актера А.Харитонов. Привлекло ли зрителей индийско-арабское название — «Жажда страсти», или жанр — фильм ужасов, или же оказалась заразительна дурная inferнальность картины, но только зал в первый и последний раз оказался почти полон. В целом же «Кинотавр» недвусмысленно показал, что идея кинофестиваля «для зрителей» себя изжила. Для кинематографистов же он, пожалуй, нужен — как перекресток, с которого можно увидеть, что происходит сразу на нескольких улицах.

На «Кинотавре», впрочем, картина была неполной. Представленные 28 фильмов (по 14 на каждый конкурс) были отнюдь не репрезентативны для тех 300, которые ежегодно выпускаются нынче киностудия-

ми. Они были — лучшими. В то же время по-настоящему хороших среди них было два-три, пять-шесть — прилично-добротных, остальные — весьма среднего уровня. Вся эта арифметика примерно такой же была и прежде, когда в год на экраны выпускалось вдвое меньше фильмов. Что же изменилось? Удвоилось количество дряни, оставшейся за бортом фестиваля. Изменилось и еще кое-что: ни хорошие, ни плохие — никакие советские картины сегодня в прокат не попадают. Как только режиссер заканчивает съемки, фильм исчезает, словно в Бермудском треугольнике. Один за другим растерянные творцы признавались на пресс-конференциях, что решительно ничего не знают о прокатной судьбе своего детища. Исключением стал режиссер О.Фиалко, который сам позаботился о рекламе, прокате и продаже своего «Имитатора» и в результате не только вернул затраченные деньги (что по нынешним временам явление не частое), но и получил прибыль, а главное — довел свой фильм до зрителя. Конечно, всем этим должны заниматься профессионалы, но пока специалистов такого профиля мало, поэтому на экранах идут плохие (чаще) или хорошие (реже) американские фильмы.

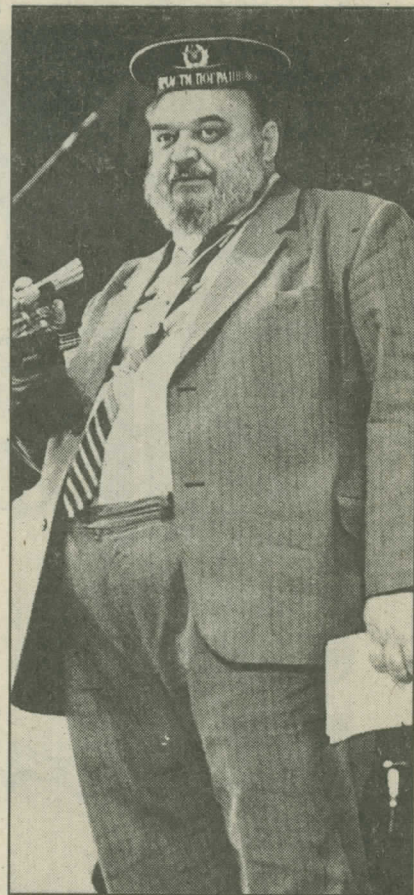
Но вернемся к фестивалю. Его хозяину он обошелся в 1 миллион 200 тысяч — как раз стоимость съемок одного фильма. И, по словам Рудинштейна, это не были деньги, брошенные на ветер. Фестиваль создал рекламу и ему, и фильмам, которые осенью этого года будут представлены на специальном кинорынке отечественного кино с участием зарубежных покупателей. Ну а, кроме того, Марк Григорьевич полагает, что время от времени нужно создавать кинематографистам «человеческие условия» для жизни и общения, «чтобы не все в конце концов уехали». И могу засвидетельствовать: условия были весьма человеческие. Настолько, что за свой счет, думаю, почти никто из кинематографистов, а тем более журналистов, позволить их себе не смог бы. Так что все мы жили в «Жемчужине», в общем-то, не своей жизнью, смешавшись с теми, кто спокойно платит по 100 и больше рублей в день за здешнюю жизнь.

Звезд — и киношных, и других — на «Кинотавре» было побольше, чем на каком-нибудь «Созвездии». Оно и понятно: Сочи — не Смо-

ленск. Были все — от Листьева до Роста, от Ростова до Мишина, от Догилевой до Удовиченко, от Абдулова до Ярмольника, от Говорухина до Шакурова. Причем многие приехали с женами, мужьями, детьми и даже животными. Так что поначалу фестиваль походил на переполненный Ноев ковчег, а уж когда вся команда как-то ночью погрузилась на пароход и запела матерные частушки, запахло пародией сразу на два «корабля» — тот, который «плывет», и тот, который «дураков».

Немногим меньше, чем гостей, оказалось на фестивале призов. У жюри конкурса «для избранных» желание никого не обидеть пагубным образом сочеталось со слабостью к фильмам благородного и (или) гражданственного звучания. В результате главный приз получила лента «Пегий пес, бегущий краем моря» (реж. К.Геворкян) — очень культурная, благородная, сделанная

Самой весомой фигурой на фестивале был, конечно, председатель жюри конкурса «для избранных» кинокритик В.Демин

почти в традициях «Легенды о Нараяме», но приближающаяся к этому высокому образцу лишь во вторых своих полутора часах, а в первых более всего напоминая этнографическую картину, изысканно и талантливо снятую по заказу «Центрнаучфильма». Мало того — по ходу дела изменив регламент, жюри учредило приз «за гражданственность высокого искусства», которым и наградило фильм «Изыди» (реж. Д.Астрахан), где с благородством и гражданственностью все в порядке, а с высоким искусством куда скромнее. И наконец, самое главное — лучший, далеко не только на мой взгляд, фильм фестиваля «Чернов. Chernov» — фильм, где мысль и боль переплавлены талантом С.Юрского в потрясающую мета-

фору нашей жизни, был удостоен всего лишь знака вежливости — почетного диплома!

Пожалуй, лишь в единственном случае решение жюри не разошлось с негласным вердиктом фестивальных журналистов: когда приз «за разрушение барьера между фильмами для избранных и кино для всех» оно вручило режиссеру Н.Досталю за действительно замечательную картину «Облако — рай» — вроде бы безыскусную историю, незаметно превращающуюся в убийственно-точный образ абсурдизма нашей повседневности.

Фильмы «для всех» оценивало другое жюри — зрительское, и там никаких неожиданностей не произошло: как и предполагалось, главный приз завоевал фильм «Сукины дети».

...Изредка вырываясь из своего автономного мирка в «Жемчужине»,

мы видели на улицах Сочи до боли знакомые лозунги «Народ и партия — едины!», «Слава партии Ленина!», видели пустынный город, отпугнувший ныне своими ценами курортников, и почти физически ощущали глубокое равнодушие к нашему «празднику кино». Это же равнодушие наблюдалось и в Смоленске, и в Зареченске, где проводились недавние фестивали. Этой участи скорее всего не избежать и Московскому международному. Не до того людям, есть у них сегодня «поважнее дела». И дай им Бог удачи в этих делах... А фестиваль — что ж, пусть остается утехой профессионалов.

Одним из коллективных гостей фестиваля стал ансамбль «Своя игра». Его очаровательная и темпераментная солистка Т.Сидорова единодушно была удостоена титула «Мисс фестиваль»

Фото И.ГНЕВАШЕВА

В руках у Т.Догилевой — живой талисман фестиваля Машенька

БЕЗ ПРАВА НА ВЫЕЗД

В СССР до сих пор остаются 12 тысяч древнееврейских религиозных книг и рукописей, некогда составлявших предмет гордости династии раввинов из небольшого белорусского местечка Любавичи.

С 1927 года раввины и их наследники живут за границей. Много раз они обращались в высокие советские инстанции с просьбой вернуть им оставленную библиотеку, но их усилия не увенчались успехом. Правомочны ли

сегодня, десятилетия спустя, разговоры о возвращении книг? И, напротив, существуют ли у советской стороны правовые (с точки зрения отечественной и международной юрисдикции) и моральные основания задерживать в стране то, что большая группа верующих, проживающих в разных странах, считает своей святыней, а главное, хотела бы сохранять в едином, объединяющем всех хасидов центре, находящемся в Нью-Йорке?

Жалость считалась изменой

ВОЗНИКНОВЕНИЕ хасидизма в России датируется XVIII веком и непосредственно связано с одной из трагических страниц отечественной истории. Результатом восстания под предводительством Богдана Хмельницкого была не только Переяславская Рада, закрепившая на века союз Малороссии с Россией, но и факт куда менее известный, — почти полное истребление еврейского населения Украины, Белоруссии, юга России. Убийства, по свидетельству историка Н.Костомарова, сопровождалась варварскими истязаниями. Сдирали кожу с живых, распиливали пополам, забивали до смерти... Не было пощады даже грудным младенцам. Евреи были осуждены на конечное истребление, и всякая жалость к ним считалась изменой.

Жертвами геноцида, продолжавшегося в течение десяти лет, оказались (по разным источникам) от 100 до 300 тысяч человек. Из 700 еврейских общин на Украине, к примеру, не осталось ни одной. В Белоруссии — около десятка. Страх и ужас стали уделом оставшихся в живых. Тем не менее в это время нашелся человек, сумевший силой своего ду-

ха возродить несчастных к жизни. Нового проповедника, подарившего надежду евреям, звали Исразель Бал-Шем-Тов — «раввин Бешт из Меджибожи». Истины, которые он проповедовал, состояли не только в безмерной преданности и поклонении Богу (противники хасидов и по сей день обвиняют их в религиозном фанатизме), но и в любви друг к другу, солидарности, единении, взаимопомощи. Очевидно, это и сделало хасидизм столь популярным до наших дней.

Но и одному Богу люди поклоняются по-разному: позднее хасидизм разделился на несколько направлений. Наибольшее число последователей оказалось у раввинов из Любавичей, опирающихся на систему «Хабад» — от начальных слов «хохма» — мудрость, «бине» — разум, «да'ат» — знания, управляющие миром. Первый из них — Шнейер Залман Шнейерсон — успел в жизни многое: вышел живым из казематов Павла I, что практически никому до него не удавалось, написал многотомные комментарии к Торе, разъясняющие суть еврейской религиозной жизни, начал собирать религиозную еврейскую библиотеку, которую все поколения любавических раввинов умудрились сохранить, вплоть до начала первой мировой войны.

Национализация или экспроприация?

ПЯТЫЙ ЛЮБАВИЧЕСКИЙ раввин, почетный гражданин России Шолом Дов Бэр Шнейерсон, своевременно получил от царского правительства предупреждение о необходимости эвакуироваться в связи с приближением фронта к Любавичам. Собираясь в 1915 году в более безопасное место — Ростов-на-Дону, глава любавичей взял с собой и библиотеку. Однако денег не хватало, и часть книг Ребе вынужден был оставить в Москве, на складах Персица на Кокоревском подворье. Другая часть библиотеки вместе с хозяином пережила эвакуацию, вынужденную эмиграцию и положила начало 150-тысячной коллекции книг любавического центра в Бруклине.

Революция вмешалась и в судьбу библиотеки. Приступив к национализации банков, заводов, крупных помещичьих хозяйств, новые власти не обошли и Кокоревское подворье. Обнаружив на складах 35 ящиков с древнееврейскими книгами, оформили их как «бесхоз» и передали в ведение Наркомпроса. Однако Наркомпросу был хорошо известен хозяин книг — Шнейерсон обращался туда с просьбой вернуть библиотеку. Тем не менее, игнори-

«Улыбка есть, но будут ли святыни?»
Любавические «ходоки» на приеме у... Н. Губенко

Тора

руя его просьбу, книги передали в Румянцевский музей, сменив им не только хозяина, но и «фамилию». Отныне в Государственной библиотеке им.В.И.Ленина (ГБЛ) книги значатся как собрание Полякова (хасид, миллионер, строитель российских железных дорог). Однако еще четыре года музей не мог забрать библиотеку — не было средств на ее транспортировку.

Впрочем, о судьбе книг Шнеерсона и сегодня можно узнать достаточно подробно. В ГБЛ сохранился архив, в котором детально отражена их одиссея. Есть в архиве и мандат, выданный Шнеерсону, который мог означать лишь одно: в какой-то момент власти решились возвратить библиотеку хозяину. Однако любавический Ребе не сумел воспользоваться этим правом — подвело все то же безденежье. Позднее, когда средства были собраны, Шнеерсон вновь обратился к дирекции музея за разрешением на вывоз книг, но, увы, получил категорический отказ. Впрочем, в те годы впору было спасать свою собственную жизнь, а не книги...

Вынужденный отъезд

РАЗРУШЕНИЕ храма Христа Спасителя в Москве, равно как и сотен других церквей и молелен по всей

России, — венец антирелигиозной борьбы, начавшейся в первые послеволюционные дни.

Гонения, аресты, ссылки, физическая расправа стали, по сути, единственной формой «воспитания» инакомыслящих, среди которых оказались и служители культа. Однако, осознавая, что любой вакуум, тем более духовный, нуждается в скорейшем заполнении, партия создает свои собственные структуры, способные, по ее мнению, исполнить прежние. Так в 1918 году в РКП(б) было создано еврейское отделение — Евсекция, упраздненная в 1930 году. Победы Евсекции на идеологическом фронте, достигавшиеся исключительно карательными акциями ВЧК — ГПУ, оставили по себе черную память у верующих и у неверующих. Одной из жертв оказался и раввин Шнеерсон, обосновавшийся к тому времени в Ленинграде.

В 1927 году по сфабрикованным обвинениям (его арест был приурочен к убийству Войкова в Варшаве и высылке советских представителей из Англии) он был заключен в Шпалерную тюрьму Ленинграда, где пробыл две недели в камере смертников. Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая судьба раввина, если бы не вмешался «добрый гений» — Е.Пешкова (жена М.Горького), трижды добившаяся

отмены приговоров Шнеерсону. Сначала смертную казнь заменили десятилетней ссылкой на Соловки, потом — тремя годами ссылки в Кострому. Наконец, Е.Пешкова сумела добиться освобождения Шнеерсона. Правда, в этих хлопотах ей помогла и зарубежная общественность: ряд стран предложил раввину переехать к ним. Советское правительство воспользовалось «заграничной подсказкой» и выслало Ребе за пределы Союза.

«В бегстве человека, — написал он позднее в своем дневнике, — есть две стороны: он убегает от зла и стремится к добру. Я вынужден был уехать из России вопреки своему желанию».

До начала второй мировой войны семья Шнеерсона жила в Варшаве и покинула город лишь тогда, когда в него вступили немцы. Спасаться бегством вместе с книгами не представлялось возможным, и потому их оставили в Польше. В 1977 году польское правительство вернуло хасидам их реликвии. Но и о той части книг, что остались в России, Шнеерсон никогда не забывал.

«Святыни вернут с улыбкой»

ИМЕННО ПОЭТОМУ перед смертью он завещал своему зятю, сменив-

шему его на посту руководителя движения, не только заботу о благоденствии и процветании единоверцев, но и непрременное возвращение оставленных в Москве книг...

Новые попытки вернуть библиотеку совпали с периодом перестройки и гласности в СССР. Переговоры с советскими властями вел от имени нового Ребе Арманд Хаммер. В течение восьми лет он пытался что-либо узнать о судьбе библиотеки Шнеерсона. Прæжний министр культуры Захаров, ценя услуги Хаммера в развитии советско-американского сотрудничества, разрешил ему привезти в Москву группу экспертов для поиска книг. Более того, Захаров уверил: если книги будут найдены, министерство добьется разрешения на их возвращение прежним владельцам.

В 1988 году группа любавичей обследовала ряд крупнейших библиотек Киева, Одессы, Воронежа, Ленинграда, Москвы. Безрезультатно. Но вот главному хранителю любавической библиотеки в Бруклине раввину Левину пришла в голову простая мысль: запросить в ГБЛ 12 редких книг, числившихся по старым каталогам в собрании Шнеерсона. И книги нашлись. Естественно, не в коллекции Шнеерсона, а в собрании... Полякова. На семи томах сохранились личные экслибрисы бывших владельцев — Шнеерсонов, переплеты остальных помечены их инициалами. Чтобы составить новый каталог и собрать документы, подтверждающие, что в собрании Полякова хранятся книги Шнеерсона, потребовалось еще три года. В конце концов выяснилось, что число томов в обеих библиотеках странным образом совпадает...

Новая депутация любавичей приехала в Москву в ноябре 1990 года. Помимо профессора Левина в нее вошли раввины Д.Аронов (Канада), Ш.Кунин (США) и русский эмигрант (так его называют даже в официальных бумагах) раввин И.Коган из Израиля. Напутствуя их перед поездкой в СССР, Ребе сказал памятную фразу: «В России приходит к власти милосердие. И святыни вернут, как подобает, с улыбкой». Эта уверенность заражала энергией. В первые два дня в Москве раввины установили две важные вещи. Первая — в ГБЛ сохранился архив, где зафиксированы все этапы передвижения шнеерсоновских книг начиная с момента объявления их «бесхозом». Вторая — в этом архиве не найден

документ о национализации библиотеки Шнеерсона, то есть и по сегодняшний день она не национализирована.

Окрыленные успехом, раввины поспешили в Министерство культуры СССР, где, как им казалось тогда, их вопрос должен был быть решен в одночасье...

Хождение по инстанциям

МИНИСТР КУЛЬТУРЫ СССР Н.Губенко ответил им, как и обращавшемуся до них А.Хаммеру, следующее: коллекция книг Шнеерсон Агудас Хаби́дей Хаба́д была национализирована как «бесхоз», а затем передана в Государственную библиотеку им.В.И.Ленина и, таким образом, стала собственностью государства... «Тем не менее, — писал он дальше, — могу вас заверить, что мной будет сделано все от меня зависящее, чтобы по возможности передать копии этих документов заинтересованным религиозным деятелям. Данный вопрос необходимо тщательно обсудить в научных и религиозных кругах, поставив его на соответствующую юридическую основу». Никаких документов, подтверждающих право государства на книги, к письму министра не прилагалось. Не были они переданы и позже. Так что оставалось одно — поверить «на слово».

Любавичи сразу же обратились в несколько инстанций — к председателю правления Советского фонда культуры академику Д.Лихачеву, к хранителю Еврейского фонда в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР С.Якерсону, к председателю Всесоюзного совета еврейских религиозных общин (ВСЕРО) раввину А.Шаевичу и другим. То есть к тому кругу лиц, которые, по мнению самого министра культуры, являются компетентными и должны были быть привлечены к решению вопроса.

В справке, полученной от академика Д.Лихачева, однозначно говорилось, что книги из коллекции Шнеерсона не представляют научной значимости для развития гебраистики в СССР и являются только богословскими и богослужебными материалами любавического направления хасидизма. Что в СССР нет хасидов, которые могли бы использовать эти материалы. Передача данных книг и рукописей, подчеркнул Лихачев, не может послужить

прецедентом для каких бы то ни было передач иных рукописей и книг в другие страны.

Солидарен с ним был и С.Якерсон, который не только в ответе любавичам, но и в письме, адресованном Президенту страны М.Горбачеву, прямо сказал: Советский Союз не имеет ни моральной, ни правовой основы, чтобы далее задерживать у себя чужую собственность. «Полагаясь на факты, — писал С.Якерсон, — можно утверждать, что данные издания за редчайшим исключением не являются раритетными с точки зрения еврейского книгопечатания, так как представляют собой книги, в большинстве своем изданные в России в XIX веке. А учитывая тот факт, что экземпляры всех еврейских книг, напечатанные на территории Российской империи, в обязательном порядке доставлялись в несколько центральных библиотек (например, в библиотеку бывшего Азиатского музея — ныне Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, где и трудится автор письма), можно предположить, что книги, аналогичные книгам из собрания Шнеерсона, находятся и в других советских книгохранилищах».

Как специалист в области хранения литературы, Якерсон не мог обойти тот факт, что ни в настоящий момент, ни в перспективе у читателей не будет возможности доступа к собранию из-за того, что в нашей стране практически отсутствуют специалисты, которые могли бы провести научную каталогизацию этих книг. За 66 лет из 12 тысяч книг собрания Шнеерсона обработано лишь 87. Две тысячи — переданы в собрание Полякова и хранятся в основном здании «Ленинки», остальные — около 10 тысяч — штабелированы (как написал бывший зам. директора по научной части ГБЛ В.Григоров) в книгохранилище в Химках.

Передачу книг любавичам одобрил не только московский раввин А.Шаевич, но и состоявшийся в январе нынешнего года съезд конфедерации еврейских организаций и общин СССР (ВААД). Представители ВААД просили М.Горбачева сделать все возможное, чтобы вернуть книги их истинным владельцам.

Несмотря на совпадение мнений, высказанных столь разными, но авторитетными в своей области людьми, нужна была и чисто правовая оценка. Инюрколлегия считает, что

поскольку документы о национализации библиотеки Шнеерсона отсутствуют, то признание ее бесхозной, так же как и переход права на владение ею в ГБЛ, неправомерно. Более того, по всем международным правилам просьба любавичей вполне законна — о местонахождении библиотеки, равно как и о том, кому следует подавать иск о ее возвращении, они узнали лишь в ноябре 1990 года. Так что ссылки на давность события несостоятельны. Инюрколлегия — орган консультативный, однако ее точку зрения разделяет и министр юстиции СССР С.Луциков.

С просьбой о возврате книг к Президенту страны и к Председателю Верховного Совета СССР обращались уже и советские парламентарии, и американские конгрессмены. На письма в инстанции и на ожидание ответов потрачена уйма времени и сил. Однако воз, как говорится, и ныне там...

«Ужасно шумно в доме Шнеерсона...»

КОМУ ЖЕ ВСЕ-ТАКИ решать этот вопрос? Кто возьмет на себя ответственность за книги — Министерство культуры СССР, которому, как отвечает секретариат Президента, поручено это сделать, или верховное руководство страны? Анализируя действия Минкультулы СССР в отношении библиотеки, упорно напрашивается мысль о том, что его главная стратегическая задача на сегодня — сделать все возможное для того, чтобы не принимать никакого решения по данному вопросу. Убедена, что ни сотрудники министерства, ни сам министр не согласятся с такой постановкой дела. Более того, приведут массу доводов в свою защиту — назовут поименно всех членов созданной комиссии, среди которой есть весьма компетентные и уважаемые люди, сосчитают число заседаний, на которых обсуждалась книжная проблема, то есть и на словах, и на бумаге создадут полную видимость кипучей деятельности и горячей заинтересованности в решении проблемы.

Но есть факты, с которыми достаточно сложно спорить. Первое. За эти полгода, с ведома Министерства культуры СССР, «Ленинка» лишь раз получила представителей любавичей в свое основное здание. Там им был

показан архив (спасибо за это бывшему заместителю директора библиотеки по научной части В.Григорову), две тысячи томов, которые были «влиты» в собрание Полякова, и дан вполне определенный ответ, что в Химки их не пустят, поскольку, дескать, их «образование не позволяет». Хотя, к слову сказать, среди них находился и консультант библиотеки Конгресса по гебраистике — раввин Левин, автор трех книг, посвященных библиотеке Шнеерсона. По утверждению администрации «Ленинки», он перепутал хасидскую книгу с караимской. Именно на этом основании с ведома министерства (а может быть, кого-нибудь и рангом повыше) он и был «отлучен» от книг, а просьба любавичей о том, чтобы ввести его в состав комиссии, так и не была удовлетворена.

Второе. Не говоря ни «да», ни «нет», Н.Губенко трижды переносил срок окончательного ответа просителям. Наконец, ситуация прояснилась. Через своих помощников министр сообщил любавичам о том, что окончательный ответ они получат после 6 июня, но вручат его не в Москве, а через советское посольство в Вашингтоне.

Третье. Вместо признания своих собственных промахов в работе, которые извинительны, так как речь идет о достаточно сложном деле, Минкульт ведет активную работу по дискредитации самих просителей, причем не только в инстанциях, но и в прессе. В начале года газета «Домострой» опубликовала статью, в которой наряду с достоверной информацией о библиотеке Шнеерсона была и явная ложь, приправленная рядом весьма сомнительных предложений о том, как советской стороне можно «подзаработать» на книгах Шнеерсона. «Специалисты считают, — писала газета, — что если будут достигнуты соглашения о копировании хранящихся в СССР дневноеврейских фондов с последующим их коммерческим использованием, то в случае некорректного составления договора советская сторона может понести убытки на десятки миллионов долларов». И далее: «Только грамотное коммерческое использование копий (!) одной шнеерсоновской коллекции с лихвой окупит модернизацию Библиотеки им.В.И.Ленина».

Так вот, оказывается, в чем дело! Как тут не поверить рассказу о том, что в свое время А.Хаммеру было

предложено выкупить эту библиотеку за 800(!) миллионов долларов... Даже многоопытный Хаммер удивился несурзности суммы, а проанализировав ее, ответил, что если выставить на аукцион не копии, а подлинники всего шнеерсоновского собрания, то вряд ли их можно продать более чем за полмиллиона долларов. Видно, не поверили ему новые дельцы на ниве отечественной культуры, которым и невдомек было, что коли речь идет о святынях (неважно, своих или чужих, ведь это же — святыни!), то вряд ли уместен рыночный подход к решению проблемы. Однако и этого мало было «Домострою», который не постеснялся рассказать о раввинах и такую «притчу»: они, якобы задолжав гостинице Центра международной торговли 21 тысячу инвалютных рублей и не заплатив означенной суммы, съехали из гостиницы на частные квартиры москвичей...

Но это хоть и неприятная, но лишь надводная часть айсберга. Есть и другая, подводная, она осталась от прессы в тайне. В борьбе с неугомонными просителями министр культуры решил воспользоваться телефонным правом. Первый звонок из Минкультулы, однако, не дал никаких результатов. МИД РСФСР, казалось, не отреагировал на его просьбу. Но, увы, последнее обращение раввинов в ОВИР прояснило и эту картину: в визе им было отказано. 10 мая любавичи были вынуждены улететь в Нью-Йорк, хотя помимо дел библиотечных занимались здесь и другими, в частности милосердными. Они собрали и отправили на лечение и отдых в Израиль несколько сот детей из районов, пострадавших от чернобыльской аварии. Доставили в СССР продовольствие, которое помимо чернобыльских детей распределили между их грузинскими сверстниками, пострадавшими от последнего землетрясения...

Нет нужды морализировать по поводу того, что любому нормальному человеку должно быть понятно безо всяких слов.

«Тьму не разгоняют палкой, — сказал один из любавических Ребе, — хотя бы немного света, и уже не так темно!»

PS: 10 июня Минкульт СССР повторил, что книги с 1919 года являются собственностью государства. Хотя документов, подтверждающих эту собственность, до сих пор не найдено.

33 ПОДЗАТЫЛЬНИКА

«Полоумный Журден»

МХАТ им. М.Горького,
реж. Т.Дорониной

«Полоумный Журден», поставленный Дорониной, напомнил небезызвестный спектакль кукольного театра Карабаса Барабаса «Девочка с голубыми волосами, или 33 подзатыльника». В роли многострадального Пьеро выступал господин Журден. «— Я грустный, потому что я хочу жениться», — сказал Пьеро.

— А почему ты не женился?
— Потому что моя невеста от меня убежала...

— Ха-ха-ха, — покатила со смеху Арлекин, — видели дуралея. — Он схватил палку и отколол Пьеро.

Примерно с той же мерой жизнерадостности и смысла разыгрывалась история взаимоотношений Журдена и маркизы Доримены, вообще атмосфера беззаботности царила на спектакле. Каждый сюжетный ход становился поводом для демонстрации комического обмана Журдена и одновременно таким «подзатыльником» герою, а остальные персонажи, одетые в яркие аляповатые костюмы, весело выбегали на сцену только для того, чтобы отвесить этот самый подзатыльник или принять его с покорностью деревянных кукол. Режиссеру оказались не нужны ни сюжет, ни характеры героев. Мольеровско-булгаковская пьеса предстала во МХАТе балаганным фарсом. Сама Т.В.Дорониная во время спектакля таинственно поблескивала люрексом платья из сумрачной ложи, иногда на губах ее играла улыбка, иногда лицо делалось непроницаемым. Казалось, будто в ее руке уже трепещет невидимая семихвостная плетка.

Ольга БОГОМОЛОВА

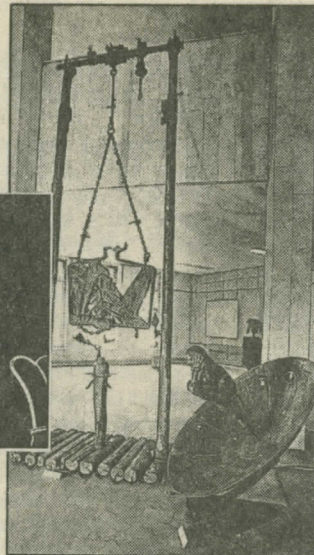
ХЭППИ-ЭНД

«Таланты и поклонники»
Московский
драматический театр им.
К.С.Станиславского,
реж. В.Ланской

Скука давно уже воспринимается многими как важный атрибут в ряду «непреодолимых ценностей» спектакля по классической пьесе. Когда с таким же чувством режиссер берется ставить Островского, спектакль скучнее вдвойне... Художник Э.Стенберг придумал ширмы, установил на сцене фонтан в виде озорующего амурчика и карету, повесил церковный купол, из которого луч света в начале второго акта возникает в ответ на монолог из другой пьесы Островского — «Гроза».

Композитор Ю.Прялкин написал романс «от театра», срывающий аплодисменты. Не будучи скучным, спектакль остается спокойным по интонации и по отношению к комедии Островского. Заинтересованному зрителю остаются редкие выходы Владимира Коренева в роли очень богатого, но благородного и добропорядочного Великатова, естественного среди общей мишуры. Благодаря ему и финал, в котором героиня бросает влюбленного в нее студента, чтобы стать содержанкой Великатова, кажется счастливым, хотя и недостойным здешней героини.

Григорий ЗАСЛАВСКИЙ

Фрагмент экспозиции
«Железного пути»
Фото В.Шишова

ПОД ПОЛОМ

«Железный путь»
Выставочный зал
Железнодорожного
района

Таких подрамников вы нигде больше не увидите. Железнодорожные рельсы, чугунные брусы — в суровые тиски, обозначающие то ли власть, то ли толпу, зажаты изящные картины Владимира Опары, автора концепции выставки. Мэтры отечественного авангарда (Андрей Гросицкий, Марлен Шпиндлер, Адольф Гольдман) именно так представляют себе тот путь русского искусства, что начался где-то в районе «Железного потока» Серафимовича... Выставка (организованная с помощью коммерческого банка «Индустрия-сервис») разместилась в здании исполкома Железнодорожного района, и колокол Леонида Берлина (знаменитая композиция «Народ в раме», сотворенная в самые тяжелые годы) все звонит, и звук его проникает... в большой зал исполкома, под полом коего и работает удивительная выставка.

Н.М.

ГДЕ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА?

Ю.Анненков. «Дневник моих встреч. Цикл трагедий»
М., «Советский композитор»

Господи, как надоели неряшливо сделанные книги. Ну ладно, Бог с ним, с Чейзом, но Анненкова можно было издать по-человечески? Во-первых, если написано «репринтное издание», то, наверное, надо указать, репринт — с чего. А то последнюю фразу предисловия: «Наше издательство надеется, что выпускаемая им книга Юрия Павловича Анненкова станет достоянием не только искусствоведов и историков русской литературы и европейского театра, но и всех, кто интересуется культурой наших дней» — невольно приписываешь «Советскому композитору». А на самом деле принадлежит она Борису Филиппову, подпись которого почему-то исчезла. А «наше издательство» — это в действительности «Международное Литературное Содружество», никак не упомянутое в книге «Советского композитора». Во-вторых, где переплет и обложка Сергея Голлербаха, обещанные нам на обороте титульного листа? В-третьих, где вступительная статья Вальдемара Жоржа, опять-таки указанная на обороте титула? И, наконец, самое главное. Книга «Советского композитора» — это не цикл трагедий Ю.Анненкова «Дневник моих встреч». Это лишь ее половина. Можете не искать в ней страничку, посвященную Ленину, Троцкому, Алексею Толстому, социалистическому реализму. Их — и еще девяти глав — просто нет. «Советский композитор» «забыл» указать, что выпускает лишь первый том «Дневника». После всего этого нет ни малейшей уверенности, что и сами тексты остались в неприкосновенности. Неряшливо сделанные книги надоели очень. Но еще больше надоело вранье.

А.Г.

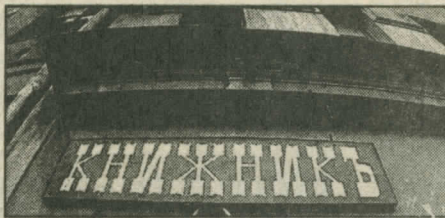

ТЕАТР, ГОВОРИВШИЙ НА ИДИШ

Художники ГОСЕТа.
Москва — Петроград.
1919—1949.

Театральный салон на
Тверском бульваре

В Театральном салоне на Твербуле выставки бывают не просто хорошие, но всегда еще и интеллигентные. И в смысле подбора материала, его размещения в витрине, экспликаций, и главное — в отношении к посетителю — в единственном числе, — потому что в зале редко встретишь больше одного-двух человек. Наверное, это естественно: не всякому интересно рассматривать эскизы костюмов и декораций к давно уже не идущим на сцене постановкам, пожелтевшие афиши, наброски мизансцен. Даже если художники, которые над ними работали, — М.Шагал, М.Аксельрод, Н.Альтман, Э.Хейфец, А.Тышлер, И.Рабинович, Р.Фальк, Д.Штеренберг. Так же как естественно и то, что служитель музея должен быть знающим и приветливым. Но это такая редкость в наши дни, что впадаешь в неописуемый восторг и поддаешься едва ли не умилению, когда для тебя одного включают видео с чудом уцелевшими киносъемками спектаклей Соломона Михоэлса. И черт его уже знает, что чувствуешь, когда он появляется на экране в костюме короля Лира, а титр 30-х годов гласит: «От национально-ограниченной местечковости театр перешел к вершинам мировой драматургии». Или когда слушаешь заунывную скрипочку, вызывающую в памяти скорбный поток людей с желтыми звездами на груди... Или когда рассматриваешь афишу, извещающую о гастрольях ГОСЕТа в ДК трудящихся евреев Грузии имени тов. Берия, а потом читаешь автограф Марка Шагала с просьбой о выставке, исполненный извечного еврейского юмора и столь же извечного драматизма: «Я

Эскиз мужского костюма
(И.Рабинович)

очень люблю евреев («документов» много), но я люблю и русских и некоторых других «инородцев» и привык серьезно работать для многих народностей...» Жили Еврейская камерная театр-студия в Петрограде, ГОСЕТ — в Москве, создавали национальный, эксцентричный, трагикомический театр. Работали здесь прекрасные актеры, режиссеры, художники... И не осталось ничего, кроме нескольких сот метров пленки, кучки фотографий и рукописей, обгоревших по краям эскизов да воспоминаний очевидцев, которых становится с каждым годом все меньше и меньше. Словом, как в фильме Эфраима Севель: «Раньше на идиш говорила вся улица, а теперь остались я и этот попугай». И далее по сценарию: «Теперь нас трое».

Марина КАМИНАРСКАЯ

КНИГОТОРГОВЛЯ «С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ»

«Книжник», магазин

Напрочь забыли мы атмосферу старинных книжных лавочек, куда заведать приходили не просто купить книги, а и провести время в приятной беседе. Нынче книготорговцы в основном норовят с нас побольше содрать, приложив к тому минимум усилий. Нехотя шевелится какая-нибудь невозмутимая дева в отделе договорных цен — лучший раз книгу показать не попросишь. И все же есть в Москве магазинчик, непохожий на другие. Он называется «Книжник», находится в 1-м Тверском-Ямском переулке, дом 16. Там нет толпы, там разрешают подойти к стеллажам и самим выбрать книгу. Есть свободный книгообмен, платная библиотека. Да и договорные цены пониже, чем в других местах. И по номиналу торгуют. Ну где еще купишь роман Набокова за 55 копеек? А главное — уж очень атмосфера приятная. Продавцы — молодые литераторы, и среди заведать — художники, писатели. Так что иной раз, покупая книгу, здесь можно заодно получить и автограф...

Вероника БОДЕ

P.S.: ВИДЕО

Ведет Андрей ГАВРИЛОВ

У КАЖДОГО СВОЯ МЕЧТА

«Поле его мечты»

США, реж. Ф.А.Робинсон

«Полю его мечты» очень не повезло. Рекламные ролики к картине, попадавшиеся ранее в качестве заставки к другим лентам, позволяли сделать вывод, что в фильме рассказывается о фермере-мечтателе, услышавшем однажды «голос» и перелопачившем свое кукурузное поле, чтобы сделать поле бейсбольное. Все так. Но в рекламе пропало главное: мечтательно-ностальгическая атмосфера картины, напоминающая настроение некоторых рассказов Рея Брэдбери, особенно такого классического, как «Чудесное диво мираж». Нет, конечно, с произведениями великого фантаста «Поле его мечты» не сравнить, но посмотреть его вполне можно, хотя бы для того, чтобы поразиться, какое место занимает бейсбол в жизни и мечтах американцев.

СРЕДНЕЕ АРИФМЕТИЧЕСКОЕ

«Черный ангел»

США, реж. К.Бэксли

«Черного ангела» смотреть не надо, хотя ясно, что он будет пользоваться довольно большим коммерческим успехом — главную роль в картине исполняет один из суперменов Голливуда Дольф Лундгрэн. Картина являет собой среднее арифметическое между «Терминатором» с Шварценеггером и «Чужим народом» с Джеймсом Кааном. Земля, вернее Америка, стала ареной борьбы хороших и плохих пришельцев, а причина конфликта — разумеется, наркотики. И, конечно, нужен им не элементарный героин, а нечто намного более жуткое.

Дневник И.

КОЛО...
ДЕТЕН...

«А в условиях океана негде прятаться в кусты»

Юлий Ким. Интервью с самим собой

Мне повезло. Террор меня зацепил лишь своим краем, таким острым, рваным — но все-таки краем. ГУЛАГ поглотил отца; матушка моя, отсидевшая 5 лет и отбывшая еще 3 года ссылки, все это время пробыла с «политическими» — 58-й статьей, и многому хорошему у них научилась. Там, где она побывала, сидела, я не скажу, цвет интеллигенции, но очень много действительно интеллигентных людей (в том числе и «часть цвета»). Так что «уголовный опыт» на моем детстве никак не отразился.

В 60-е—70-е годы меня частенько приглашали для собеседования в весьма серьезные инстанции по поводу ареста многих близких мне людей. Но и эти собеседования остались в моей судьбе все-таки как «отдельные неудачи среди сплошных удач» (есть такой рассказ у Окуджавы). Мне повезло.

Но страху все-таки я натерпелся.

Почему я вспомнил про это? В сегодняшней нашей жизни слишком много страха. И страх этот — принципиально иной, неведомый нам доселе.

Страх перед настоящим сменился страхом перед будущим — и, с точки зрения высшей, да и просто, знаете ли, с обывательской, — этот страх не так опасен и гораздо легче

преодолевается, чем тот, под гнетом которого мы жили. Это — инерционный страх.

Злость, о которой тоже мы много говорим и думаем, — в ней тоже больше детского страха и растерянности перед неведомым, чем агрессии. Это неизбежное психологическое состояние подростка, которого долго мучили — и вдруг отпустили...

Я получаю все эти годы огромное наслаждение от чтения. И так уж вышло, что некоторой точкой отсчета для меня стал не Солженицын (я его все-таки читал в самиздате), а роман Леонида Габешева «Одлян, или Воздух свободы», напечатанный года три назад в «Новом мире».

Я прочел его залпом — как и обещал мне в журнальном предисловии Битов: «Я уверяю вас, — говорил он, — вы не оторветесь, едва прочтете первую страницу». И со мной произошло то же самое: я не мог оторваться, и, пока эта вещь меня не отпустила, руки ни к чему не лежали.

«Одлян» написан так, будто до него не было Солженицына — ни «Одного дня Ивана Денисовича», ни «Архипелага...». Хотя — это тоже ГУЛАГ; но ГУЛАГ детский — и одно то, что герой романа ждет совершеннолетия, чтобы наконец попасть во взрослый лагерь, ибо ужас и зверство устройства детской колонии не по силам ни ребенку, ни взрослому... вот эта мечта ребенка о таком «ослаблении» — для меня открытие не просто литературное,

но и новый взгляд на нашу жизнь в целом.

Это открытие каким-то образом предостерегает меня от соблазна втянуться в общую ругань, которая так всех нынче захватила, почти в спортивном смысле.

Я вот иду на днях мимо «Ленкома», там на стене висит мраморная доска: здесь тогда-то и тогда-то выступал Ленин. И мужик стоит перед ней — и материт всех в хвост и в гриву: «Б... такие! Цветочка не могут положить!»

Вот это вот — оно самое: шарахнуть от яркого света, о котором мечтали, плакали по ночам всю жизнь. Томились...

Меня такой преследует образ: люди жили в пещере, заваленной огромным камнем. Они догадывались по свету и звукам, сочащимся из-под камня, что снаружи — что-то удивительно хорошее. Вдруг — камень резко отваливается, и яркий солнечный свет освещает всю мерзость, которую они не так уж болезненно воспринимали (в полумраке — во-первых, а во-вторых — в силу привычки)... И хлынул воздух такой дивной свежести, что эти пещерные люди сразу почувствовали вонь, к которой так здорово приножились...

Ну, какое у них первое движение? Конечно — зажмурить глаза и заткнуть нос. Это — то, что и происходит у нас сегодня.

И со стороны, разумеется, такое поведение странно...

Когда я раздумываю о Высоцком, я понимаю, что он, умирая — в об-

щем-то, все это видели и понимали, — выразил острее и лучше всех общее томление по лучшей жизни. Все ведь к 80-му году истомились, сверху донизу, всем надоела эта скука жизни. Недавно Булат в одном интервью сказал: «Я чувствовал тогда, что умираю...» В этом смысле, пожалуй, и смерть Леонида Ильича Брежнева не была скоропостижной — там, в некрологе, правильно было определено: она случилась вследствие всеобщей тяжелой и продолжительной болезни.

Вот почему сегодня мне больше всего хочется, чтобы в моих друзьях по «артистическим цехам» побыстрее совершился переход... как бы сказать... от «инстинктивного зажмуривания» к «постепенному раскрытию».

Читаю в «Знамени» небольшое эссе Фазиля Искандера, легкие такие путевые заметки по дороге из Палермо в Америку, — и там подзаголовков интересный: «попытка поднять настроение себе и другим». И действительно, вдруг я, как когда-то, двадцать пять лет назад, оказался под его человеческим обаянием, под властью его юмора и неподражаемой языковой интонации. И я понял, что Фазиль это написал не только для поднятия настроения у читателей, но и с тем, чтобы выразить свое собственное удовольствие от новой жизни.

Это удовольствие от нового качества жизни, от ее перехода из... не знаю даже, какого именно состояния: жидкого, твердого или газообразного... но в принципиально иное состояние — это я, увя, пока еще редко и мало в ком встречаю.

Ну, допустим: узнаю я, что Марк Захаров зарядил в свои планы «Женитьбу Фигаро», — ой, как мне это приятно! Я видел его «Мудреца» — убежден, что с такой свободой, с какой он там «погулял», Захаров не смог бы осуществить свой замысел десять лет назад.

Или: мой друг и многолетний соавтор композитор Дашкевич пишет вокальное сочинение на слова... «Жить не по лжи» Солженицына. Я опешил: «Володя! Зачем?! Это же публицистика!» — а он: «Мне интересно...» И я, вслушиваясь, понимаю: действительно интересно, и очень многое в этом тексте открывается нового, его мы не могли расслышать, когда этот текст опять же в самиздате читали. А теперь — это стало слышно; и именно поэтому такой замысел Дашкевичу ни за что бы не осуществ-

вить т о г д а, хотя он мне и хвастается: «И тогда написал бы!»

Вот я о чем говорю: о неизбежности нового уровня художественной свободы в этих новых условиях...

Что касается самого себя — я это ощущаю, когда сегодня выступаю на концертах. В последнее время я пою с азартом и удовольствием незабвенных 60-х годов — и хотя это не главное мое занятие, но отказывать себе в такой радости я не смею...

Минувший сезон был у меня чрезвычайно насыщен — и начался он в Израиле. Я рассчитывал: еду в гости, приеду — спою три-четыре раза (да еще и не сезон, все разъехались в отпуск) — ну и хватит, немножко заработаю и не буду сидеть на шее у своих хозяев... Но спрос превысил все мои предложения, и мне пришлось петь всю дорогу. Что я и делал — с поразительным чувством... как бы вам сказать... будто бы я никуда и не уезжал!

Может, именно это путешествие и поддало жару в нынешнем моем новом самочувствии, но я приехал оттуда (это факт, это не эйфория от «загранки», не восторг солнечного дитяти) с осознанием того, что пережил какое-то очень важное событие там: радостное, праздничное — и, главное, оставшееся со мною.

Я долго анализировал: в чем же дело — и, кажется, понял. Вызвано оно было тем, что я там все время виделся, говорил, общался и «вращался» с н а ш и м и (Невзоров очень испортил это слово)... ну, со своими, здешними, такие, знаете, «московско-кухонные люди». Там есть и ленинградцы, и рижане, и харьковские, и тбилиские — но вы, думаю, понимаете, о чем я говорю... Все — как у меня: детство, опыт, надежды, любви... Все — общее.

Когда я вышел, вообразите, с гитарой, в городе Назарет, и сказал, совершенно от души, поглядев на эти лица и вслушавшись в их затухающий гул: «У меня такое ощущение, что я не уезжал из Москвы», — какая-то дама из второго ряда закричала: «Ну, конечно! Мы ж вас в апреле слушали в «Серпе и Молоте»!»

И это было дивно: я среди своего поколения, но в совсем новой обстановке. Я увидел, как мои стареющие ровесники молодо и азартно живут в условиях другой цивилизации и другой демократии — той, куда Россия сейчас поворачивает. И как они прекрасны в этом!

Причем, конечно, там масса проблем: и пятое-десятое, и кусок хлеба,

и жара, и лень, и бюрократы свои, и партийные пристрастия, и нетерпимость религиозная, и палестинцы — все есть! Но все это — в условиях свободы. Я увидел, что делают земля и воля. Я увидел еврея на земле и что он может — и пришел в полный восторг: что же тогда сможет русский, если ему дать землю и волю!

И то, что такой поворот необратим и безусловен, для меня — убеждение несомненное. И оно совершенно разнится с тем, что мы испытывали в годы хрущевской «оттепели». Наш тогдашний оптимизм не имел прочных корней...

Не случайно — муза раннего Высоцкого была романтически-веселой. А муза Галича — сразу драматической. И с оч-чень большим подозрением к текущей «оттепели». Он был человек более зрелый и опытный.

Вот, между прочим, если возвращаться к впечатлениям литературно-художественным от последнего времени, мы в эти годы получили «академических» Галича и Высоцкого. Как и очень многое, мы и их пролистали и прослушали бегло: мол, это мы уже слышали...

Но я представляю, что пройдет еще существенный отрезок времени — и вдруг акценты в восприятии их песен передвинутся и будут неожиданными для нас. Правда, я уже предвижу, как это произойдет в отношении к Высоцкому... потому что, как теперь у нас выражаются, «у меня есть свои наработки»... и еще — «у меня есть свои подвижки»...

Подвижки моих наработок — в том, что по моим меркам высокого искусства Высоцкий достиг вершин совсем не там, в чем он наиболее популярен. Говоря проще: где он хочет, а особенно — где он отчаивается сквозь смех и плачет по этому поводу — там он велик настоящему. Для меня «Нет, ребята, все не так...» — может быть, самая сильная и глубокая его вещь. А всякие суперменские его песни, многие «военные», весь этот «героический эпос» — значительно слабее...

Это — в качестве лишь одного примера, как еще могут передвинуться далеко сдвинутые наши беглые оценки — когда мы придем в себя и выберем время вернуться к тому, что так счастливо и щедро стало нам открыто и доступно, было нам подарено судьбой в эти годы.

Записал М.П.
Фото И. Бушуева

Вячеслав ПЬЕЦУХ

Я И СНЫ

Я человек, видать, не совсем нормальный, человек, немного тронувшийся на почве чреватого противоречия между образом мышления и способом бытия; достаточно сказать, что на досуге я, гексамером же, сочиняю продолжение «Одиссеи» и уже дошел до греко-персидских войн, а живу в забубенном коммунальном кавардаке, где весной и осенью капает с потолков, тараканы, как голуби, уже не опасаются человека и по утрам нужно занимать очередь в туалет. Мнится мне, что тут виновато «окно в Европу», прорубленное государем Петром Великим; так я и жил бы, как эски-

мос, и думал, как эскимос, а то я думаю, как Паскаль, а живу, как обходчик Штукин. И тем не менее я люблю свою забубенную квартиру, вообще московскую жизнь и московского человека, хотя, должен сознаться, это какая-то каверзная любовь, на слезе настоящая, — так у нас еще любят беспутных мужей и болезненное потомство, — а иной раз я, напротив, воспаляюсь решительным, буйным чувством, сродни тому, какое истерички питают к актерам кинематографа, и то намереваются утопиться, то изуродовать свой предмет. Даже принимая в расчет многие темные стороны московской жизни и московского человека, я нахожу в них столько почтительного ума, благорасположения, тонкости и души, что порой спрашиваю себя, как это такие экзотические цветы могли произрасти на отечественных суглинках, и что бы это значило во всемирно-историческом смысле, и к чему вообще склоняется это дело. Взять, к примеру, моих соседей, ну, хотя бы Колупаева с четвертого этажа: он человек тяжелый, мне в нем многое не понятно, а его склонность к паразитическому образу жизни меня даже и настораживает, но вместе с тем он мне как брат родной, так сильно в нем чисто московское, пронзительно дорогое; или возьмем Марину, которая живет направо по коридору: между нами ничего нет и не было никогда, мне чужды ее житейские установки и политическая позиция, однако если бы она попросила меня куда-нибудь переехать, я бы переехал и слова лишнего не сказал.

Я, между прочим, почему полагаю, что я человек не совсем нормальный: потому что мне аккуратно снятся чудные сны. Года так четыре тому назад меня еще баальные кошмары преследовали по ночам, то есть я падал в бездну, уходил от погони, еле волоча ноги, объявлялся в публичных местах нагим и совершал уголовные преступления, но года так четыре тому назад мне стало сниться примерно одно и то же — как будто я беседую с великими историческими людьми, давно отошедшими в мир иной; причем беседы эти происходят настолько явственно и предметно, что, бывало, по пробуждении я еще держал в уме приготовленное, непротынутое восклицание или, как в случае с Вольтером, остро чуял пряный запах его духов.

Приведу для наглядности пару снов, предположительно, наиболее ярких с точки зрения диагноста. Третьего дня я беседовал с государем Петром Великим; дело было в Ленинграде, неподалеку от Кузнечного рынка, Петр Алексеевич стоял, приналегши локтем на кованую ограду, курил фарфоровую трубку и рассматривал свои ногти; место нашей встречи считается многолюдным, но по неизъяснимым законам сна вокруг нас не было ни души, день выдался тихий, хотя и пасмурный, однако издали было видно, как в том месте, где теперь музей Достоевского, отчего-то вздымаются высокие клубы пыли.

На беду, у нас с царем не получилось интересного

разговора. Нет чтобы, положим, обратиться к нему с вопросом:

— Петр Алексеевич, скажите честно: зачем вы прорубили окно в Европу?

А он бы, положим, мне отвечал:

— Чтобы вы, сукины дети, видели, как добрые люди живут, видели и казнились.

А я ему:

— Эх, ваше императорское величество! Если бы вы знали, какие к нам неудобства через это окно надуло! Царей немецких, я извинаясь, надуло, всяких Адамов Смитов, партийность, *egalité*, наконец, всепобеждающее учение о диктатуре пролетариата. А если бы вы не прорубили окно в Европу, то мы, глядишь, сейчас жили бы тихо-мирно, коснея в древнем апостольском благочестии, словно какая-нибудь кооперативная республика Гайана, и в ус не дули.

А он мне:

— То-то и оно, что все бы вам, азиятам, коснеть в своей доисторической простоте! Тут, понимаешь, швед на носу, турок, того и гляди, державу ополовинит, а они, шпыни непотребные, затеяли свару насчет древнего благочестия, глаза друг другу готовы выцарапать за лишнюю загогулину в псалтыре! Вам бы, татарве московской, учиться, учиться и еще раз учиться, а вы кобенитесь, как невеста перед венцом!

А я ему:

— Касательно шведа, это еще вопрос. Во-первых, нам не привыкать под него идти, а во-вторых, давайте прикинем, ваше императорское величество, под кем русскому человеку спокойнее и вольготней, под культурным ли шведом или под Тамерланом отечественной чеканки? Я скажу честно: у меня нет разгадки на эту испепеляющую загадку. Потому что шведы хотя и были сравнительно варвары в девятом столетии от рождения Христа, а все же организовали у нас пристойную государственность; потому что монголы хотя и были полные дикари, а провели на Руси первую перепись населения.

А он мне:

— За такие воровские слова тебя, по-хорошему, надо повесить в базарный день.

А я ему:

— Вот-вот! У вас, богдыханов кремлевских, только один резон: как во чистом поле да перекладника. Ведь вы, Петр Алексеевич, в век классической философии, в век Лейбница и Канта, людей сажали на кол — было такое?

— Было! А как же с вами, идолами, иначе?! Ведь вы таковская нация, что вам Кант с Лейбницем не указ, вы яко тать в нощи своему отечеству, только и думаете, как бы урвать кусок, а там хоть трава не расти, одним словом, сволочь народ, ну как его не казнить! Вот если бы я родился царем в Голландии, тогда бы у меня другая была метода. А с русским отщепенцем без палки завтракать не садись!

Тогда я бы, предположительно, заключил:

— Ну, ваше императорское величество, вы вообще.. Вы, собственно, отдадите себе отчет, каким народом вы управляете, или нет?

На беду, разговор у нас с государем Петром Великим вышел совсем другой. Незадолго до того, как мне прикорнуть среди бела дня, в мою комнатушку зашла Марина; мы с ней немного поговорили о Леопольде Захер-Мазохе, а потом некоторое время прислушивались к сцене, разыгравшейся у соседей за легкой перегород-

кой; путевой обходчик Штукин, горький пьяница, с похмелья жаловался жене:

— Нет, надо кончать эту алкогольную эпопею. А то, не ровен час, помрешь через эту хань. Я ведь, Клава, больше всего боюсь помереть, как говорится, в нетрезвом виде.

— Чего так? — снисходительно спрашивала жена.

— Ну ты даешь! Да как же я пьяным предстану-то перед Богом, в нетрезвом виде, ведь это же, Клава, срам!..

Марина, послушавши, покачала неодобрительно головой и такое сделала замечание:

— Вот дурында! Живет, можно сказать, в аду, а перед Богом боится предстать в непотребном виде, опасается — хуже будет...

На этих словах я и прикорнул среди бела дня.

И вот уже Ленинград, угол Кузнечного переулка и Владимирского проспекта, Петр Алексеевич покуривает свою трубку, приналегши локтем на кованую ограду, а я подхожу к нему, млея от восторга пред лицом государя всея Руси, делаю фрунт и ласково говорю:

— Позвольте поинтересоваться, ваше императорское величество: что это у вас в трубке за табачок?

— Знатный табачок! — с удовольствием сказал царь. — Я, брат, мешаю с голландским бурлеом княстер.

— Изысканный у вас вкус, Петр Алексеевич, — подострастно заметил я. — То есть, я хотел сказать, причудливый у вас вкус. Вот вы зачем-то анатомией интересуетесь, зубы дергаете у вельмож.. А голову красавицы Гамильтон вы почто отрезали и в банке заспиртовали?

— Чтобы не забывалась: всяк сверчок знай свой шесток! А заспиртовал я ее голову от большого чувства. Я, ежели хочешь знать, вынимаю голову время от времени из банки-то и целую. Уж больно я ее, гадюку подколодную, обожал!

— М-да... — промычал я в растерянности и засмотрелся вдоль Кузнечного переулка.

— Это еще что! — между тем продолжал царь Петр. — Вот в восемнадцатом году, когда я мужиков в три шеи согнал на строительство Ладожского канала, я, брат, собственноручно оскопил одного православного, потому что у него гениталия была чудовищного размера. Отрезал ножичком его вещь и заспиртовал как диковинку, на показ петербургским дамам.

— Как хотите, ваше величество, — сказал я, — а такие ваши поступки наводят на тяжкие размышления...

Вышло так, что последние слова я произнес в другом уже измерении, наяву; был вечер, часов так семь, уличный свет, проникавший сквозь узорную занавеску, приобрел спокойную, даже квелую интенсивность, из коридора доносился резкий капустный запах — видимо, кто-то из соседей мастерил кислые щи, — будильник тикал не по-вечернему, а панически, как пульс опасно захворавшего человека; из-за того, что я упустил возможность толково поговорить с государем Петром Великим, на душе было скверно, точно я пьяным делом потерял дорогую вещь.

Марина сказала:

— Это, конечно, твое личное дело, но, по-моему, тебе нужно посмотреться у психиатра.

— Да нет, — лениво ответил я, — просто не надо спать на заходе солнца.

В другой раз, когда мне привиделась встреча с Владимиром Ильичем, меня накануне посетил Колушаев, сосед с четвертого этажа. Он уселся в единственное мое кресло, закинул ногу на ногу и спросил:

— Ну, как подвигается «Одиссея»?

Я в ответ:

— Ты мне лучше скажи, когда вернешь сто рублей долга, которые ты занимал аж на прошлое Рождество?

Колупаев вздохнул и сообщил простодушно:

— Наверное, никогда...

— Ну, кто ты после этого?! — не то чтобы рассердившись, а скорее для проформы воскликнул я. — Да паразит, банальный совдеповский паразит! Как только не совестно жить долгами, тем более когда знаешь, что не отдашь? И ведь здоровый мужик, что называется, кровь с молоком, а существует, как последняя попрышка!

— Ты тоже скажешь — кровь с молоком... — сказал Колупаев и сделал глубоко обиженное лицо. — Да во мне места здорового нет, куда ни ткни пальцем, повсюду недуг. Да я весь израненный нашей проклятой жизнью! Но главное, конечно, я в душу раненный, так сказать...

— В душу он раненный, бедолага, — съехидничал я. — Жулик ты порядочный, вот ты кто, если, конечно, не сумасшедший.

— Ну, будет ругаться-то, — предложил Колупаев, — ты лучше рассуди такой исторический феномен: от здоровых людей мир видел только крупные неприятности — приведу в пример хоть Наполеона, который точно был кровь с молоком, — а от болезненных людей — исключительно крупные гуманистические идеи — возьми Паскаля, Достоевского и многия иже с ними...

— Еще брюнеты сильно человечеству навредили, а блондины возглавили научно-техническую революцию.

— Нет, ты, пожалуйста, не шути, ты лучше послушай дальше: практически здоровым людям нужно в законодательном порядке запретить даже пальцем о палец ударить, под страхом тюремного заключения — в этом решение всех проблем.

— Хорошо: но ведь ты-то болезненный человек, что же ты пальцем о палец не ударяешь?

— Да пойми ты, наконец: я человек, прежде всего от-

равленный грозной российской жизнью, и у меня уже руки не поднимаются ни на что, в какой-то я прострации нахожусь, точно кто меня опоил! Ну, ни одна живая душа меня не понимает в этой стране, живу, как Робинзон на необитаемом острове, только без Пятницы, кошек и попугая...

На этих словах я опять нечаянно прикорнул, словно на меня нашел обморок, и во сне повстречался с Владимиром Ильичем. Я давно предчувствовал эту встречу, но, во-первых, полагал, что она произойдет непосредственно в мавзолее, то есть среди багрово расцвеченной полутьмы, в присутствии солдат, стоящих по углам саркофага, как слепые каменные изваяния, а Ленин вдруг сядет на посмертном своем одре, откроет глаза и прикажет: «Ну-с?»; во-вторых, я думал, что мы с Владимиром Ильичем о деле поговорим — предположительно я бы его спросил:

— Интересно, Владимир Ильич, на что вы надеялись, когда совершали Октябрьский переворот?

А он:

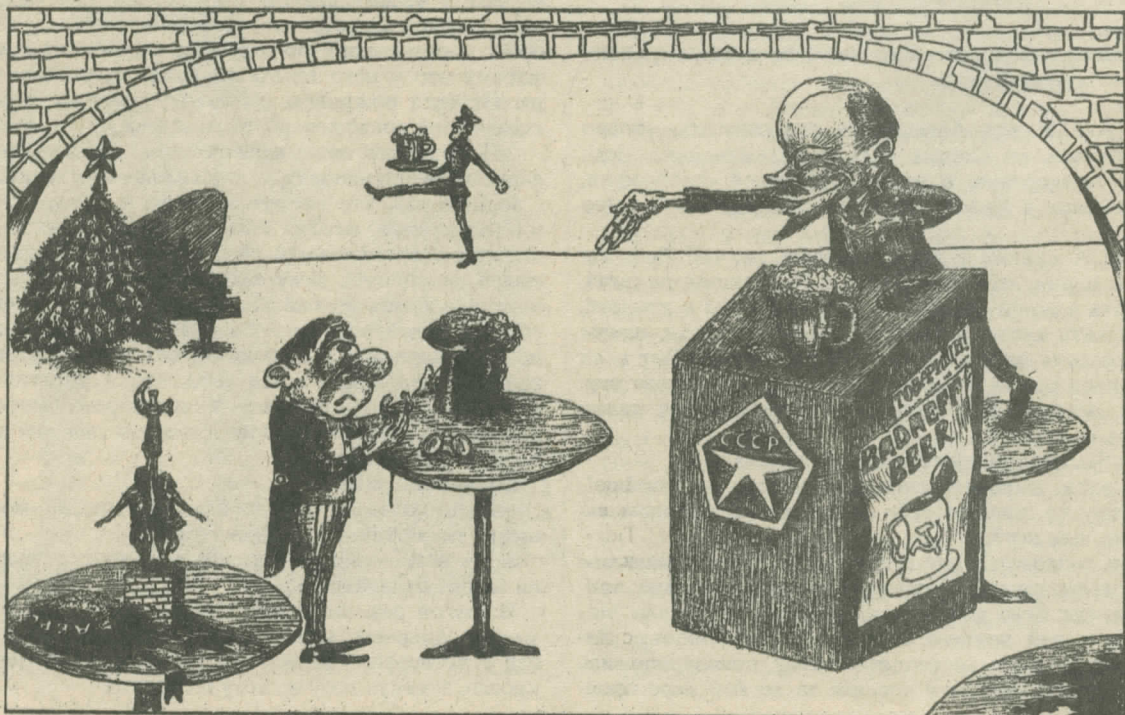
— На революционную сознательность широких трудящихся масс, которые, освободившись от векового гнета помещиков и капиталистов, сумеют организовать в обществе свободных и равных тружеников, работающих на государство, как на себя.

А я:

— Но ведь вы же материалист, Владимир Ильич, вы же стоите на том, что бытие определяет сознание, а какое в семнадцатом году было наше российское бытие: 90% крестьянского населения, безграмотного, пропитанного собственническими предрассудками, молодой и посему дурной пролетариат, развращенный уравнительными настроениями, культ насилия, разруха и нищета. Ну, какое, по-вашему, сознание может определить таковское бытие?

А он:

— Вы, молодой человек, не учитываете огромной си-

Художник А.Заяц

лы воздействия пролетарской идеологии, широкую воспитательную работу, которую развернет партия большевиков и которая способна поднять массы, зараженные мелкобуржуазной стихией, до понимания насущных задач социалистического строительства. Наконец, что такое Октябрьский переворот как не переделка бытия совершенно на новый лад!..

— А вы, Владимир Ильич, не учитываете того, что ни бытие, ни человека не переделаешь в одночасье и самая распрямленная идеология, не подкрепленная ничем, кроме призывов и деклараций, для человека якобы разумного — пустой звук. Вообще такое складывается впечатление, что вы совсем не знаете народа, которым собираетесь управлять. Вы представляете себе, чем в конечном итоге закончится эта революционная свистопляска? Не представляете... Ну так я вам сейчас подробно расскажу...

После того как я описал бы Владимиру Ильичу ход и результат социалистического строительства, он бы, наверное, мне сказал:

— Это все мелкобуржуазные бредни интеллигентика, напуганного революционной работой масс. За такой враждебный прогноз вас бы, молодой человек, следовало расстрелять по-нашему, по-большевистски, то есть без суда, следствия и на месте.

Однако на самом деле все вышло не так, как я полагал в своей отъявленной простоте. Сошлись мы с Владимиром Ильичем, как это ни странно, в пивном подвале, что на углу Пушкинской улицы и Столешникова переулка, среди характерного, какого-то конюшенно-химического зловония, диких выкриков, то и дело вспыхивающих скандалов, да еще говорили о постороннем, да еще присоседившийся к нам мужик в бросовой одежке и с таким лицом, словно голову его сначала надули, как детский шарик, а потом приспустили воздух, несколько раз вмешивался в разговор, повторяя: «А Варавва бе разбойник», и мы постоянно теряли нить.

— А правда, Владимир Ильич, — спросил я невесть зачем, — что вы любите танцевать?

— И танцевать люблю, — сказал Ленин, — и красивым женщинам симпатизирую, и к пиву баварскому сильно неравнодушен.

— Кстати о пиве: как вам нравится этот бедовый напиток социалистического способа производства, бадаевского розлива?

— Ну какое же это пиво...

— А вот такое! Из чего его делают, не скажу, но то, что оно частное следствие Октябрьской революции, — это точно. Кстати, кто такой был Бадаев?

— Да наш, партиец. В IV Думе представлял фракцию большевиков.

— Видать, неверно, превратно он ее представлял, судя по качеству пива, или это такая линия?

Мужик в бросовой одежке, внимательно посмотрев на меня, потом на Владимира Ильича, внятно проговорил:

— А Варавва бе разбойник. — И весело подмигнул.

— Так о чем мы? — примерно через полминуты продолжил я. — Ах да, о вкусах... Неизысканный у вас все-таки вкус, Владимир Ильич, уж вы меня извините. Тютчев, простенькие бетховенские сонаты, а вот Маяковского вы почему-то не полюбили. Маяковского-то за что вы не полюбили?

— Да просто я декадентчины не терплю, всяческих формалистических вывертов и гримас. В искусстве все должно быть просто, как и в политике — базис, над-

стройка, классовая борьба, — а все, что сложно, то против нас.

— Но ведь это означает, что вы, большевики, принципиально против искусства, что искусство для вас — нож острый, ибо оно в высших своих проявлениях крайне сложно. Это вообще наивный предраассудок, будто все великое «просто, как мычание», напротив — все великое очень сложно.

— Да, я думаю, впоследствии искусство будет нами отменено. В настоящий момент его упразднение было бы преждевременным, поскольку наша припадочная интеллигенция закатила истерику на весь мир, да и мы, старые партийцы, превратно воспитаны на Тютчеве да Бетховене, а молодая большевистская поросль решительно покончит с этим пережитком эксплуататорского сознания. Ведь тут налицо чистой воды эксплуатация и общественное неравенство, один сверхчеловек, понимаете ли, напишет, а простые люди, понимаете ли, читай!.. Я думаю, при социализме останется только искусство, непосредственно и откровенно пропагандирующее большевистскую идеологию, классовый взгляд на вещи, искусство как общепролетарское дело, доступное самым широким массам.

— Ну, вы, Владимир Ильич, вообще! Как хотите, а такие ваши слова наводят на тяжкие размышления...

Когда я проснулся, Колупаев уже ушел и вместо него в кресле сидела Марина, делавшая вид, что она читает «Анналы» Тацита, но на самом деле с испуганным вниманием наблюдавшая, как я сплю; видимо, у меня на лице отражались перипетии нашей беседы с Владимиром Ильичем.

Я спросил ее, протерев глаза:

— Ну чего ты опять пришла?

— Собственно, вот чего, — последовало в ответ, — объясни мне, пожалуйста, почему в Древнем Риме так ненавидели христиан?

— Потому что римляне были рационалисты. А рационалисты никого так не боятся и не презирают, как иррационалистов, каковыми были первые христиане. Ведь они не только принципиально не отвечали пощечины на пощечину, что с точки зрения римлянина, конечно, тихое помешательство, но еще и совершали разные уголовные преступления, чтобы пострадать и через страдание приобщиться к Богу. В общем, русская какая-то стилистика, недаром нас Запад терпеть не может.

Тем не менее Марина продолжала смотреть на меня с подозрительным интересом, а я призадумался вдруг о том, до чего же симпатичен московский люд, какой это милый, думающий народец, им скоро жрать будет нечего, а они себе почитывают Тацита и серьезно озабочены судьбой первых последователей Христа.

С течением времени меня до того замучили мои сны, да еще я повалился беседовать с тенью Сулова, который обыкновенно нес нудную чепуху, что я послушался Марину и сходил в наш психиатрический диспансер. Принявший меня врач первым делом не поверил, что я решил по собственной воле пройти осмотр, и даже сказал: «У вас положительно не все дома, если вы сами пришли сдаваться»; потом он, наверное, с час задавал мне наивнейшие вопросы, к примеру, очень ли я огорчусь, если ненароком сторит мое продолжение «Одиссеи», на что я ответил «Очень» — и психиатр неодобрительно сдвинул брови. В конце концов он сказал:

— У вас, пассажир, вялотекущая шизофрения.

Сказал и зачем-то откусил кончик карандаша.

— Да-аа, милый! Головатисто порешили твои родичи! С именем-то! — восхищенно щебетал старик Алексеев, сломавши тело свое о спинку Мишкиной кровати. — Эт, черт, надо ж так угодить — Михаил Горбачев! Далеко можешь пойти, парень!..

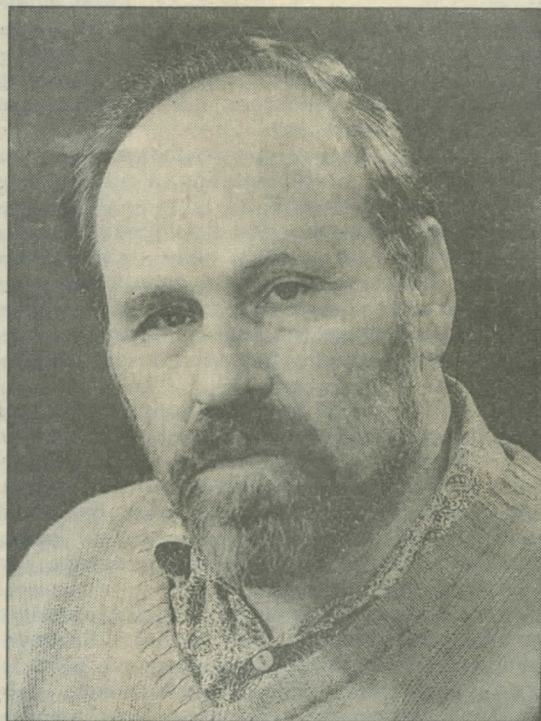
— С кровати сляг, — ворчливо приказывает ему Мишка.

Со всеми постояльцами палаты, как, впрочем, и со всеми в отделении, Мишка на строгом «ты». Алексеев, бывший разведчик, некогда отважный вояка, беспрекословно выпрямляется, и наигранная, скорее, вымученная улыбка скашивает его губы.

— На-ка вот конфетку! — добавляет Мишка, собираясь одарить старика лакомством. — Соси!

На тумбочке у Мишки вольготно открыта коробка с финскими конфетами. Он достает гостинца не глядя, закидывая руку за голову. Бросает ожидающему подношение небрежно, не особенно беспокоясь, куда оно отлетит. Алексеев неуклюже дергается в попытке словить в воздухе блестящий подарок. Безнадежно промахивается и, сохраняя видимость улыбки, лезет затем под стол, подбирает конфетку... И когда отходит к своей койке, на ходу разворачивая обертку, продолжает подобострастно ворковать под нос: «Немалая деталь — имечко! Вот умные люди ладненько вlepили!..»

Мишка вдруг вскакивает с кровати и стремительно вылетает из палаты. Хорошо откормленный, несколько даже тяжеловатый и толстоватый для своих семнадцати, с откинутой назад головой, так что взгляд его направлен вверх, к потолку, Мишка, выкидывая длинные ноги, проскакивает фойе с телевизором и натывается на сестринский пост. Со стороны может показаться, что имен-

Михаил Воздвиженский

МИШКА

но к нему и спешил Мишка, ибо он немедленно принимается шарить по полочкам, где хранились градусники, тетрадки с назначениями врачей, с жадностью роется в коробочках с готовыми анализами. Мишка достает листочки, нетерпеливо перебирает их, словно ища что-то очень важное, немедленно понадобившееся. Но он ничего не читает, лишь перепархивает взглядом с одной бумажки на другую — они его вовсе не интересуют. И он тут же бросает их обратно, заправить листки в коробки ему лень, листки разлетаются... Мишка отталкивается от деревянной стойки, оглядывается на сидящих в фойе, ловит их восхищенные, завистливые улыбки. Еще бы: сестры строго воспрещают не только притрагиваться к этим бумажкам, а раздражаются от одного проявления любопытства к ним. Независимая, значительная Мишкина фигура, провожаемая зачумленными лицами, меж тем, устремляется снова вперед. А впереди процедурная, и Мишка без стука толкает дверь. Не обращая внимания на старуху с опущенной штаниной, он проходит к шкафу с лекарствами, начинает переставлять в нем пузырьки, пакетики и, не глядя на смущенно улыбающуюся ему сестру, говорит ей:

— Таньк! Новая кассета... Послушаем?!

— Мишь! — слегка качает головой сестра. — Послушаем, конечно.

Сестра вынимает шприц из лиловой ягодицы. Старуха подтягивает быстрой рукой штанину и, задавив стыд и растерянность кривой улыбкой, спешит поскорее выскочить из кабинета. А Мишка скучающим взглядом обводит столик с кипятившимися шприцами и иглами, помятую простыню топчана... Говорить ему больше не о чем, да и делать здесь тоже нечего. И поставив оказавшийся в руке пузырек, качнувши затем около сестры свое грузное тело, что-то хмыкнув при этом, Мишка резко выходит из процедурной. Дверь оставляет открытой настежь, разом забывает и о визите, и о сестре, но ощущает спиной теплые лучи обязательной улыбки...

Вольной походкой Мишка опять движется по коридору, тело его охвачено радостным чувством значительности самого движения, каким-то особым смыслом перемещения в пространстве. Теперь Мишка заглядывает в фойе. Он любит неожиданно появиться здесь. А появившись, любит с ходу подойти к телевизору и переключить канал. И какое-то время, заслонив своим телом

экран, оценить мелькавшие картинки. «Болезные чурки», как называет Мишка любителей голубого экрана, замолкают и напряженно ждут. Завсегдатаи знают, что Мишку телевизор не интересует, что он здесь долго не задержится, — пустится в дальнейший путь... Но случается только что поступивший. Новичок... От неожиданности, от непонятности сути вояжа, он задохнется на секунду, затем рассыплется отчаянным кашлем, а придя в себя, набатно, на грани гневного матюга, разразится бранью. Мишка как бы рассчитывает на появление такого уха за спиной. Не реагируя на брань, он тогда задерживается у экрана несколько дольше. Но все это ему ужасно вдруг надоедает, и он, круто развернувшись, молча покидает стойбище чурок.

Ноги Мишки двигаются, как всегда, машинально и выносят Мишку к ординаторской. Он вхож и в ординаторскую. Фамильярно распахнув дверь, вспугнув какого-нибудь врача, курившего в душной комнате, Мишка бухается в кожаное, потерявшее форму кресло, подтягивает к себе телефонный аппарат и, не зная, какой бы номер набрать, набирает первый, попавшийся, а услышав гудок, бросает трубку обратно на рычаг. И тут же встает и вылетает вон, едва удостоив безразличным взглядом остолбенело отошедшего к окну доктора...

А тем временем у телевизора, вернув прежнюю программу, новичок, дрожа всем телом, зло спросит присутствующих:

— Что за идиот?

— Миша Горбачев с третьей палаты, — спокойно скажут ему ушные зрители, заранее зная, как быстро улетучится из новичка и воинствующая прыть, и клопочущая ярость.

жом ниже. Пожилая говорила посетительнице, возможно, дочери:

— А у нас тут лежит Михаил Горбачев! — Сам, что ли?

— Дура! Родственник... Племяш, кажись! Назвали, вишь, в честь дядьки и угадали! Видный! И похож, я те скажу, жуткое дело. Боятся его все... Встретишь ненароком — ноги так и подкашиваются...

— Показала бы, что лы! Интересно...

— Покажу... Он вообще-то простой, шастает туда-сюда...

«Турки неотесанные!» — думает Мишка, но твердо держит позу таинственности, загадочности, лишь кто-либо заговорит о нем. И врать не врал, да он и не силен был в этом искусстве, а в то же время сохранялось круговое безумие, отзывающееся в его молодой груди благодетным гулом необыкновенной какой-то приятности.

...Вот уже три года, как Мишка — четырнадцатилетний оболтус — зажил новой яркой и сильной жизнью. Особенно разительной была перемена к нему в школе, в классе. Вечный троечник, без всяких интересов или каких-нибудь талантов, он даже и товарища-то не имел — существовал, не привлекая ничего внимания, точно пенек во дворе или ненужная вещь. И вот в одночасье все изменилось. Одноклассники вместо естественного «Мишка» перешли на уважительное «Михаил», забыта была кличка «Столб»... Мишке вначале был потехою такой поворот дела, но с феерической переменю окружающих он и сам стал меняться, да и кого оставят нейтральным внимание и почести! Тем паче, что не только эти классные ублюдки вдруг принялись трогательно вы-

ГОРБАЧЕВ

— Да? — переспросит тот действительно изменившимся враз тоном. — Родственник, что ли?

— А кто его знает, — неопределенно ответят старожилы. — Вроде бы троюродный племянник...

— Как это — троюродный?

На дотошного с разных концов фойе зашикают:

— Товарищ, мешаает же смотреть! И так нить потеряна, и так кусок пропустили с этим... родственником!

И «товарищ», садясь на свой стул, еще долго будет в одиночку мучаться, силясь вспомнить плохо знакомую генеалогическую ветвь известной фамилии...

Мишка знает про эти разговоры. И хотя никакой он не родственник, разубеждать заблудшую массу не кидается. Когда, случается, его спрашивают напрямую, Мишка сурово сдвигает брови и молча с недовольным выражением лица отходит от спрашивающего, лениво размышляя о любознательных: «Дурачье! Пусть, однако, верят... Пусть хвастаются: лежу с родственником Горбачева! Чурки!..»

Пищи для подобных размышлений было предостаточно. Вот и недавно совсем, куривший на лестнице с приятелями, Мишка слышал голоса двух женщин эта-

ражать ему особое дружелюбие, но и учителя включились в состязание засвидетельствовать беспредельную симпатию. Мишка готов был обхихикаться над вчера еще чопорными «пакостниками» — он не любил педагогов, которые теперь, лишь завидя его, расцвечивали свои тусклые лица светящимися улыбочками. Даже «Крысиная Лапа» — математичка, недавно еще люто ненавидевшая его, ставила ему не меньше четырех, даже пусть Мишка и лыка не вязал. И когда Мишка, шутки ради, в листочки с контрольной, которую не успел решить, потому что не хотелось решать, вложил вырезанную из журнала картинку с трахающимися лесбиянками, «Крысиная Лапа» выставила свои четыре балла...

Метаморфоза в Мишкиной жизни совпала с огромными переменами в судьбе Мишкиного отца — Геннадия Георгиевича Горбачева, которого два года назад вдруг перетасили заместителем управляющего мощного треста, а вскоре отправили работать за границу. Уже после первого приезда отца из Багдада у Мишки появилась масса красивых нужных вещичек и он стал фигурой одаривающей. Их новая квартира ломилась от электроники, кассет с фильмами. Последние полтора года Мишка

проживал в квартире один. Попасть к нему в гости стало делом престижным.

Родители перед отъездом договорились с некоей Ларисой, работавшей в солидном ресторане, чтобы она в свои свободные три дня навещала на квартиру и не только поддерживала чистоту, но и готовила Мишке еду. Кроме того, дабы Мишку не влекло далеко от дома в поисках утех, которых к тому времени с огромной силой затребовало тело Мишки, Лариса, за особую мзду в виде заморских подарков, должна была удерживать Мишку от легкомысленных связей, избежав тем самым венерической грязи, а тем паче СПИДа.

Однажды, проснувшись, Мишка увидел перед глазами длинные ноги нагнувшейся у ковра Ларисы. Ему потребовалось всего лишь сползти со своей арабской кровати на белый пух филиппинского ковра. У Мишки сначала возникло желание ударом кулака сзади уложить для пущей верности эту кудрявую овцу, оказавшуюся неожиданно около. Но этого вовсе не потребовалось, потому что овца оказалась податливой овечкой и, почувствовав у своего затылка горячее Мишкино дыхание, развернулась к нему и, смеясь, очень непринужденно села перед ним, словно девочка в песочнице. И затараторила ему затем на ухо:

— Ну, настоящий медведь! Что же ты так торопишься, дурачок...

А еще родители побеспокоились, чтобы сынок ненароком не угодил в Афган. В последний свой приезд отец договорился с врачами, которые выбрали Мишке наиболее подходящую болезнь для будущего комиссования. Врачи определили время и больницу, где здоровый мальчик должен был для проформы с конца апреля до середины мая немножечко полежать. Невольное заточение оказалось для Мишки не столь уж обременительным: одет он в домашнее, в тумбочке у него ключи от квартиры, а звенящее молодое солнце и будто начиненный наркотиками воздух звали прогуляться по парящему асфальту, невзначай заглянуть к себе, столкнувшись с явившейся для уборки Ларисой. Жизнь, ущемленная пребыванием в мерзкой, грязной лечебнице для «советских негров», как окрестил ее Мишка, компенсировалась еще и свободой от школьных уроков, вкусной Ларискиной едой, которую Мишка употреблял под достойную ленту с девицей в главной роли, что очень ненадолго появлялась в легком халатике, а в остальное время уже не обременявшей себя никакой упаковкой. Нередко Мишка спал днем под колыбельный лепет все той же Ларисы, а возвращался в палату только к вечеру, прихватив с собой свежие кассеты с записями, батарею бутылок с соками, которые давила Лариса из свежих фруктов, не забывая и флягу с виски или коньяком.

Выход из больницы был запрещен. Нянька-держиморда, поставленная у дверей, как-то преградила ему дорогу с криком: «Куда? С какой палаты? Как фамилия?» Ну, сказал он ей, какая фамилия и с какой он палаты. И пока стражница выясняла, наблюдал, как раскрылась vareжка у служивой, а уже шагая по переулку, прикидывал: «Vareжка больше не заглохнет, гнилые зубы больше не сойдутся в зацеплении...»

Выспавшись дома, Мишка любил после отбоя, когда в отделении оставались одни сестры, навещать на ночь глядя во вторую палату — молодежную, — куда стекались и сестры, и молоденькие постояльцы женских палат. Мишка ложился на чью-нибудь койку, остальные подсаживались на краешки кроватей. Мишка включал магнитофон, раскидывал по сторонам конфеты, жева-

тельную резинку, сигареты и поддерживал, как фигура центральная, любой разговор.

— Лучше всего живется спортсменам, — говорил Колька, занимавшийся боксом. — Сборники, сам видел, приезжают на тренировку только на мерседесах...

— Спорт — рай для избранных все же, — резонно замечал Сережа. — Сейчас самое простое — утвердиться рок-группе...

Все загалдели разом:

— Да у нас и нет приличных ансамблей. Фуфло какое-то...

— Все одно: будь здоров, гребут денежки!

— «Лотос», что ли, или «Браво»?

— И они...

Но Мишка не любит долгих разговоров на одну тему.

— У тебя язва знаешь почему? — спрашивает он вдруг Серегу. — Магния в организме не хватает!

— Не магния, а кальция, — осторожно поправляет его Сережа.

— Ну, кальция, — соглашается Мишка. — Какая разница...

Вмешивается сестра Таня:

— Язва не от того... Язва от повышенной кислотности!

Галина Продувалова, которой очень нравится Мишка, помогает ему перевести разговор:

— Ребята, сходите на выставку! На Грузинскую... Глаз не хватает! Штемберг, Брускин...

— У нас в подъезде живет Нехерман...

Света, которой тоже нравится Мишка, которая млеет, если он задержит на ней свой быстрый взгляд, игриво спрашивает Мишку:

— Мишь, а твои родители антисемиты?

Мишка какое-то время вспоминает, что означает это слово:

— Откуда? Просто они ужасно не любят евреев...

— Мишь, а ты куда пойдешь?

— Куда... В международный!

— А кто смотрел картину «Мир секса»? — восклицает Андрей, почечник. Все загораются интересом: «Про что?» — Там подбирают пары, кому что подходит. Одним подошло нечто фантастическое: они сосут друг у друга большой палец ноги...

— Смотрел, — перебивает Мишка. — Мало извращений...

— А я тут достал книгу «Трое в одной постели»... Думал, про извращения, а это оказалась брошюра о клопах...

Возвращался Мишка с посиделок поздно... Курил уже в палате. Вспоминал чарующие мгновения всеобщего обожания. Хорошо!.. Но в палату на освободившееся место Нечипоренко, крутившегося шестеркой перед Мишкой, положили некоего Сворогова, как потом выяснилось, главного инженера строительного управления, человека плохо управляемого даже Союзом нерушимых республик...

Сворогова с двусторонним воспалением легких привезли поздно вечером и почти в бессознательном состоянии сбросили на койку Нечипоренко. Температура 39 и страшный кашель так утомили Сворогова, что он после укола погрузился в тяжелый, сумрачный бред, но где-то среди ночи очнулся, почувствовал озноб. Он открыл глаза и увидел, что кто-то, перегнувшись у подоконника, курил. Сворогов полусшепотом попросил:

— Товарищ, закройте, пожалуйста, окно...

Куривший будто не слышал его, смачно сплевывал в пространство больничного сада обильную слюну.

— Товарищ, — еще попросил Сворогов. — У меня температура... Холодно же. Ночь...

Тщетно. Сворогов услышал лишь очередной плевок. Заворочались соседи, закашляли, кряхтя и сося кто-то зашлепал в туалет. На Сворогова и на курившего никто не обращал внимания. Меж тем, докурив, темная фигура отвалилась от окна, оставив его открытым, шагнула к койке напротив и опустила там на ажнувшие пружины. Но тут же поднялась и загремела бутылками. Сворогов увидел, как детина с толстой шеей принялся высасывать содержимое бутылки. Отдышавшись, он с бутылкой рванулся к двери, но вдруг остановился и громко, нарочито громко, как показалось Сворогову, гаркнул в темноту:

— Давай, разведчик, налью тебе напиток! Подставляй стакан!

— Ох, Миш, — закричал лежащий у двери. — Я же, дорогой, снотворного нажрался, целую горсть...

— Давай! Какое еще снотворное... Сок из ананаса. Небось, никогда и не пробовал, старый хрен...

Разбуженный старик нащупал в темноте стакан. Забулькало...

— Кому еще? Осталось немного... Ну, быстро!

— Наливай, Михаил! — попросил бодрый, молодой голос.

Снова забулькало. Дитина опять бухнулся на матрац и загремел ящиками тумбочки. Федор Иванович Сворогов поднялся на локте:

— Окно закройте за собой!

Но дитина, конечно же, не услышал его. Сворогов понял, что это вызов, что, судя по всему, не обойтись без неприятного разговора с этим паханом палаты... Сворогов тяжело поднялся, захлопнул створку рамы и быстро нырнул обратно под одеяло...

Весь следующий день температура не спадала, давил кашель, от него резало внутри каждую жилку. Шум в палате, какие-то резкие звуки доходили до сознания Сворогова тупо, размыто. Он впадал в бред, сквозь который помнил лишь приходы сестры да тяжесть своего тела, когда приходилось подниматься, чтобы выпить таблетку или повернуться для укола.

Когда Сворогов пришел в себя, то первое, что он увидел, было открытое окно и курящий у окна дитина. И хотя Сворогова захлестнула неприязнь к фигуре детины, петушинуму зачесу, крашеным волосам и крепкому затылку, Федор Иванович спокойно спросил:

— Что же это вы курите в палате? Как же это?

И вновь фигура не пошевелилась. Сворогова передернуло. Агрессивная масса давила своим неумолимым пренебрежением. А Мишка, докурив, стрельнул окурком, скаркнул в окно, выпрямился и отправился к своей койке. Окно не закрыл.

Что-то ужуло в груди Федора Ивановича.

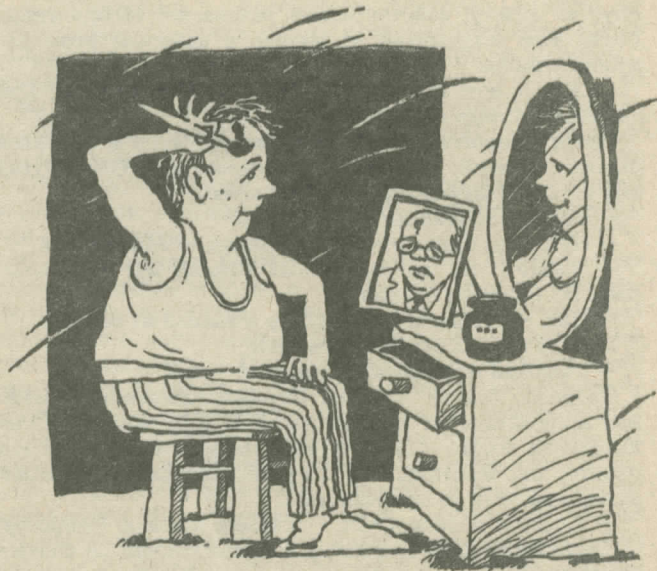
— Окно закройте! — жестко приказал он.

— Не люблю, когда клоп за спиной капляет! — бросил Мишка, что-то шаривая в тумбочке.

— Что?! Я кому сказал! — Сворогов натягивал пижаму.

— Сам закроешь! — спокойно, с полным безразличием к собеседнику еще проронил Мишка.

Даже не амикошонское «ты», а веселость, снисходительный тон особенно укололи Сворогова. Он встал. Руки его тряслись. То ли от слабости, то ли от волнения. На ватных ногах он подошел к Мишкиной кровати. Мишка только что растянулся на ней.

— Немедленно закрой окно и больше не подходи к нему!

Мишка махнул ладонью, словно отгоняя комара:

— Отойди, не свети тут...

Какая-то черная пелена на миг застлала глаза Сворогова. Руки его оказались на спинке Мишкиной кровати. Он приподнял эту кровать вместе с хозяином и опустил. Мишка смешно кувырнулся и тут же вскочил на ноги.

— Ожил, фраер! — сказал он сквозь зубы и метнулся от койки. Сворогов, думая, что он бросился к окну, посторонился, но Мишка обогнул его и, свалив стул, молниеносно выскочил из палаты.

— Ничего, вернется — закроет! — сказал Сворогов.

Но поднялся сосед его и с обиженным лицом подошел к окну, притворил створки, аккуратно опустил шпингалеты.

— Что за ухарь такой? — спросил Сворогов палату.

— Мишка Горбачев! — бросил старик, которого Мишка угощал ночью.

— Прозвище, что ли?

— Почему... Михаил Горбачев...

— Родственник?

— Кто его знает! Разное говорят...

— Что за дела? Подумаешь, родственник! Да пусть хоть сам бы лежал!.

Сворогов невольно улыбнулся, представив столь фантастический вариант. Полезли на глаза щели между панелями, подтеки на потолке, заросшие черной липкостью тумбочки, вспомнился грязный туалет, заплыванная раковина...

А тут еще начался врачебный обход, и пустая Мишкина кровать не удивила врачей. Они даже не посмотрели в ее сторону... Возник Мишка после обеда, но не один. С ним вошли двое: долговязый годок и девица. Сворогов вдруг поймал себя на том, что тайком рассматривает Мишку, ища сходства... Остановил себя: «да пошел он...», достал газету, врубился в какую-то статью, стараясь не слушать громкого разговора, но вздрогнул, когда Мишка включил магнитофон. Сосед Сворогова, тоже читавший, крутнулся, но продолжал читать. В следующий момент раздался звон стаканов и запахло коньяком. Сворогов

опустил газету: действительно разливали! Невероятно! Гости уже закусывали, и Мишка с набитым ртом радужно угощал.

— Жрите вот: венгерская! Мне финская надоела... Как замачка! Ну, еще по одной? Верк, как?

Сосед Сворогов встал, поправил постель и собрался выйти с книгой, но Мишка остановил его. Он набухал ему стакан и протягивал со своей койки:

— Виктор, возьми на грудь! Дерни!

— Нет, — вежливо отказался Виктор. — Мне нельзя...

— Хмыря, что ли, испугался? Видали мы этих хмырей... Не обращай внимания!

— Нет, — твердо сказал Виктор и вышел из палаты.

Мишка махнул рукой и приказал:

— Включай на полную громкость!

Сворогов сел на кровати. Оглядел компанию... Пацаны! Жаловаться на них стыдно, а махать руками... Сомнительная честь — одолеть этих молодцов... Но вот так просто, как Виктору, ему не уйти. Спектакль разыгрывался в расчете на его реакцию...

— Слушай, заполошный, — сказал, вставая, Сворогов. — Выключай свою шарманку и мотай отсюда со своими гостями! Ясно?..

— Вы слышали, что он сказал! — закричал Мишка перебивая. Уж точно: он только и ждал каких-то слов от противника. — Роман, ты слышал?

Роман слышал. Лицо его передернулось. Он вскочил и бросился на Сворогова:

— Сука! Придушу!

И так уж вышло, что он легко сбил Сворогова, навалился на него и в самом деле быстро добрался своими огромными руками до горла. Сворогов прозевал бросок, не столько испугавшись верзилы, сколько по причине весьма странной. Ему вдруг почудился в лице повернувшегося детины некий дефект. Губы парня были неестественно искривлены, глаза наполовину закатаны, сместившиеся зрачки смотрели куда-то в сторону. Да и навалился он каким-то раскоординированным толчком, тяжело гыкнув, словно ему было больно от своих же телодвижений. Именно по причине болезненности, оправдывающей, а скорее всего уже не раз оправдавшей подобные необузданные выходки, успел подумать Федор Иванович, парень и вызван был Мишкой для устройства скандала. Едва ли Сворогов ошибался, ибо Мишка даже не шевельнулся, даже не смотрел в ту сторону, где «работал» верный исполнитель его воли...

Словом, эти детали нападения, приковавшие внимание Сворогова, не позволили ему вовремя вывернуться из-под детины. Но лишь почувствовав на горле своим цепкие лапы наемного палача, Сворогов, которому много раз приходилось оказываться в ситуациях куда опаснее, безнадежнее нынешней, захватил пальцами ребро ладони противника, а локтем правой руки надавил на левое предплечье детины. Простенький, но очень эффективный прием самбо — ломалась кость предплечья нападающего — сработал мгновенно. Навалившийся немедленно вскочил, ничего не понимая. В расширенных его глазах Сворогов увидел ужас. Он поднялся вслед, в упор посмотрел на этого Романа. Нет, нет, он не ошибся. Перед ним уже было не лицо, а страшная белая маска: щеки мелко подрагивали, губы свело начисто, только из уголков рта вытекала, пузырясь, слюна. Выдохнув нахлынувшее зло, Сворогов перевел взгляд на Мишку. Тот как ни в чем не бывало подливал девице питье. Глаза его были беспечны и веселы...

— Негодяй, подлец, — только и смог выдавить Сворогов, разом поняв, что ничего не объяснишь уверенному в себе, бездумному и бездушному существу...

Сворогов вышел из палаты и пошел искать врача. Врач слушал его молча и почему-то старался не смотреть на него. Потом так же молча вышел из кабинета и направился в другой — заведующей. Жестом показав, чтобы Сворогов обождал его в коридоре, он скрылся в кабинете. Появились они вместе с заведующей и прошли мимо Сворогова.

— Я же просил вызвать милицию, — сказал Сворогов им в спину.

Но ни врач, ни заведующая не прореагировали. Они вошли в палату. Гости Мишки сидели у кровати, продолжала греметь музыка.

— Выключи, пожалуйста! — попросила заведующая. Мишка приглушил звук. — Миша, гостей можно принимать только в часы посещения, — каким-то ровным и мягким голосом сказала заведующая.

— Так остался-то час всего! — Мишка протянул к заведующей руку с часами. — Час! И что такого?

— Хорошо, — заведующая обернулась к врачу. — Что у нас в первом боксе?

— Одно место свободное, но там этот старик...

— Ничего! — заведующая нашла глазами Сворогова, стоящего у двери, и отрывисто сказала ему: — Перейдите в первый бокс. Палата на троих, лучшей у нас здесь нет...

Заведующая собиралась выйти из палаты. Сворогов обомлел... Бутылка с коньяком стояла на тумбочке, да и пахло же им невыносимо! Сворогов пошел вслед... Он еще старался объяснить, что там в палате хулиганы, что подобного нарушения режима ему и видеть не приходилось, что... Его не слушали. Он бросился к автомату, дрожащей рукой набирал номер за номером, пока не ответил дежурный отделения милиции... Выслушав сбивчивый рассказ, дежурный недовольным тоном пояснил, что по вызову больных они не приезжают, что вот именно заведующая и должна вызвать, ну в крайнем случае главный врач, вот к нему и лучше всего обратиться! Сворогов бросился искать кабинет главного. Секретарша развела руками: уже ушел, надо было раньше! И потом она не понимает, почему он не обратился к заведующей отделением. Давайте я позвоню Татьяне Наумовне, давайте все выясним...

— Не надо звонить, — сказал Сворогов. — Заколдованный круг...

— Тогда напишите заявление, главный врач завтра разберется!

«Я напишу! Я такое заявление напишу! Только не главному! — разгоряченно думал Сворогов, направляясь к себе в палату. — Я напишу министру!»

В палате Мишки не было. Сворогов принялся собирать свой нехитрый скарб. Вернувшийся с гастрокопии Желебов, еще один постоялец палаты, человек степенный, с красивой сединой, увидя, как дрожащей рукой Сворогов запикивает в сумку вещицы, сказал ему:

— Что уж так волноваться из-за сопляка! Это уж чересчур...

— Так вместо того, чтобы выгнать этого фашиста, переводят меня! Они тут пили, курили, а им даже замечаний не сделали...

Желебов, измученный процедурой, устало усмехнулся:

— Хах! Замечаний!. Однажды к Василию Андреевичу вызвали дежурного доктора, так Мишка прямо-таки за-

мордовал этого доктора! Дверью он, видите ли, хлопнул! У нас дверь хлопает... Мишка ему: еще раз дверью хлопнешь — больше не войдешь!

— И что же врач?

— Выходил — дверь осторожненько попрдержал...

— Ничего не понимаю! Ну, фамилия, ну, имя... Ну и что?

— Как ну и что? — зашевелился на своей койке Алексеев. — Надо уважать авторитеты...

— Да при чем здесь авторитеты?! — воскликнул Свиногов. — Вы что, в самом деле?

— Терпят же другие, — вздохнул Алексеев. — А если он родственник? Может, здесь за ним кто-то присматривает, тайно охраняют...

Свиногов хлопнул себя по ляжке:

— Ну, ребята! Да если б он был родственником, он... Во-первых, он бы здесь не лежал...

— Я вот тоже так думаю, — согласился Желебов. — В этой дыре не место родственнику...

— Ну! — Свиногов даже обрадовался рассудительности хоть одного из этих дуболомов. — А во-вторых, не стал бы грубо вести себя настоящий родственник. Я тоже уважаю самого... И не думаю, чтобы он до такой степени распустил своих близких...

— Да сам-то, небось, в Кремле засиживается допоздна, — рассудил Алексеев, поднявшись на подушке. — Где ему еще воспитывать родню! Послал сюда тайную охрану, чтобы не залечили да не прижимали с дисциплиной, да и забыл о пацане за делами...

— Какая тайная охрана, господи! Напишу в министерство, пусть разберутся...

— Я бы не решился, — уныло сказал Алексеев. — И тебе не советую. Да и не век же с ним жить! Выпишешься, да и забудешь...

— Не дело связываться с пацаном! — мрачно сказал молчавший до этого Виктор. Сказал, как толкнул.

— Пацан. Бандит! С именем...

— Положим. Но скандалить в больнице — последнее дело! Да тут скандалить-то можно по любому поводу. Двое разговаривают, а третьему, допустим, тошно слушать... Так что: глотку затыкать?

— Ну, вы сравниваете! Они меня чуть не придушили!

— Так изначально же был уже конфликт. Так ведь? Меня лично тоже трясет от музыки. Передавил бы всех...

— Музыка, хах! — хмыкнул Желебов. — Я вот как-то лежал в двенадцатиместной. У одного переносной телевизор, у другого магнитофон, а третий с приемником не расставался. Иной раз все трое включали! Не уступали друг дружке... Уйдешь в коридор, сидишь...

— В больнице иначе нельзя. Я и говорю... Нельзя давить! — Опять вы не о том! — с горечью молвил Свиногов. — Не замечаете нелепости: мальчишка, паразит хозяйничает... Добро, был бы человек... Имя, видите ли!.. И скольких он еще обидит, он же привыкнет... Ну, смолчу я, а кто остановит мерзавца?

— Кто-нибудь остановит, — сказал на это Желебов. — Если не родня. А если из родни, то и вам не удастся, уж поверьте!

— Плевал я... Не то время! Напишу, будь он проклят!

— Лес пошлют валить, — усмехнулся Алексеев. — Некому валить...

— Да-а, ребята! — Свиногов порядочно устал с ними. — Хорошо, а ежели кто из вас закурит аль закеросинит в палате? Что тогда?

— Правильно, — согласился Желебов. — Будь он обыкновенным, никто бы не потерпел. Но коли врачи терпят... Нет, все-таки тут что-то есть! Связь какая-то... Иначе не объяснишь...

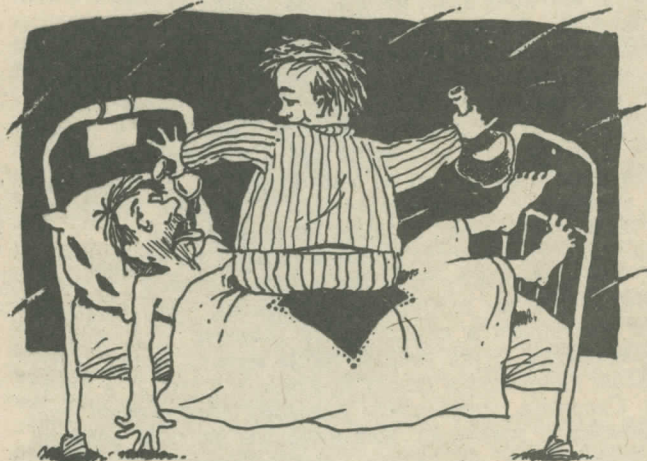
На душе у Федора Ивановича стало тоскливо, пусто, а, поди ж ты, заронили же какой-то липкий страх в душе эти мудрецы...

— Ладно, — сказал напоследок Свиногов. — Пойду устраиваться. Напишу... Такой уж заводной характер... Все кипит в душе...

В боксе лежали безнадежные старики. Один беспрепятственно стонал, Свиногов и раньше, проходя по коридору, слышал эти стоны... Старики как будто и не заметили нового постояльца, а Свиногов решил немедленно заняться заявлением. Он был отходчив и по опыту знал, что может написать подобное заявление только вот в таком назлектризованном состоянии. В прихваченных с собою документах нашлась чистая бумага. Свиногов устроился на тумбочке. Писать было неудобно. В голове шумело. Он начал так: «Лежал я в палате, где одновременно был положен некий паразит по имени Мишка Горбачев...» Прочел и немедленно разорвал. Переписал: «... некий пациент, который третировал всю палату. Почему же его терпели? А потому, что фамилия его была, возможно по случайному совпадению, — Горбачев...»

Под страничку попали крошки, почерк сбился, полез каракулем. Федор Иванович с удовольствием стал менять газету, не спеша снова расставлял локти на тумбочке... И решил перечесть написанное... Перечел и немедленно смял листок. Нет, фамилию надо подать, когда будет изложена суть! Иначе не станут читать, фамилия остановит, вызовет интерес не к Мишке, а к нему, к Свиногову... Он переписал все снова. Снова перечел. Третировал, пил, курил... А ежели устроят проверку, то, пожалуй, никто не подтвердит же! Свиногов вспомнил вдруг, что, переселяясь, то есть пройдя всего несколько шагов по коридору, он видел молодых парней, они о чем-то шептались, но все обернулись и проводили его настороженным молчанием, а шедшая навстречу девица обожгла уничтожающим, ненавистным взглядом. Что же касается мудрецов, то они наверняка заклеят его как скандалиста и кляузника.

Свиногов измял и эту страничку. Хотел было выбросить в корзину, но в следующее мгновение расправил

все испорченные листки, вырвал из них те места, где торчала Мишкина фамилия, положил эти мелкие клочки в карман, чтобы уничтожить их отдельно, тщательно. Стонущий старик, видимо, наконец, заметил нового постояльца, перестал стонать и, радостно оживившись, сказал:

— Никто не подходит ко мне... Вот помираю, а от чего — не знаю... Сестры молчат, а врачи и сами, небось, не знают...

Палата погрузилась в полумрак. Кто-то говорил за дверью. Сворогову показалось, что говорят о нем. Потянуло к двери, подслушать... «Надо зажечь свет, я, похоже, схожу с ума!»

— А каково нынче международное положение? — осведомился старик. — Меня увозили. — было взрывное, только чиркни спичкой!..

«Не ровен час, убьют! — еще подумал Сворогов. — Мишка подошлет нового дурака, тот ткнет шилом... Судя по всему, это его дружки судачили в коридоре!.. Его, ясное дело...»

— Порежь мне лимон, — попросил старик. Сворогов встал, нашел на тумбочке лимон. — Нет ли у тебя надежного знакомого, чтоб он мне принес бутылочку хорошего портвейна! Я бы дал десятку-то...

— Стонете, а портвейн!

— Так надо ж взбодриться! Ты посмотри, нос у меня не заострен?

— Нормальный нос... Как это?

— Нос заострен — к покойнику! Эх, взбодриться бы сейчас!..

— С выпивкой сложно... Где он теперь — портвейн. Да еще хороший!..

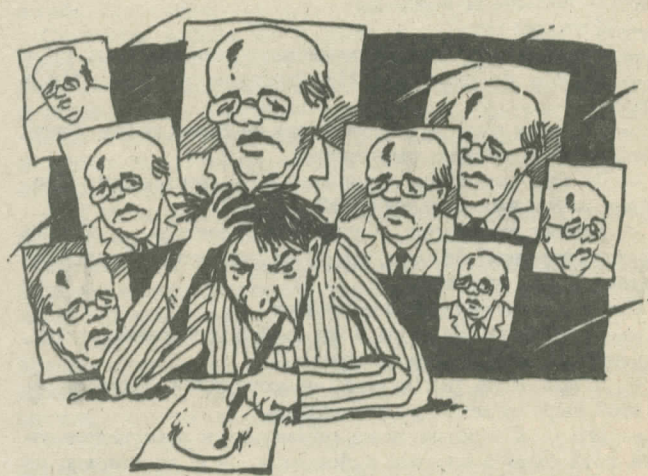
— Я, слава те Господи, попил! Не в ущерб, однако, делу! А поработал! Гвоздей столько вбил, сколько у всех вас волос на голове! Письмо нечто пишешь? Ну, пиши, я не буду мешать...

Сворогов включил свет и сел за работу. «Надо все изложить без фамилии! Да я мог и не знать... Опишу случившееся — и все!» Он обрадовался интересному ходу и поспешил воплотить его на бумаге.

— Чай, бабе письмо-то! — мечтательно заметил старик. — А я вот уже выгрел. Однако многих завалил! Все собирался подсчитать общее количество... А сколько девок упустил, жуткое дело! Но теперь уже все — выгрел! Во, слышь, заурчало? — старик указал на соседа. — Под себя ходит... А нянька придет только завтра, всю ночь будет месить... Эх, пошла работа!

Хотелось бежать от дурного запаха. Сворогов оторвался от рукописи. Перенапряженное, затравленное сознание осветилось вдруг чрезвычайно ясным прозрением: ведь наказали-то не Мишку, а его! И очевидная абсурдность его положения ввергла Сворогова в отчаяние, вдохнула воинствующий дух. Он решил писать, не оглядываясь ни на какие обстоятельства. Без фамилии не обойтись — пусть она звучит! И никакой Мишка не начинающий фашист, а вполне оформившийся!

... Сворогов разогнул усталую спину. Оба старика спали. Федор Иванович тоже лег, с удовольствием протянул ноги. И тут же погрузился в тяжелый бред. События дня ворочались в вязкой массе каких-то восклицаний, перемещений, стука дверей, грома музыки, телефонных гудков, лопающихся белых пузырьков у губ. И в бреду же Сворогов, удивившись ужасному напряжению дня, вспомнил о заявлении. Неимоверным усилием воли он заставил себя выбраться, выкарабкаться из бреда, протянуть руку, нащупать листок... С маниакальным

упорством он перечитал текст и снова испугался. Словосочетание «Мишка Горбачев» приковывало взор, гремело. Не существовало за ним ни конфликта, ни фигуры Мишки, да вообще ничего не читалось, выпирало лишь одно — Имя. Меж тем автор выглядел безоглядным, безудержным злопыхателем, лукаво использовавшим незначительное больничное событие, дабы ядовито опорочить, осквернить Имя. Сворогов устало закрыл глаза. Заиграли новые видения, среди коих Имя обернулось живой фигурой, она готала, строила рожи, приплясывала, а то становилась серьезной и сурово спрашивала: «Кто фашист? Мишка Горбачев? Это ты, падла, фашист!» И следом люди, перепоясанные ремнями, закричали: «Вот он! Глумился гад!» И толкнули его в пустой коридор. И Сворогов увидел себя с гаденькой, просящей улыбкой, потерянно, упавшим голосом объяснявшим им: «Позвольте, я же преданный сторонник... Речь же идет о подонке, мальчишке...» Но в это мгновение раздалися шаги, и Мишка, подойдя к нему, свалил его ударом кулака, а затем стал рвать одежду, приговаривая: «Доигрался, хмырь! Куда, сволочь, дел свою бумагу?»...

Сворогов очнулся, увидел в руке зажатое заявление. Над ним стояла сестра. Она, видимо, тормозила его:

— Укол! Давайте быстрее...

— Нельзя ли форточку открыть? — попросил он ее.

— Вы в боксе же находитесь! Хотите отправить стариков на тот свет?!

Она спешила поскорее уйти. Сворогов тоже было рванулся немного подышать... Но снова услышал там чьи-то голоса... И остался на месте. Натянул с головой одеяло, чтобы отфильтровался смрадный воздух. И под одеялом, тяжело дыша, разорвал свое смелое заявление. И, сжав в кулаке клочки, затих, ловя каждый звук, доносившийся из коридора...

1987 г.

Художник В. Иванов

Герман ДРОБИЗ

КТО ЖЕ РУССКИЙ?!

— Слушай, Москва — столица России, а кто в ней живет? Кто? Еще двадцать лет назад по переписи было триста тысяч евреев, полмиллиона кавказцев, полмиллиона украинцев, сто тысяч татар и так далее, и тому подобное, в общем — два миллиона нерусских. Но это не все! Половина из них или жената на русских бабах или замужем за русскими мужиками, и все дети записаны русскими, что дает самое меньшее еще полтора миллиона. Но и это не все! Дети уже выросли, и опять половина в браке с русскими, и опять дети записаны русскими — вот тебе еще полтора миллиона, да еще сколько понаехало за эти годы, итого, по моим самым скромным прикидкам, из девяти миллионов москвичей уже шесть миллионов нерусских! А через два поколения их будет все девять миллионов, а русских останется десять человек в Политбюро да полсотни в патристических изданиях, и то еще большой вопрос, потому что сионисты не могли не внедрить своих агентов числом до половины штатного расписания.

Я тебе простую вещь скажу. Предложу тебе простую вещь: выйди на Тверскую, бывшую Горького, большого, кстати, их друга. Выйди, встань на тротуаре и считай в толпе: сколько пройдет черных и сколько светлых. Притом учти: настоящие русские брюнетами не бывают. Ну, разве только, как я — редчайшее исключение. Исключение, сам знаешь, подтверждает правило. Вот ты стой на тротуаре хоть полчаса и посчитай. Я считал. Я тебе даже не хочу называть результата. Если назову, мне плохо станет. Я разрыдаюсь, я напысь с горя, а они скажут: «Ага, глядите, опять этот патриот напился!» Видишь, как у них все продумано: дедов моих спаивали, отцов моих спаивали, а теперь им, видите ли, странно, что я пью.

Я тебе еще проще скажу. Не надо выходить на бывшую Горького. Сядь дома, открой справочник телефонный, посмотри, сколько там русских фамилий. Ах, у тебя его нет, такого справочника? И у меня нет. И ни у кого нет. Теперь подумай, почему они его перестали выпускать. Да потому что он их выдаст! Потому что там должны настоящие фамилии стоять, а не псевдонимы. Но ты сможешь примерно представить общую картину, если достанешь справочники творческих союзов. Они их для служебного пользования выпускают. И для самих себя. Как будто народ не имеет право знать, кто ему делает его искусство. Но у меня есть, я тебе покажу.

И ты увидишь, кто они такие, кто на афишах и на обложках Яковлевы и Захаровы, Лазаревы и Александровы. Да если бы их везде и всюду начали объявлять под настоящими фамилиями, ты с ума бы сошел: кто делает русское искусство?

А проблему с кремлевскими курсантами знаешь? Это паренки, которые печатают шаг к Мавзолею. Со сталинских времен заведено: только рязанский облик. Светло-русые, слегка курносые, румянец во всю щеку. В общем, ребята — кровь с молоком. Так вот, в последние годы не могут набрать. Представляешь — со всей России не могут собрать сто курносых! Вот такой генофонд.

Кто-то удивляется: как так, наши призывы хранить чистоту крови как зеницу ока не находят всенародного отклика... А кому откликаться? Все записаны русскими, а настоящих русских скоро начнем завозить из Канады и Австралии, где они еще сохранились.

Тут один гаденыш из мasonicкого журнала спросил, не возражаю ли я, если он немного займется моей родословной. Ну, я ему дал в морду и сказал: если он полезет копаться в моей родословной, рыться своими грязными лапами в моем происхождении — я его вообще убью. И ей-богу убью — потому что вдруг окажется, что и я нерусский? Но кто же тогда русский, если не я?!

АМИНЬ!

Сейчас, когда со всей остротой встал вопрос об имуществе Коммунистической партии, ей приходится нелегко. Эмоциональных аргументов в свою пользу у нее не густо, а юридические сомнительны. Того и гляди, Советская власть начнет отбирать у партии ее владения. Уже кое-где идут иски в суд.

Но есть у партии замечательный выход. Надобно ей срочно признать себя религиозной организацией, какой она в сущности и является: ведь вера в коммунизм наряду с верой в загробную жизнь и небесный рай ничем пока не подтверждена.

И вот как только КПСС объявит себя религиозной организацией — извините-подвиньтесь! Если мы возвращаем церквям соборы и молельные дома, по совести ли будет отбирать у партии ее храмы — райкомы, горкомы и так далее? Партийные школы и дома политпросвещения по сути — духовные семинарии — и тоже неприкосновенны. Неприкосновенна и переходящая в статус религиозных изданий партийная пресса.

Правда, как всякая другая церковь, КПСС должна будет отделиться от государства. Полагаю, можно и отделиться, лишь бы сохранить хозяйство, завоеванное в революционных боях.

Я люблю Сережу Рябчука и Сергея Бардина — вот только не знаю, кого больше.

Лет 12—13 назад Пахра (естественно — Красная) принимала «творческую молодежь столицы». Писатели, на изрядном удалении от остальных, размещались в двухэтажном домишке с окнами в сад. Шел мокрый снег. В столовой по вечерам подавались котлеты, за забором в продмаге продавался карась. Жареный. Золотой. Мы разделились на едоков котлет и любителей карасятины.

— Здравствуй, дорогой! — вечно улыбающийся Рябчук, привстав на цыпочки, шепчет мне в самое ухо: — Караси!..

Мы идем по лужам, высоко поднимая ноги: шлеп-шлеп, как по воде хвостом.

Бардин не столь улыбчив. Самодостаточен и дисциплинирован. Жест и фраза словно слились воедино.

Это поразило еще в ранних — «Работа: день шестой», «Целый день город» — рассказах, настоящая проза, без дураков. Несколько на обочине. На такую не всякий клонет,

и слава Богу.

Москва. Февраль-91. Мы пьем «Ркацителю» морщась. Вино — дрянь. Вместо карася на тарелке — целый корабельный остов: карп. Но что с того Бардину... Рябчуку... Уставший, издерганный вконец, машет руками, повторяет вслед за своим «соседом Витей Кутузовым» из «Чуда о груше»:

— Нет, работать... не хочется! Не хочется! Остается одно — запустить кому-нибудь в физиономию...

Сейчас Рябчук — далеко: где, если не в «танцующей, тающей, навсегда уходящей от нас минуте скоротечного времени»? Бардин — напротив — тут, под боком, и на нескольких машинописных страницах, предназначенных для «Столицы» и переданных мне на его проводах перед отлетом. Не отправляться же нам «по котлеты»? — спрашиваю я его.

И слышу в ответ:

— Ну уж нет!

Владимир САЛИМОН

Сергей БАРДИН

ЧУДО О ГРУШЕ

Сосед мой, Вася Кутузов, искренний человек, говорит:

— Ненавижу работать. Не могу, и все. Не хочется мне. И ведь знаю, что надо, и привычка есть, и деньги позарез — как всем, а работать не могу.

В тридцать лет Вася весь какой-то рыхлый, серый, ношенный и жухлый, как старое пальто. Глазки его за годы дикой юности посерели и выцвели. Щетина на щеках его твердая и такая корявая, что кажется — она растет внутрь «морды лица», как он сам об этом предмете высказывается. Весь вид у него зыбкий, будто он постоянно мерзнет, и это так и есть, он постоянно мерзнет. До майских праздников, до Дня Победы Вася Кутузов носит кроличью шапку со спущенными вниз ушами. Вдобавок Вася левша и тяжело переживает этот факт.

Вечерами он выгуливает собаку по кличке Барыш. Кобель Барыш достался Васе в наследство от жены Ирины Петровны, бежавшей во Владивосток со старшиной морских водолазов. Собака осталась у Васи вместе с комнатой, на которую холодно наплевала беспечная Ирина так же легко, как она привела в дом когда-то сперва грязного кобеля, а потом и старшину морских водолазов, которому негде было ночевать. Барыш — давний кандидат в шапки-ушанки, и спасают его лишь редкое безобразие, злобность, свалывшийся мех и хромота. Кобель Барыш как-то удивительно вяжется с общей Васиной наружностью, с его щетиной, его шапкой, штанами и курткой. Вдвоем они имеют вид выписавшихся из медвытрезвителя, то есть вид бедолаг, которых сперва били в очереди за водкой, потом опоили, потом обобрали и бросили в скверике, потом «свинтили» милиционеры и долго трясли в коробочке, потом раздели

догола, застудили, еще раз обобрали, обрядили в мокрую одежду из общей кучи и выкинули на улицу, дав на прощание пинок в зад и счет к оплате.

Вместе с Васей мы сегодня паримся в бане. И тут, в парной, становится видно, что он молодой еще, голый, гордый своим телом и горячий на мышцы, крепкий мужичонка. Париться он здоров — тут уж ничего не скажешь. Но чего-то уже нет в его теле, и внутри у него чего-то трясется. Хворость в нем какая-то душевная и слабость. То есть слабость настолько, что он даже и бегства жены-то толком не заметил бы, говорит, кабы Барыш не стал скулить, выть, врать и проситься по своей малой собачьей надобности во двор.

Смысл его душевной слабости можно обрисовать примерно так.

Утром встанешь: день синевой налит, обшарпанная стенка дома напротив играет в солнечных лучах нежным белым светом. Влажная штукатурка розовым паром парит. Листья тополей спяют и льются, словно прохладные волосы молодой девушки. И шелест ветвей, и солнце, и птички поют, и люди идут по делам, и лето, и Бог знает еще что — а Вася Кутузов про все это слышать не хочет. Жить ему, видишь ли, неохота, а о работать и вообще речи нет. Нигде, никак, ни дома, ни на заводе, ни в деревне у матери, ни в шарашке, ни в бригаде. Что угодно, говорит, делал бы, лишь бы не работать. На операцию бы, говорит, лег. Руку-ногу бы дал отрезать, только бы не работать. Однако делать нечего — приходится ему работать, чтобы жить, жрать и пить.

И вот недавно идет он как-то утром на работу. Сердце у него жмет, испарина лоб покрывает, зевота страшная. Вообще настроение такое: «Спать хочется, а жить

— нет». Прохожие оборачиваются, думают, что это человек с большого похмелья или с ночной смены тащится. А Вася идет и бормочет: есть в моей жизни какая-то червоточина, а какая — понять не могу.

Не хватает же ему одного — чуда... Чтобы такое приключилось, небывалое, чего еще сроду никогда ниг-

де ни с кем не приключалось. А вот с ним, с Васей, чтобы приключилось. Вася не знает, что баснословные библейские времена уже позади, но что чудеса все еще есть, хотя они расколоты, как зеркало, на множество мелких осколков.

И вот идет Вася Кутузов по улице и видит, что прямо

у тротуара торгуют с лотка грушами. Человек пять всего народу. Ящики стоят, столик, весы. Все как положено. Солнце светит, трава растет. И очень тяжело отчего-то на сердце. И от этой сердечной тяжести Вася вдруг встает в хвост очереди. Чтобы сразу на работу не ходить. К тому же, как всякий человек, он хочет хоть по одному разу справить праздник летней еды: пожевать сладких спелых груш.

У столика за весами стоит среди ящиков продавщица — здоровенная такая тетка с бородавкой на мягком лице. Могучая тетка в белом грязном халате — будто двух обыкновенных женщин в один халат засунули. Под халатом у нее ватник, на голове мужская теннисная кепка. И видно, что во всем этом ей тесно, узко — атлет, а не баба.

К ней беспрестанно какие-то свои с разных сторон подходят, и она им отвечает без очереди спелых желтых груш из спецажика. Дело известное — чего тут рассказывать. А очередь движется помаленечку.

Перед Васей стоит сутулый и сухой старик в плаще из какой-то потрясающей хламиды, словно бы он этот плащ ножницами из мешка выстриг. Суровый такой старик, стоит себе и молчит. Подходит его очередь.

— Два кило, — говорит он тяжело и глухо, словно в колокол бьет.

Продавщица из верхнего ящика завешивает ему в красной пластмассовой миске два килограмма совершенно зеленых груш. Старик тогда берет у нее миску из рук и, ни слова не говоря, высыпает ей груши через стол обратно в верхний ящик. Одна груша упала на асфальт с деревянным стуком, покатила. Старик тяжело наклонился, но грушу поднял.

— Вы мне дайте вон тех хороших груш из ящика, желтеньких, а? — хрипло говорит он.

Продавщица прокашлялась, как певица в опере, раскрыла рот и начинает на старика орать. Дело известное, нечего рассказывать. Она позорит его, кричит на него то басом, то со взвизгами и, видно, не понимает, чего творит.

А Вася Кутузов понимает. Потому что он видит, как этот старый мужчина, или вернее старик, ее слушает. Он ее как бы вновь слушает, с удивлением и вниманием. И видит Вася, как опустил он голову и присмирел, что даже погрузнел он как-то. Лицо у него сделалось такое печальное-печальное, как на иконе, а шея — жилистая такая шейка — почернела и жилами набухла. И в руке он ту поднятую с асфальта грушу сжимает. Груша эта зеленая и твердая, как черенок лопаты, а старик ее в кулаке жмет, и видит Вася Кутузов, что давит он ее, словно мягкую губку морскую, и что с нее зеленый сок капает зелеными слезами. Того и гляди, старый этот ее вообще в мокрую кашу размажет в руке.

Продавщица же только в сласть вошла и все орет:

— Ишь, орхидея какая, жидамасон, апостол чертов! Желтых груш ему, а этого не захотел? Кто там следующий?!

Старик все молчит. Потом поднял голову, тяжело, очень по-человечески вздохнул вся впадой грудью своей — и бац! — вдруг размокшей этой грушей прямо в лоб ей под кепку и залепил. Через весы, под козырек, что называется, — «между рогов».

От неожиданности она замолкла и оцепенела вся. И очередь молчит. И Вася молчит. Все смотрят и молчат. И старик молчит.

Тогда продавщица с грушей во лбу спрашивает его совершенно другим голосом, строгим и писклявым, как

у учительницы.

— Гражданин, — говорит она. — Вы почему это мне грубите?

Так прямо и сказала.

Старик голову повесил и что-то там бормочет в свое оправдание. И, не поднимая глаз, говорит:

— Ты мне все-таки завесь этих желтеньких груш, а?

И тогда продавщица — вот где чудо! — завешивает ему два килограмма совершенно спелых желтых груш из своего спецажика. Старик подставляет свою сетку, и продавщица бережно, по-женски их ему туда перекладывает. Старик говорит:

— Спасибо тебе. — И расплачивается.

А она ему дает сдачу и говорит:

— Пожалуйста. Заходите еще.

Он кивает ей величественно и уходит. Странный такой старик. Ушел.

Очередь Васи Кутузова. Он говорит:

— Два килограмма груш.

Продавщица вытирает рукавом лицо, отворачивается и, как ни в чем не бывало, кидает в пластмассовую миску несколько деревянных зеленых груш. Вася глядит на груши, на продавщицу, и его охватывает большая дума.

А не взять ли мне, думает он, в левую руку раздавленную эту грушу — благо старик ее как нарочно оставил у весов — и не засветить ли ею снова продавщице в лоб? Вася не знает, он колеблется. А продавщица со следами грушевых шкурок на лбу терпеливо ждет. Она смотрит то на Васю, то на груши. И Вася вздыхает глубоко, но не решает.

Тогда продавщица ставит на весы миску, полную зеленых груш, и завешивает их Васе. Кидает их ему в пакет. Вася Кутузов расплачивается и идет на работу.

Идет он и не понимает, отчего же она тому старику отвесила желтых груш? От неожиданности? Или, может быть, он у нее всегда так покупает? Или она кого-то признала в нем? Или, может быть, нам всегда так надо было у них покупать — чтобы прямо в лоб?

Идет Вася и поздние сожаления его гложут: надо, надо было ему тоже продавщице грушей засветить. Тогда она, быть может, ему завесила бы желтых тех, благоухающих груш. И чувствует вдруг Вася, что ему смертельно хочется съесть спелую грушу. До стона хочется, до боли, до звона в ушах — съесть, сожрать сладкую сочную желтую грушу, пахучую, нежную. Как в детстве хочется — высосать ее до кожуры, до палочки, до каштанчика. Аж до остервенения хочется.

— Чувствую, — говорит голый Вася, когда мы с ним выходим из моечной в предбанник и открываем пару пива, — что тянет меня жить, раз такое дело. Раз есть еще на свете желтые груши. И есть еще кому дать продавщице в лоб. Хочется мне отмыться в бане, постричься, одеться во все стираемое и глаженое со складочками, в рубашку новую с пуговками, костюм, шляпу и ботинки чистые из шкафа достать. И квартиру прибраться хочется. А может быть, даже жениться.

— А работать? — спрашиваю его прямо, делая первый большой и сладостный глоток.

— Работать? — переспрашивает он и на минуту глубоко, искренне задумывается, отставляет в сторону бутылку, прислушиваясь к себе изнутри. — Нет, работать все равно не хочется, нет. Он осторожно опрокидывает бутылку над лицом и начинает быстро-быстро глотать холодное жидкое пиво.

О Льве Консоне почти ничего не знаю. Знаю только, что, шестнадцатилетнего, его посадили в 1944 году по обвинению в антисоветской деятельности. Знаю, что лагерный опыт у него богатейший, не приведи Господь. Знаю, что эмигрировал, живет в Иерусалиме и как будто работает токарем. Пишет рассказы. Одни — короткие, в пять строк, другие — длиннее. И те, и другие называет почему-то повестями и рассылает разным своим знакомым в конвертах. Выглядят эти рукописи-письма

странно: первая страничка, скажем, из ученической тетрадки, вторая же представляет собой оторванную обложку какого-нибудь журнала, в качестве третьей (если дело доходит до третьей) используется вообще клочок газеты. Короче, Лев Консон, видимо, чудак...

Так, как пишет о лагерях Лев Консон, о них не писал и не пишет никто. Его книга «Краткие повести», вышедшая в парижском издательстве «Ля пресс либр», открывает нам художника сильного и самобытного.

Бесстрастность изложения и какой-то наивный взгляд на страшные картины лагерного быта обманчивы. Напротив: автор книги передает трагическое средствами скорее поэтическими. И я не берусь судить, что перед нами — поэзия или проза. Примерно так же писал перед смертью наш лучший военный поэт Юрий Белаш — пронзительно, страшно и легко.

Впрочем, судите сами. Перед вами — «повести» Льва Консона.

Андрей МАЛЬГИН

«ПОВЕСТИ» ЛЬВА КОНСОНА

СЕРЕЖКА

Сережка очень любил отца. Сережка знал, что отец пишет что-то. Тетрадь у него такая была. Потом арестовали. Там и умер. Мать замуж вышла. Отчим хороший, военный, но Сережка никому, даже маме, не говорил про тетрадь. Когда исполнилось четырнадцать лет, он решил бежать через границу с тетрадью в Турцию.

К нам привезли его из малолетки. Разглядеть его было невозможно. Он весь утонул в телогрейке, в калошах, в огромной пограничной фуражке. В мастерской стоял токарный станок, так начальство пожалело Сережку (хоть он и политический) и поставило его учиться работать на этом станке, все легче, чем на общих. Станок большой, Сережке ящик под ноги ставили, чтоб доставал. Так и работал, стоя на ящике. Лагерь уголовный. Мразь тон задавала, мразь отборная, но ведь вот и она жалела. Во сне Сережка мочился, кричал, а его не ругали, не смеялись над ним. Кому б еще такое позволили? Неровный. То съжится, молчит, его не видно, не слышно, а то вдруг разговорится. Разговорится так, что не остановишь. В нашем бараке язвенник умирал. Умирал медленно. Иногда вечерами он играл на гитаре. Играл изумительно, играл так, что даже падаль дышать боялась. Однажды он играл что-то бодрое. Сережка подсел рядом и вдруг запел. Мордаха оказалась лихой,

задорной, а нос совсем курносый. Он сиял, и всем хорошо было.

У него с легкими что-то получилось, слабые они были. После работы я приходил к нему. Иногда он не унавал, метался, бредил. А иногда лежал тихо с открытыми глазами. Как-то он сказал мне: «Я, наверное, в бреду говорю невесте что, а вы рядом все сидите, вас не подослали ко мне?» Я не сердился, на него нельзя было сердиться. Я сказал: «Чудак ты, Сережка. Ты хороший парень, но за уши я тебя все равно оттащу. Вот увидишь. Как только на ноги встанешь». Он слабо улыбался.

Умер он. Потом мать приехала с отчимом. Гроб цинковый привезли. Да только без толку все это. Не отдали им Сережкино тельце.

Тельце его не отдали.

МИША КРЮЧКО

Это просто название такое важное. Центральный тайшетский следственный изолятор. На самом же деле это всего-навсего длинная землянка (вроде овощехранилища), оцепленная колючей проволокой и дощатым забором. По углам — вышки, ну, и все как надо. Начальником изолятора был Дегтярев (дрянь мужичок), а вот коза у него была хорошая. Паслась во дворе. Утром нам хлеб давали, кто-нибудь из зэков в форточку высовывал пайку, и коза тотчас подходила. Тут же к ее рогам привязывали письмо, или курево, или еще что (я как-то гимнастерку привязал) и стучали в соседнюю камеру, чтоб там так же хлебом приманили и забрали передачу или постучали бы в другую стену, чтоб посылка шла дальше (до своего адресата). Пару месяцев коза нам служила, а потом стукачи ее продали. Дегтярев ее к вышке стал привязывать после этого. Связь на этом не прекратилась. Переписка продолжалась, жизнь шла своим чередом. Была вражда, была любовь, люди космос понять пытались, стихи сочиняли, ревновали, с ума сходили, люди истину искали, люди к Богу шли, люди тапочки шили.

Раз в неделю для мытья полов нам давали веник, тряпки и теплую воду. Я с нетерпением ждал этого дня. В тряпках попадались лоскуты разных цветов. Я выдер-

гивал из них нитки и вышивал целые картины болгарским крестом (иголку делал из проволоки, которой веник был связан). А еще я музыку писал, но не знал нот, так что пришлось свои придумывать.

Каждый из нас знал все, что делается в других камерах, а вот псарня целый день шныряла от камеры к камере. Подслушивала, подглядывала, по два раза за смену перерывала все, раздевала нас догола, даже в зад заглядывала — и ни разу врасплах нас не застала. Я все это к тому, что изолятор вроде был и небольшой, а в нем целая жизнь была. Я не могу рассказать, куда мы добро свое прятали во время обыска, как письма переправляли и где бумагу брали. Не могу рассказать и многого другого. Не могу рассказать, потому что изоляторы продолжают стоять на страже интересов трудящихся, а трудящиеся продолжают сидеть в них.

Я лучше расскажу вам то, о чем все знают. Я расскажу вам о Мише Крючко.

Камера моя находилась как раз напротив дежурной, так что когда приводили новенького, то я первым узнавал о нем больше, чем кто-либо из нашей изоляторской братии. Я слышал, как новенького обыскивали, какие вопросы ему задавали, что и как он отвечал, а если его еще и стригли, то тут уж совсем становилось интересно, значит, ээк свеженький, только с воли.

Помню, принесли черпак темной жижи, ужин то есть, и только взялся я за ложку, как в коридоре послышались шаги, да не вертухаевские, а робкие, наши. Кажется, двоих привели. Потом их обыскивали, стригли, спрашивали. Я прижался ухом к двери, затаил дыхание и ловил каждый звук. Люди — это так интересно. Люди — это целый мир, а я так соскучился по нему за полтора года своей одиночки.

Стецив Василий, совсем молодой, говорил с украинским акцентом. Бендеровец. Другой, постарше, наверное, тоже украинец, но говорил без акцента. Фамилия Крючко, звать Мишей. Статья политическая, но не бендеровец. Долго с ними возились, а потом вдруг загремел ключ в замке моей камеры, дверь открылась так стремительно, что я еле успел отскочить. Затем дверь закрылась. На пороге стоял человек лет двадцати пяти — двадцати семи. Широкоплечий. Глаза впалые, черные. Лицо волевое. Гимнастерка на нем, галифе, ноги обмотаны тряпками и в галошах. Это был Миша Крючко, а Стецива повели в другую камеру. Привели их вечером, так что ужин им не полагался. Я предложил Мише разделить еду со мной, но он ничего не ответил. Он сел у порога на пол и стал рассказывать то, что его давило, то, что не рассказать он просто не мог.

Он летчик. Одно время учился с Василием Сталиным. Преподаватель называл Василия сундуком, и, наверное, за это его посадили. Группа курсантов написала заявление в защиту преподавателя и тоже оказалась в тюрьме. Десять месяцев длилось следствие, а потом немец подошел к Москве. Кому-то нужно было летать, и Мишу выпустили на фронт. Воевал, получил Героя, и конец войны их авиационная часть встретила в Венгрии. Все бы и дальше было хорошо, но был у них майор Зеленский. Он считал, что после войны нужно жизнь строить иначе, что старый порядок себя изжил; он говорил, что это раньше коммунистическая партия была прогрессивной, теперь же она тормозит развитие страны. Ради лучшей жизни нужно убрать эту партию. Зеленского окружали люди, вели споры. Они себя прогрессистами называли. Потом был суд. Зеленского и еще нескольких офицеров расстреляли, а остальным дали предельные

срока.

Так Миша попал в Тайшетский лагерь.

За зоной, у самой речушки, начальство решило построить водокачку. Нагнали людей. У Миши было высшее образование, ему доверили должность вроде прорабской, так Миша возглавил строительство водокачки.

Недалеко за оцеплением стоял поселок. Местные ребята рыбу в речушке глушили аммоналом. Миша достал у ребят взрывчатку и сделал четыре гранаты. О побеге он думал с первого дня и поэтому к людям присматривался. Желающих идти в побег набралось человек пятнадцать. Готовились тщательно, и все, что нужно было взять, распределили между собой.

В назначенное утро, по дороге на работу, Миша дал предварительную команду: «Ведро взяли?» (Ребята зажгли бикфордовы шнуры.) Затем Миша опять крикнул: «Взяли?» Гранаты полетели в конвоиров. Всем нужно было бежать в лес, но из соседней просеки прогрохотала автоматная очередь, многие испугались, и бригада плюхнулась на землю.

До леса добежали только пять человек: из Маньчжурии русский эмигрант, кореец. Витек блатной, Стецив Василий и Мишка Крючко. У них был нож, была коробка спичек и пустая банка из-под консервов. Остальное осталось там, у ребят на дороге. Бежали целый день, все им лай собачий слышался. Сил не было, но страх гнал дальше, вглубь, в тайгу. Еды не было совсем, лягушек, и тех в тайге не оказалось. Рвали ягоды, грибы. На четвертый день маньчжурец сказал, что сердце у него останавливается, что дальше идти не может. Ему дали несколько спичек, показали, где север, где юг, и оставили под лиственницей. А тут сентябрь, дожди, начались холода. Спички кончились. Пришлось в банке пробить отверстие и в ней поддерживать огонь, подбрасывая гнилушки и размахивая банкой на шнурке, как священник размахивает кадиллом в церкви. Где-то волки выли, но вид у бегущих был настолько дикий, что они не решались подойти ближе.

Как-то кореец съел гриб и обезумел. Всю ночь кричал, лез в костер и лишь под утро потерял сознание. Витек сказал: «Ну что, калеку сумасшедшего оставлять в тайге? Вы идите, я добыю его. Добью, чтоб не мучился».

Ребята пошли. Вскоре Витек догнал их и сказал, что теперь не до шуток, что все умрем, если не съедим корейца, что все равно нет его в живых, что случаев таких полно было. Ну, а если вы такие умные да чистенькие, то подышайте, я один в живых останусь.

Они съели корейца.

Это было во втором месяце побега.

А потом они боялись казаться слабыми, боялись спать, они друг друга боялись. Пожалуй, в самом выгодном положении был Миша, так как только он знал, как выбраться из тайги. Как-то Витек шепнул Мише, что дела совсем плохи, что нужно что-то думать, иначе все погнем.

Вечером моросил дождь, холодно было. Миша крепко обнял Витьку (чтоб спать теплее было и чтоб чувствовать, когда Витек за ножом ползет). Нож Витек положил за пень, но Миша изловчился и затолкал его под корень. Стецив сидел у костра и пытался тряпками связать рассыпающийся ботинок. Горел костер, и Миша уснул. Проснулся Миша от страшного крика. Костер догорал, Витек лежал на спине. Стецив допиливал ему горло ножом.

— Что ты делаешь? — закричал Миша.

— Если бы не я, так он бы меня...
— Да ты откуда знаешь? Кто сказал тебе?
— Бог мне это сказал, — прошептал Стецев. И зарыдал.

Моросил дождь. У дымящихся коряг лежал Витек.

У дымящихся коряг на коленях молились Богу бендеровец Стецев и Герой Советского Союза Миша Крючко.

Теперь боялись они друг друга пуще прежнего. Спать совсем не могли. Берёд Богом в дружбе клялись, клялись не убивать друг друга. Клялись и молились, молились и клялись. А потом вдруг кончился лес, вышли они на опушку, село увидели. В поле женщины работали. Опустились на колени, стали Бога благодарить за спасение. В поле картошка оставалась в буртах, питались ею. Вели себя осторожно, но что-то местные заметили. Пришлось от греха подальше в глубь леса уходить, а те с собаками да с ружьями лес прочесывать пошли. Рыскали целые сутки, да Бог миловал.

В пятнадцать километрах от поселка нашли они избу. Жила там старушка, она приютила ребят. В погребе картошки было полно, так что жить было можно. А им бы только весны дожждаться, весной они на Украину пойдут. Там в лесах бендеровцы. Стецев места знает... Днём из избы не выходили, а если воздухом подышать да поразмяться, так только ночью.

Как-то шли они по дороге, луна светила. Вдруг лошадь, запряжённая в сани, в санях старик. Они остановили лошадь и сказали старику, что убить его придется.

— Что вы, Бог с вами, сынки. Нам тут все уши прожужжали про вас. Говорят, враги народа, а мы сами такие же враги. Все село у нас из ссыльных. Вон картошка померзла на полях, а мы голодные сидим по избам, тошнотиками давимся. Свое же красть с полей приходится, да только мерзлое и ночью. И я отрубил восемь лет в лагерях за эту самую за политику. Грех на душу не берите, сынки.

— Ладно, не тронем, езжай, батя, но только помни: молчи.

Через сорок минут ввалились в избу милиционеры, комендант, и к старушке:

— Где они?

А она:

— Нет у меня никого.

На нее матом и по щеке.

Она ни в какую. Ее опять по лицу да за волосы. Комендант оттащил милиционера от старушки и говорит:

— Ну, не убивать же ее, суку, пусть власти сами с ней разбираются, а мы давай дом обыщем.

В снях это было, а погреб под ними. Там и нашли их в картошке.

Вечером во время смены дежурства присутствовал Дегтярев и еще начальник следственного отдела. Дегтярев показал на Мишу и говорит:

— Это, товарищ майор, людоед.

Майор сказал:

— А как бы ты, Дегтярев, поступил?

— Что вы, товарищ майор; я б скорей повесился.

— Не ври, Дегтярев. Это судьба так повернула. Вся разница меж вами та, что они стали есть человечину на втором месяце, а ты б стал жевать ее на втором дне.

Несколько секунд длилось молчание. Потом Дегтярев засмеялся. Засмеялись и дежурные — видно, понравилась им шутка начальника.

Художник К. Рыбалко

Евгений ПОПОВ

18—19 мая этого года на итальянской книжной ярмарке в Турине был проведен международный симпозиум на тему «Юмор и повествование», где известные литераторы и деятели культуры разных стран анализировали под этим углом зрения творчество Сервантеса, Беккета, Вирджинии Вульф, Воннегута.

Большой интерес у публики и резонанс в итальянской печати вызвало выступление нашего соотечественника, автора «Столицы», прозаика Евгения Попова. Тема его, вероятно, покажется многим неожиданной:

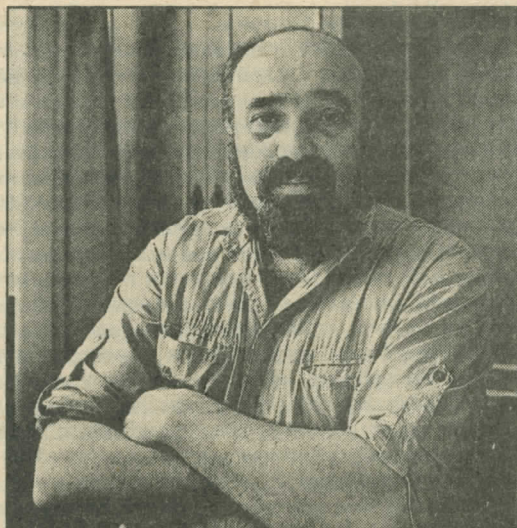

Фото Ю. Штукина

СОЛЖЕНИЦЫН И ЮМОР

Я хочу опровергнуть распространенный взгляд на Солженицына, как на мрачного автора, находящегося вне сферы юмора и лишь вещающего с высокой горы грозные, вечные истины.

Вряд ли я выскажу здесь какие-то новые мысли, однако у меня много наблюдений. Ведь я — практик слова, и для меня наблюдение важнее, чем мысль. Ибо «*бывает нечто, о чем говорят: «Смотри, вот это новое»; но э т о уже было в веках, бывших прежде нас*», — как справедливо выразился Екклесиаст.

Итак, Солженицын...

Роль его в русско-советском менталитете огромна. Перефразируя идиотский тоталитарный лозунг прежних лет «СТАЛИН — ЭТО ЛЕНИН СЕГОДНЯ», можно смело ухмыльнуться: «СОЛЖЕНИЦЫН — ЭТО ЛЕВ ТОЛСТОЙ СЕГОДНЯ».

Достаточно сказать, что его, антикоммуниста, сочувственно цитирует президент страны, он же, по совестительству, Генеральный секретарь КПСС. Шутка пятнадцатилетней давности: «Кто такой Брежнев?» — «Мелкий политик эпохи Солженицына» — похоже, стала былью.

Однако и сейчас, когда айсберг подпольной русской литературы всплыл и под руководством «добротного царя» Михаила Горбачева наступило время туманной свободы, мнения о Солженицыне продолжают, как и прежде, оставаться идеологизированными, хотя, пожалуй, и с обратным знаком, а фигура его по-прежнему окутана облаком легенд и мифов.

Показателен случай с его последней работой «КАК НАМ ОБУСТРОИТЬ РОССИЮ», где он размышляет о будущем нашей страны. Прочитав ее, я наивно полагаю, что слово его будет подобно призыву Ганди, кото-

рый сумел приостановить вражду в своей стране после того, как Индию покинули англичане. Но нет, на Солженицына посыпался мусор взаимоисключающих нападок. Одни говорили, что он-де шовинист, другие упрекали его в том, что он ратует за развал советской империи. «Посильные размышления», как сам Солженицын характеризует свое сочинение, по тоталитарной привычке были восприняты как некое УКАЗАНИЕ, то есть реальную персону писателя и его живое слово вновь заслонил миф о нем.

Преданный в своей стране анафеме, Солженицын после его высылки из СССР в 1974 году воспринимался значительной частью «левой» интеллигенции Запада как мракобес, обскурант и изоляционист, однако французские «новые философы» (Андре Глюксман, Анри-Бернар Леви) именуют себя «детьми Архипелага ГУЛАГ».

Лично для меня политика — всегда грязь, и пускай ею занимаются специалисты, не забывая мыть руки перед обедом. Публицистика же для меня по сравнению с прозой и поэзией явление не второго сорта, а просто сорта, вида иного. Публицист, политик, проповедник интересуют меня как персонажи, и я считаю прискорбным, что о Солженицыне не говорят в первую очередь как о писателе, художнике.

И все конфликты, все легенды и мифы вокруг Солженицына связаны в первую очередь с непониманием того, что он — художник. Только художник. Но разве есть на земле чин выше звания художника? Какое бы кредо ни декларировал художник, как бы ни был он увлечен бренным и преходящим, его творческая натура побеждает любую теорию, в том числе и его собственную. Ибо художник, писатель имеет единственную функцию — служить медиатором между Богом и грешной землей, которую топчет человек. Так и юмор Солженицына лишь

Печатается с сокращениями.

на первый взгляд воспринимается как некое отклонение от его творческой системы, на самом же деле он органично входит в жизнь его произведений, да и просто в жизнь. Ну, разве не смешно, когда громадная страна ждет УКАЗАНИЙ от того, кого еще недавно распинала на страницах газет, от человека, который волею судеб и советского правительства живет за тридевять земель от места событий, среди лесов американского штата Вермонт? Если не смешно, то лишь оттого, что юмор наш сугубо специфического свойства.

Каждый человек одинок, если у него есть душа. И каждый писатель с годами становится все более и более одиноким, ибо одиночество — явный признак независимости писателя. Солженицын — одинок, и юмор — это его связь с внешним миром.

Он и на самом деле писатель и человек «властительный», «властитель дум», как говорили про популярных литераторов в XIX веке, или «он изъясняется, как человек, власть имеющий» — как говорили про Христа.

Солженицын в определенный момент действительно взял на себя «всю боль мира сего». «Архипелаг ГУЛАГ» — это его Нюрнбергский процесс, в котором он принял на свои плечи тяжесть и покаяния, и искупления, что оказалось не под силу целому народу. Одновременно «Архипелаг» — это грандиозное действо, где его автор попеременно играет роль судьбы и подсудимого, адвоката и прокурора, свидетеля и соучастника. Он — хор, и он — личность, голос которой звучит одиноко, гулко и непреложно.

Христос и вдруг — смех, смеховое начало! Парадокс? Но наша страна — это страна парадоксов. У нас и «правый» — это нечто иное, чем на Западе, и «мракобес», «изоляциялист» Солженицын на самом деле представитель того русского сознания, которое было открыто Западу и представлено такими людьми, как просветители-кушцы Шукин и Третьяков, имя которого носит лучшая в нашей стране картинная галерея, или Петр Столыпин, царский министр, пытавшийся осуществить земельную реформу. Это — делатели, заложившие фундамент новой русской культуры, но не успевшие построить здание перед тем, как грянул взрыв 17-го года. Однако и в этой «открытости» присутствовали элементы «смехового отношения», сознание того, что идеал и реальность разделены длинной дистанцией.

И еще. Не следует забывать, что «Архипелаг ГУЛАГ» имеет подзаголовок «ОПЫТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ». Я думаю, здесь ответ на тот вопрос, который задает и сам Солженицын в своей книге: почему Запад, уже имея свидетельства о происходящем в СССР геноциде против собственного народа, обнаруженные людьми, чудом бежавшими из этого ада, не ужаснулся, не возмутился МАССОВО, как это случилось после публикации «Архипелага ГУЛАГ»? Мне кажется, сухие свидетельства, какими бы кошмарными они ни были, не трогали человеческое сердце, ибо воспринимались как преувеличение, и нужен был именно ОПЫТ ХУДОЖНИКА, который вдохнул жизнь в факты, отдал им свою кровь, внутреннюю энергию, создал литературное произведение, которое вышло из народа и вернулось обратно в народ.

Итак, Солженицын и юмор...

Перечитывая «Архипелаг ГУЛАГ», я обратил внимание на одно фото, где лагерный охранник в казенной добротной овечьей шубе обыскивает худого, оборванного Солженицына в куртке, на которую нашиты номера заключенного.

И я подумал — о, Боже, — неужели ОНИ еще и фотографировали людей, делая это свое постыдное дело? И как Солженицын сумел извлечь фотографию из тех миллионов бумажных папок, которые и по сей день большей частью «хранятся вечно», как это отштамповано на обложках этих дел?

Только потом я узнал, что фото это сделано уже на воле, после выхода из лагеря, что это как бы инсценировка, выполненная для пущей наглядности, а может, и просто для мрачного веселья, чтобы тем самым еще раз продемонстрировать презрение бывшего раба к «хозяевам жизни», которые долгие годы держали его в темнице, но не смогли убить.

И его скорбное лицо на фото — да это же ведь маска, трансформация. И эта жалкая одежда — смахивает на лохмотья шута, который говорит правду королям.

Так мне стал раскрываться парадокс, странный даже для страны парадоксов и заключающийся в том, что страницы «Архипелага...», напитанные кровью, вдруг иногда взрываются сухим пороховым смехом и смех этот — извините за банальность, — как бриллиант среди грязи, крови и нечистот.

«Если бы чеховским интеллигентам, все гадавшим, что будет через двадцать—тридцать—сорок лет, ответили бы, что через сорок лет на Руси будет пыточное следствие, будут сжимать череп железным кольцом, опускать человека в ванну с кислотами, голого и привязанного пытаться муравьями, клопами, загонять раскаленный на примусе шомпол в анальное отверстие («секретное тавро»), медленно раздавливать сапогом половые части, а в виде самого легкого — пытаться по неделе бессонницей, жадой и избивать в кровавое мясо, — ни одна чеховская пьеса не дошла до конца, все герои пошли бы в сумасшедший дом» («Архипелаг ГУЛАГ»).

«Смех сквозь слезы» — метафора, целиком применимая и к Солженицыну, а вернее, к его книге, а вернее — к ее читателям.

Я был одним из них более пятнадцати лет назад, когда эту книгу, ныне полностью напечатанную в СССР, давали на ночь, на сутки и была она — стопкой нечетких фотографий с оригинала, и власти охотились за каждым экземпляром, как за бежавшим на волю заключенным, в стране, где даже дети уже начали догадываться, что праят ею идиоты.

Вот рассказ моего знакомого. К нему пришли с обыском, и он, зная, что именно является объектом поиска, нервничал по мере приближения чинов ГБ к тому месту, где у него был спрятан «Архипелаг ГУЛАГ». Однако, к удивлению моего знакомого и разочарованию его визитеров, книга так и не была обнаружена. Позже выяснилось, что девочка-дошкольница, наслушавшись тихих разговоров родителей, быстрее, чем они, догадалась, ЧТО ДЕЛАТЬ, и сбросила книгу на соседский балкон, откуда она вскоре была благополучно извлечена... Славная история для какой-нибудь детской хрестоматии под названием «Перестройка»... Так вот, закончив чтение, я, помнится, подумал тогда: что происходит? Ведь после всего этого мрака и безысходности ничего не остается, как взять веревку и повеситься? Но откуда же этот свет? Христианский свет! Теперь я понимаю, что юмор — одна из главных составляющих этого света...

Итак, странным образом в моем сознании возник мотив «переодетого Солженицына». Ряженого...

Вспомним...

«В древнерусском смехе большую роль играло выво-

рачивание наизнанку одежды (вывороченные мехом наружу овчины), надетые задом наперед шапки. Особую роль в смеховых переодеваниях имели рогожа, мочало, солома, береста, лыко. Это были как бы «ложные материалы» — антимаериалы, излюбленные ряжеными и скоморохами. Все это знаменовало собой изначальный мир, которым жил древнерусский смех».

Это — фраза из блестящего исследования академика Дмитрия Лихачева о смехе в Древней Руси. К этому исследованию я еще не раз вернусь в своих размышлениях, тоже «посильных».

А вообще — что такое смешное? В ответ на этот вопрос можно стрелкнуть обоймой цитат.

«Люди могут смеяться над самыми разными вещами» (Гегель).

Смех «углубляет предмет, заставляет выступить ярко то, что проскользнуло бы...» (Гоголь).

«...птица, летящая по небу вверх хвостом» (Жан Поль).

«Мы бываем смешны только той стороной нашей жизни, которая ускользает от нашего сознания» (Бергсон).

«...атмосфера абсолютной свободы духа» (Бахтин).

Все что-то не то, хотя и красиво. Все что-то не полно, и я предпочитаю остановиться на том, что смех — такая же Божья тайна, как цветение цветов, синева неба или облысевшая голова. Четкое определение смеха само по себе комично.

Лихачев считает, что элементы смеха Древней Руси сохранились в русском культурном обиходе до конца XIX века. Однако революция 17-го года вышвырнула нашу страну на обочину цивилизации, и сейчас историки лишь гадают — чем были для нас эти годы: ренессансом средневековья, рабовладельческим или первоначально-общинным строем?

Сопоставим научное исследование Лихачева с художественным исследованием Солженицына, чтобы убедиться в живучести характеристик, данных ученым древнерусскому смеху. Кстати, речь в отрывках Солженицына — о быте концентрационного лагеря Соловецкого, узником которого был некогда и Лихачев. Диалог двух эзков.

ЛИХАЧЕВ:

«Поступки-жесты и слова юридического одновременно смешны и страшны, — они вызывают страх своею таинственной, скрытой значительностью и тем, что юридический, в отличие от окружающих его людей, видит и слышит что-то истинное, настоящее за пределами обычной видимости и слышимости».

СОЛЖЕНИЦЫН:

«Вдруг въезжает через ворота человек верхом на козле, держится со значением. Кто это? Это заведующий питомником. Это кто же? Почему на козле? Он потребовал себе лошадь, но лошадей мало, и ему достался козел».

ЛИХАЧЕВ:

«Мир антикультуры юридического (то есть мир «настоящей культуры») возвращен к «реальности» — «реальности потустороннего. Его мир двуплановый: для невежд — смешной, для понимающих — особо значительный».

СОЛЖЕНИЦЫН:

«...нога прокурора еще не ступала на соловецкую землю! — и не ступит. Знайте! — вы присланы сюда не для исправления! Горбатого не исправишь! Порядочек будет у нас такой: скажу «встань» — встанешь, скажу

«лечь» — ляжешь! Письма писать домой так: жив, здоров, всем доволен! точка...»(«...») — «Сопли у мертвецов сосать заставлю!»

ЛИХАЧЕВ:

«Для средневекового смеха характерна его направленность на наиболее чувствительные стороны человеческого бытия. Этот смех чаще всего обращен против самой личности смеющегося и против всего того, что считается святым, благочестивым почетным». (...) «Разрушая, он строит нечто свое: мир нарушенных отношений, мир нелепостей, логически неоправданных соотношений, мир свободы от условностей».

СОЛЖЕНИЦЫН:

«Еще после прогулки хорошо бы закусить, но не думать, не думать об этом! Плохо, если кто-нибудь из получающих передачу нетактично раскладывает свою еду не вовремя, начинает есть. Ничего, оттачиваем самообладание! Плохо, если тебя подводит автор книги, начинает подробно смаковать еду — прочь такую книгу! Гоголя — прочь! Чехова — тоже прочь! — слишком много еды! «Есть ему не хотелось, но он все-таки съел (сукин сын!) порцию телятины и выпил пива». Читая духовное! Достоевского — вот кого читать арестантам! Но позвольте, это у него: «Дети голодали, уже несколько дней они ничего не видели, кроме хлеба и колбасы?»

Да, исследования двух старых лагерников явно рифмуются.

И все же, на мой взгляд, специфика русского смеха — в негласном заговоре смеющегося или смеющихся против всего остального мира. Русский философ Розанов, погибший в 1918 году, замечательно, с улыбкой отметил, что достаточно русским, когда они встретятся, посмотреть друг на друга «острым глазком», как им тотчас все друг про друга становится понятно, и они расходятся, довольные собственной сообразительностью, но не перемолвившись даже словом.

А вот анекдот о русском, который сидит в камере смертников и может выбрать себе казнь по вкусу: веревку, пулю или электрический стул. Случайно он узнает, что в тюрьме нет электрического тока (у нас вечно чего-нибудь нет, а иногда и всего). Умные его сокамерники, англичанин и француз, выбирают электрический стул, и их отпускают на волю. А русский кричит, разорвав рубашку: «Свету у вас нет, суки! Стреляйте, коли так!»

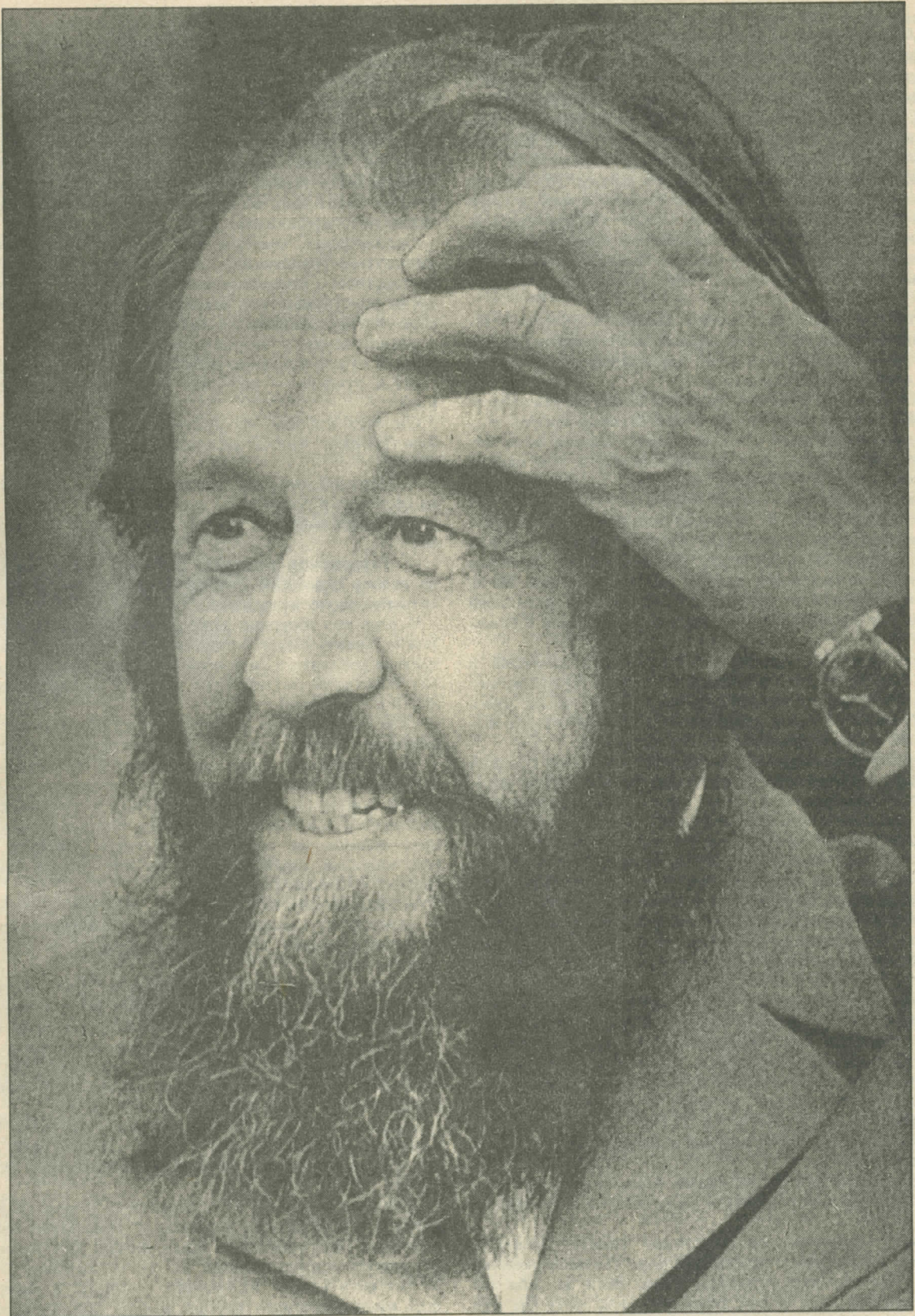
Или еще, и эта история была со мной. Я жил в Сибири, ехал в такси, и у меня был попутчик, пьяный, уголовного вида мужичонка. Всю дорогу он острил таким примерно образом: «Шофер, скажи водителю, чтобы поворачивал направо...» Мы подъехали к красноярской тюрьме, он вышел, чтобы, очевидно, отнести передачу кому-нибудь из своих коллег, ушел, но потом быстро вернулся, засунул в машину свою пьяную физиономию и торжественно произнес, указывая на тюремные ворота: «Это наша тюрьма, не ваша!»

«У советских собственная гордость», — вспомнил я тогда строчки революционного поэта Маяковского.

Распространено мнение, что русская литература сильна своей просветительской, нравственной стороной. Три кита русской прозы Гоголь, Толстой и Достоевский, казалось бы, подтверждают эту характеристику.

Но искусство — в принципе безнравственно или, точнее, ВНЕнравственно, и наряду с «просветительской» у нас существовала и существует мощная ветвь смеховой культуры начиная с неистового протопопа Авваку-

ма, жившего в XVII веке. Это и ранний Гоголь, и литература начала века, и литература 20-х годов, удушенная Сталиным и переместившаяся в подполье. Первые произведения абсурда, содержащие элементы «черного юмора», были написаны в СССР сразу же после революции, и пьеса «Елизавета Бам» Даниила Хармса предвосхитила пьесы Ионеско и Беккета, как роман Евгения Замятина «Мы» предвосхитил роман Оруэлла «1984».

Но вот очередной парадокс нашей жизни. То, что для западного интеллигента целиком располагалось в мире грез и мрачных предсказаний, было нашим бытием. Шутники переделали слова знаменитой советской песни «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», и она стала звучать так: «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью».

Эсхатологические настроения нового искусства овеществились у нас, и в этом смысле элитарное декадентское сознание, с его истерией, нервностью, преувеличениями, стало у нас массовым.

И мне кажется, отличие русского смеха от смеха русско-советского в том, что прежний заговор против всего окружающего мира был направлен против конкретных личностей, этот мир составляющих, и тем самым дробился, оставлял лазейку, надежду, а тоталитаризм дает смеху только один выход — к Богу.

Этот строй, который нахально именовал себя социалистическим, а на самом деле являлся плохим сплавом самых различных формаций, парадоксально оказалась прекрасной питательной средой для художников. Жаль лишь, что многие из них заплатили за свое искусство жизнью или провели лучшие годы в неволе, как Солженицын.

В результате дьявольского эксперимента, который и до сих пор не закончен, Россия, шагнув в будущее, попала в позавчерашнее. Место Бога вновь занял идол, граница между адом и раем исчезла. Данте описал выдуманный им ад, Солженицын — ад реальный.

Юмор Солженицына — это «черный юмор» на красной подкладке. Этот юмор представляет тоталитарное государство, построенное на доктрине марксизма-ленинизма в виде громадного злого дурака, у которого никогда ничего не получалось, не получается и не получится, и в этом смысле взрыв на Чернобыльской атомной станции был запрограммирован 25 октября 1917 года, когда выстрел крейсера «Аврора» послужил началом для революции, которую даже у нас теперь открыто именуют переворотом. Внешняя грязь попала в кровь, началась энтропия мысли, дела и всенародная люмпенизация...

В юморе Солженицына невозможно выделить «химически чистые» его составляющие — сатиру, иронию, пародию, гротеск, как невозможно расчленил летний дождь на водород и кислород. Смех Солженицына — это попытка из мира мнимости, ложных координат, возвратиться в мир Божий. Отсюда — минимум иронии, собственно ОСТРОУМИЯ, ОСТРОТ. Этот смех экзистенциален и апеллирует скорее к вечным началам, чем к согражданам.

Поразительно, как Солженицын и его товарищи восприняли приговор, обрекающий их на долгие годы заключения.

«Хоча, получили по пластинке гадкого мыла и прошли в просторную гулкую мыльню смывать девичьи гульбы. Тут мы оплескивались, лили, лили на себя горячую чистую воду и так резвились, как если бы это школьники пришли в баню после последнего экзамена.

Этот очищающий, облегчающий смех был, я думаю, даже не болезненным, а живой защитой и спасением организма».

И я осмелюсь вывести, прочитав это, что если великий писатель не обладает юмором, то он — не великий писатель. Другое дело, что юмор великого принимает столь причудливые формы. Но и это неудивительно — ведь он божественного происхождения. Добрый Бог посмеивается устами своих писателей. Он говорит — да, я создал этот мир, но догадайтесь, для чего я его создал таким несовершенным.

Солженицын смеется над тем, что заставило бы ужаснуться чеховского интеллигента. Над кровавым шутковством инсценированных судебных процессов, когда подсудимые под давлением пыток соревнуются со своими обвинителями в самооговоре.

«Заключение в тюрьму принесло пользу не одному мне... Я лучше чувствую себя в тюрьме, чем на воле».

«И я лучше!» — радостно добавляет другой подсудимый.

Смеется над тем, что государство ищет и находит любые поводы, чтобы засадить своих подданных за решетку.

— Портной, работая, вколлот иголку в портрет Сталина на газете и получил 10 лет.

— Пастух выругал корову «колхозной блядью» — 10 лет.

— Глухонемой плотник, работая, надел свою кепку на голову гипсового Ленина и тоже получил 10 лет «за антисоветскую агитацию».

И ведь это абсурдно даже с экономической точки зрения — сажать людей в тюрьму ни за что! Вот как заключенные реализуют свое право на труд, который, как гласит советский лозунг, стал в СССР «делом чести, доблести и геройства».

«Зэк выслушивает все, что ему приказывают, и утвердительно кивает головой. И — уходит выполнять. Но — не выполняет! Даже чаще всего и не начинает... (..) Однако, едва наскочит начальник вторично — зэк покорно сгибается под ругательствами и тут же начинает выполнять. Сердце работодателя слегка отпускает, он идет дальше по своим неотложным многочисленным руководящим делам — а зэк за его спиной сейчас же садится и бросает работу...»

«Беспонятливость? Наоборот, высшая понятливость, — утверждает Солженицын. — Ведь «сегодня третий раз начальник скорее всего и не пойдет. А до завтра еще дожить надо».

Все логично в этом перевернутом мире, и стоит ли удивляться, что наши экономические успехи измеряются отрицательной величиной и побежденная нами без малого 50 лет назад Германия посылает в нашу страну благотворительные продуктовые посылки. Не стоит, особенно если вспомнить криминальную советскую присказку «СССР — одна большая ЗОНА».

Самой «веселой» (я вынужден заключить это слово в кавычки) является в книге глава «ЗЭКИ, как нация», где смеховой мир Солженицына реализуется особенно полно.

Шутовски опираясь на определение, данное нации Сталиным, Солженицын, дразнясь и показывая язык, утверждает, что советские заключенные вне зависимости от своего происхождения являются особым народом. У них есть общая территория (тюрьмы и лагеря), общий язык (лагерный жаргон, иногда непередаваемый даже на русский), общая экономическая жизнь (непо-

сильный труд) и даже одинаковый климат, потому что худо одетые эки постоянно мерзнут. «12 месяцев зима, остальное — лето», — говорят они об этом климате своей страны ЗЭКЛАНДИИ, в которой, по их ироническому утверждению, ВЕЧНО ПЛЯШУТ И ПОЮТ.

Весело глумится Солженицын, высказывая свою «похвалу глупости» благонамеренному коммунистическому ортодоксу, который и в тюремном вагоне бредит «мировой революцией», «борьбой классов», «лучезарным будущим».

- Давно сидите?
- Порядочно.
- Осталось меньше?
- Да почти столько же.
- А смотрите — деревни какие нищие: солома, избы косые.
- Наследие царского режима.(...)
- Везде блат, взятки, коррупция.
- Надо усилить коммунистическое воспитание.(...)
- А почему еще растет преступность: законы наши сами рождают преступления. Они свирепы и нелепы.
- Наоборот, прекрасные законы. Лучшие в истории человечества.
- Особенно 58-я статья.
- Без нее наше молодое государство не устояло бы.
- Но оно уже не такое молодое.
- Исторически очень молодое.
- Но оглянитесь, сколько людей сидит!
- Они получили по заслугам.
- А вы?
- Меня посадили ошибочно. Разберутся — выпустят.

Отстраняясь от несправедливой власти и тем самым живая зло с помощью смеха, народ в книге Солженицына играет роль многомиллионного хора, комментирующего нашу неслыханную трагедию, автором которой является тоталитаризм.

Вот пословицы заключенных

- Не делай сегодня, что можешь сделать завтра.
- Кто везет, того и погоняют.
- Было бы сказано, а забыть успеем.

Солженицын замечает, что они удивительным образом перекликаются со старыми русскими пословицами времен крепостного права:

- Дай Бог все уметь да не все делать.
- Господской работы не переделаешь.
- Дела не делай, от дела не бегай.

Последней пословицей, кстати, иллюстрируется вышеприведенный рассказ Солженицына о работе в лагерях.

И он делает вывод: крепостной русский мужик и сталинский заключенный протягивают друг другу руки. Воистину, соединились не «пролетарии всех стран», а пролетарии всех подневольных времен.

И вновь Чехов не дает покоя Солженицыну. Работая на кирпичном заводе, в грязи и ледяной воде, он вспоминает чеховского барона Тузенбаха, который мечтал опроститься и заняться тяжелым физическим трудом на... кирпичном заводе. И вновь не злобой, а смехом реагирует Солженицын на эту разницу мировосприятия русского и советского человека.

Но вот та исходная точка, где он солидарен с Чеховым и больше не подтрунивает над ним.

Персонаж Чехова, ссыльный, говорит:

«Я довел себя до такой точки, что могу голый на зем-

ле спать и траву жрать. И дай Бог всякому такой жизни. Ничего мне не надо и никого не боюсь, и так себя принимаю, что богаче и вольнее меня человека нет...»

«Эти поразительные слова так и стоят у нас в ушах: мы слышали их не раз от эков Архипелага!» — восклицает Солженицын.

Эта исходная точка — свобода. О свободе — внешней и внутренней, тайной и явной — написан «Архипелаг ГУЛАГ», о Боге и человеке, а не о «правых — левых». И «пусть захлопнет здесь книгу тот читатель, кто ждет, что она будет политическим обличением», мимоходом роняет Солженицын.

Это — попытка достичь гармонии созидательного и разрушительного начал. Одним из страшных грехов в православии является гордыня. Создав такой титанический труд, который под силу лишь целой армии исследователей, ощущая, ЧТО ты делаешь, как не загордиться?

Но не теряет головы Солженицын. «Нарастает гордость на сердце, как сало на свинье», — едко шутит он, каясь на страницах «Архипелага...», что, если бы не тюрьма, глядишь, и он сам стал бы одним из бесчисленных винтиков тоталитарного механизма.

Доводя внешне абсурдистские построения до логического конца, Солженицын юмором оберегается от гордыни, и покаяние его — через смех.

Палач и жертва — звенья одной цепи. Смех Солженицына разрушает эту преступную связь. Страдала вся страна, и вся страна участвовала в преступлении. Трудно выделить из толпы моих сограждан чистого злодея, ведь тоталитарный кошмар длился у нас долгие годы, и многие успели по нескольку раз побывать в шкуре и палача, и жертвы. Солженицын судит людей, но отнюдь не считает себя последней инстанцией. Он смеется, негодует, кривляется, юродствует. Но ведь «юродивый — это христианин, не терпящий компромиссов» (Лихачев). Он смело говорит свою «правду», а эксцентрика, эпатаж и безумие — только ВНЕШНЯЯ форма его деятельности.

Юмор Солженицына — это тот фермент, который претворяет кровавый сок советской жизни в драгоценное вино, сосуд с которым действительно можно «хранить вечно».

Меняется все на свете, кроме самых простых вещей и понятий, изменить которые можно, лишь разрушив их.

Я не знаю, куда идет человечество. Уставая жить, смотришь на мир в перевернутый бинокль, и мир этот удаляется, удаляется, удаляется.

И если считать, подобно принцу Гамлету, что не только СССР, но и весь мир одна большая тюрьма и убежать на свободу можно лишь в смерть, то вот на этот случай для всех нас, заключенных этой тюрьмы, утешительная фраза Солженицына.

«Вообще эки ценят и любят юмор — и это больше всего свидетельствует о здоровой основе психики тех туземцев, которые сумели умереть в первый год. Они исходят из того, что слезами не оправдаться, а смехом не задолжать. Юмор — их постоянный союзник, без которого, пожалуй, жизнь на Архипелаге была бы совершенно невозможна».

Что ж, спасибо, Александр Исаевич! Может, и есть хотя бы крохотный шанс увидеть «небо в алмазах», как выражались герои все того же Чехова, счастье которых заключалось именно в том, что им повезло не дожидать до эры «Архипелага ГУЛАГ».

ХОТИТЕ ОСТАТЬСЯ СТАРОЙ ДЕВОЙ?

Обычно дают советы другого порядка — как найти друга, как удерживать его или как сохранить уже существующие отношения. Однако есть категории молодых женщин, которые ведут себя так, как будто бы действительно хотят остаться старыми девами. Для них, а также для тех, кто еще не обнаружил ошибок в своем поведении, публикуем несколько интересных наблюдений.

1. Будьте твердо уверены в том, что вам суждено всю жизнь быть одной. Пессимизм, овладевший вами, сделает свое дело и неизбежно приведет к пораженческим настроениям, которые, как и ваш унылый вид, будьте уверены, отпугнут любого мужчину.

2. Распорядитесь своей личной жизнью и свободным временем в точности так, как это пишут в романах о старых девах: посиделки с приятельницей, прогулки с племянницей, ужин перед телевизором.

3. Изо всех сил стремитесь быть «хранителем тайн» всех своих знакомых, каждому помогайте, советуйте и «охраняйте» браки своих приятельниц.

4. Заведите себе приятельницу (по возможности более привлекательную, чем вы), во всем ей доверяйтесь и проводите с ней все свободное время.

5. Войдите в роль амазонки, которая горда и счастлива, что одинока, и не забудьте подчеркивать это при каждом удобном случае.

6. Избегайте косметических салонов и парикмахерских, позволяйте себе всевозможные оладости и ни в коем случае не покупайте обновок, ведь на вас уже все равно никто не обратит внимания.

7. В обществе ведите себя как независимая интеллектуалка, а с мужчинами будьте как можно более высокомерной и любую попытку флирта с негодованием отвергайте.

8. Живите в счастливой уверенности, что существует «идеальный мужчина», который ждет только вас. Ни за что не отступайте от своих идеалов в отношении характера, внешнего вида и финансовых возможностей ожидаемого «принца».

9. Категорически отвергайте любое приглашение в компанию, где будут мужчины, потому что ничего интересного от этой встречи вы не ждете.

10. Избегайте мужчин и никогда не сомневайтесь в правильности своих жизненных принципов. Наоборот — пусть целый мир приспособливается к вам.

«Эхо» (Израиль)

ДАЙДЖЕСТ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЫ

КОГДА НЕТ КРЕМЛЕВСКОЙ СТЕНЫ...

Рональд Рейган и его жена Нэнси выразили желание быть погребенными в окрестностях библиотеки, которая должна открыться в ноябре этого года. Об этом сообщил представитель калифорнийского округа Вентура. В библиотеке, фундаментом которой заложен в 80 километрах северо-западнее Лос-Анджелеса, планируется публичное чтение лекций. Кроме того, необходимо согласие властей на использование окрестностей библиотеки в качестве кладбища. Чета Рейганов не желает ничего требовать. Их представитель, Бил Гарбер, сказал, что речь идет о частной просьбе.

«Саарбрюккер цайтунг» (ФРГ)

«Донджевити» (США)

О ВРЕДЕ СОСТРАДАНИЯ

Когда близкий человек физически страдает, мы стремимся облегчить ему боль. Но недавние исследования показали, что сочувствие любящего, но чересчур заботливого супруга может ее усугубить.

Американские психологи обследовали 106 человек разного возраста, состоящих в браке и страдающих хроническими болями, как, например, при радикулите. Они хотели выяснить связь между взаимоотношениями в браке и степенью физических страданий и депрессивного состояния больного.

Их выводы:

— В хорошем браке, когда супруг очень внимателен к жалобам другого и выражает слишком большое сочувствие, больной склонен ощущать боль более остро. Но когда супруг в удачном браке старается игнорировать жалобы другого, больной в меньшей степени подвержен депрессии.

— В неудачном браке отношение супруга к жалобам и страданиям другого оказывает незначительное влияние на самочувствие больного.

Исследователи подчеркивают, что следует внимательно относиться к страданиям супруга, но не слишком сосредоточивать внимание на самой боли. Попробуйте не обращать внимания на жалобы, а сконцентрируйтесь на положительных эмоциях в жизни своего супруга, например на его увлечениях и достижениях. Отвлекая его внимание от боли на такие приятные вещи, как музыка или кино, вы можете поднять его настроение — и принести облегчение гораздо в большей степени, чем охая над его болезнями.

ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА В ТЕАТРЕ ЖИЗНИ

В ожидании третьего акта

В № 9 «Столицы» за этот год была опубликована статья Александра Соколянского «Вышли мы все из подполья», вводящая в массовый обиход некий перечень имен и явлений так называемой контркультуры. Продолжая эту тему, мы публикуем статью ленинградских критиков Карины ЗАКС и Сергея ДОБРОТВОРСКОГО, в которой рассматривается театрализация жизни как один из основных аспектов авангардной культуры 80-х годов.

Издавна сложился образ художника — человека не от мира сего, живущего в особом измерении собственных причуд и фантазий. Разные эстетические направления по-своему отыграли этот образ, бывший одновременно и знаком избранничества, и модой: жилет Альфреда де Мюссе и сигары Жорж Санд, муравьед Сальвадора Дали и зеленый цветок в петлице Оскара Уайльда, желтая кофта Маяковского и распахнутый воротник Байрона. Особое значение облик и поведение художника приобретают в культуре авангарда, который разыгрывает битву с реальностью в промежуточной зоне между искусством и бытом. Стиль поведения и образ жизни авангардиста — это художественный акт, концепция, продолжающая творчество, в котором скандал вокруг произведения часто оказывается важнее самого произведения. Логическим финалом такого рода эстетики становится фикция, отсутствие, содержательное ничто, буквально воплощенные в «Молчании» Джона Кейджа или в «Ноль-объекте» Тимура Новикова и Ивана Сотникова.

Авангард исходит из мысли о том, что *прежней истины нет*. Он устремлен в будущее и творит свой «театр жизни» как антитезу прошлому и настоящему, как бунт против узаконенных норм истеблишмента. Однако любой бунт в жизни поглощается «системой», а в культуре — становится традицией. «Конец истории», «усталость» культуры, невоз-

можность создания чего-либо нового приводят к мировоззрению, названному постмодернизмом.

Имидж постмодерниста строится уже не на разрушении старого, но на его обыгрывании. Он мозаичен и цитатен. Авангардист эпохи постмодернизма знает все предшествующие попытки эстетизированного бунта, поэтому и *примяет* на себя и *примиряет* в себе обломки культурных и общественных мифов.

Постмодернистский «театр жизни» как стиль общения и поведения

укоренился в ленинградском новом искусстве в начале 80-х. Космополитизм мышления, повышенный игровой тонус, известная полемика «детей» андерграунда с его «отцами», озабоченными общественными рефлексиями, — все это придало отечественному варианту постмодернизма буквальный смысл.

К середине 80-х тенденция приобрела и явный практический оттенок. Андерграунд вышел на поверхность, и общественное мнение, бывшее прежде в состоянии непримиримой войны с ним, начало навязывать ему роль союзника, стремясь навесить на легализованное искусство идеологические ярлыки. С помощью иронии недавние «подпольщики» отстаивали себя в перестроечном ажиотаже вокруг нового искусства. «Они думают, что мы еще на баррикадах, а мы уже давно слезли и играем в крестики-нолики» —

Вадим Мамышев «Мэрилин» в Ленинградском Доме Кино

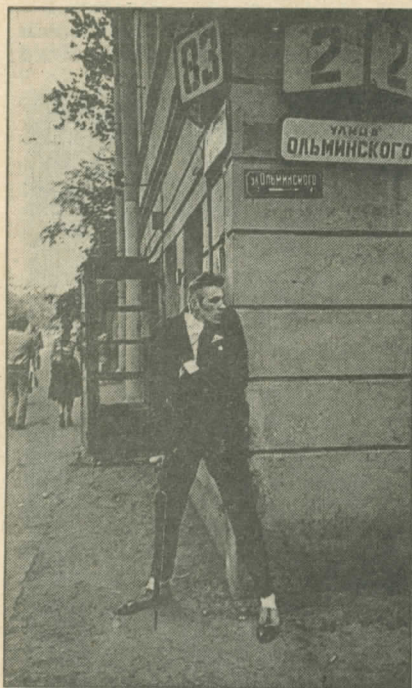

эти слова литератора и художника Вл.Гуцевича могли бы стать эпиграфом к «новому конформизму» — показательно-активному сотрудничеству с властью, модернизирующей свою художественную политику.

Наверное, за всю историю «подполья» не возникало столько новых объединений и групп, как за первые два года перестройки. Они появлялись под протекцией исполкомов и комсомола, под крышами мифических МКЦ и «клубов по интересам». Счастливы были все. Регистрируя очередное «любительское товарищество», власть получала гарантию добровольной подконтрольности. Андерграунд же осваивал новый художественный жанр — сочинение разнообразных уставов и творческих программ, протоколов и планов работы. На помощь призывались самые выдержанные общественные мифы. Так появились «Клуб друзей Маяковского» и общество «Чапаев», куда записывались для изучения творчества «лучшего и талантливейшего поэта» или стратегического наследия народного героя. Все эти новообразования исчезали так же быстро, как и возникали.

Чиновники сходили с ума. Художники же невозмутимо плодили все

Шоумен группы «Аукцион» Олег Гаркуша

новую бюрократическую документацию. Болезненная для предыдущих поколений проблема «художник и власть» разрешилась сама собой. Новое искусство перестало атаковать государственные бастионы снаружи, а тихо и мирно развалило их изнутри, всего лишь взяв поиграть оружие, которым власть столько времени боролась с инакомыслием. По сцене «театра жизни» прошла вереница еще теплых идеологических трупов, общественных мифов и комплексов. Окреп и обнагел соц-арт, советская символика всерьез сделалась объектом авангардной моды, а коллекции концептуалистов пополнились кипами документов, скрепленных всамделишными печатями. Так закончилось первое действие.

Второе началось с залпа по своим. Сергей Курехин, создатель оркестра «Популярная механика», композитор и пианист, со страниц «Ленинградской правды» обругал советский рок за «пошлость» и «безграмотность», что было расценено как предательство.

Курехина можно назвать ведущим актером нового «театра жизни». Легкость и техничность исполнения им различных ролей сравнимы с его виртуозностью музыканта. В разговорах и интервью он изящно жонглирует авторитетами, фактами собственной биографии, творческими планами и политическими рецептами, выворачивая наизнанку все, превращая собеседников в «объекты насмешек». Он в совершенстве овладел искусством конструирования тотального имиджа, где сцена уже неотделима от реальности. Со временем стиль поведения Курехина перенял его двойник — популярный ведущий телепередачи «Пятое колесо» Сергей Шолохов.

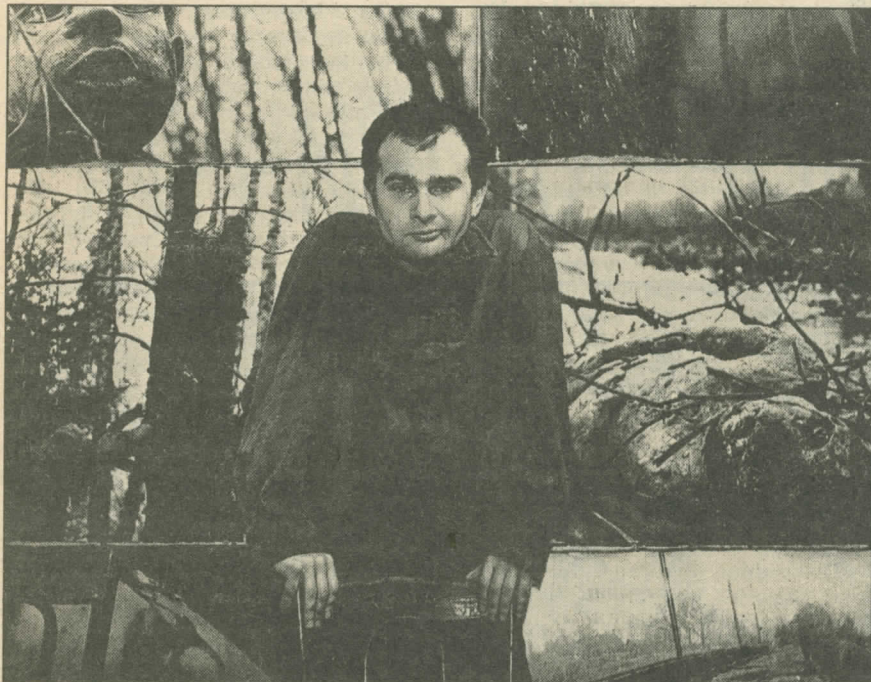
Курехин не только актер «театра жизни». Он пытается стать и его режиссером. «Поп-механика» ограничивает рамками определенной сцены глобальную театрализацию, оттого Курехин мечтает о необозримых просторах, стадах слонов и тысячах участников. В списке его «Поп-механики» значатся почти все видные представители андерграунда, продолжающие и в концертах свои жизненные роли, не заботясь об их театральной обработке.

Подмостки «Поп-механики» могут служить своеобразным каталогом «монстров» ленинградского нового искусства. Здесь танцует Олег Гаркуша — шоумен группы «Аук-

цион» — сознательный эпилептик, панк, конвульсирующий в дионисийском экстазе, не опохмелившийся вампир, человек-паук, человек-летучая мышь. Здесь часто появляется группа «некрореалистов» — крепких, угрюмых мужиков, копирующих вычурные трупные позы в бесконечных гимнастических «мостиках». Здесь выходит на сцену Африка — Сергей Бугаев — провинциальный мальчик, быстро прошедший путь от enfant terrible до преуспевающего художника и бизнесмена, последнего Председателя Земного Шара. Сегодняшний имидж Африки сочетает инфантилизм вечного ребенка с практической хваткой. Свои международные проекты он осуществляет, не вылезая из трогательных полудетских одежек, а на концертах предстает до неистовым футуристом, то долговязой девицей, то «организатором фауны». В первом ленинградском конкурсе красоты, организованном при участии того же Курехина, под именем Ирены Белой Африка был белокур и конкурентоспособен. Ореол таинственности окружает облик художника и теоретика Тимура Новикова. Известно, что Новиков — основоположник всего, но никто не знает, чего именно. Ныне профессор Свободного университета, он являет своим ученикам образ непогрешимого гуру и демиурга.

Впрочем, эти имиджи при всей коллажности и цитатности основываются на собственном творчестве. А доведение тенденции до логического конца превращает в цитату уже самого человека. Так художник Вадим Мамышев, присвоив не только имя, но и внешность и репутацию Мэрилин Монро, превратил свой имидж в законченный артефакт. Его успех равен успеху выставки или книги и, как выяснилось, может стать источником дохода. «Мэрилин» стал едва ли не самой высокооплачиваемой фотомоделью в нашей стране. Иностранцы готовы выкладывать немалые деньги за право сфотографироваться с мужской реинкарнацией легендарной секс-бомбы. На открытии выставки Африки в Музее Ленина — еще одна, не требующая комментариев концептуальная акция — «Мэрилин», одетый в прозрачную рубашку, сквозь которую хорошо просматривались пластиковые груди, черные чулки и голубые трусики, позировал с платежеспособными гостями нашей родины в классической

Режиссер-«некрореалист»
Евгений Юфит

Фото М. Пежемского
и И. Мухиша

позе «Рабочий и колхозница».

Одной из наиболее часто обыгрываемых «театром жизни» тем является гомосексуализм. Авангард традиционно трактует однополую любовь как реализацию права художника на независимость и исключительность. Право, за которое должно страдать и бороться, как это делал «великий эстет» Уайльд. Герои нашего андерграунда лишают гомосексуализм страдательного ореола, включая его в игровую мозаику как выразительный и престижный знак. Африка щеголяет в женских костюмах и цветных париках. Режиссер-«некрореалист» Евгений Юфит демонстрирует гостям элитарного фестиваля пару карпов-«педерастов» и собирается назвать свой новый фильм «Гомосексуалисты-оборотни». Критик и историограф андерграунда Михаил Трофименков говорит нарочито томным фальцетом и носит на шею черный газовый платок с черепом и костями. Под псевдонимами Ольги и Татьяны Лепестковых, пишущих о независимом искусстве, скрываются мужчины. Тимур Новиков озабочен созданием «Общества защиты сексуальных меньшинств».

Этой игре порой недостает изящества и легкости, но она неизменно следует концепции относительности всего. Даже самой истины. В «театре жизни» истин много, а

жизнь — одна. Способы постижения истины уже опробованы, их можно только процитировать, взывая не столько к культурной памяти, сколько к узкому кругу посвященных. Постороннему концепты и акции нового искусства покажутся

вторичными и безвкусными, но эта реакция тоже включена в систему правил глобального театра. Фраза: «Все это уже было, только лучше» — столь же справедлива по отношению к нему, сколь и бессмысленна, ибо этот театр сознательно не становится фактом искусства, а остается развлечением для своих.

Не надо надеяться за масками разглядеть лицо, потому что актер этого «театра жизни» по сути пуст: раздетый, он превращается в «человека-невидимку», лишенного бинтов и темных очков.

Сергей Бугаев — Африка

Аркадий ГАЛИНСКИЙ

СПОРТИВНОЕ КАПРИЧЧИО

Окончание. Начало на 81 стр.

КОНТРАБАНДА С ЭМБЛЕМОЙ СБОРНОЙ

ПРАВДА, отъезд в последние годы по контрактам за границу изрядного числа советских футболистов породил опасения, что страна может лишиться вскоре своих лучших игроков. Но когда выяснилось, что места ушедших занимают молодые футболисты, которые не только мало в чем уступают уехавшим, но подчас по всем статьям их превосходят, тревоги улеглись. В самом деле, в огромной стране, где работает множество детских и юношеских футбольных школ, новые дарования просто не могут не вырастать.

И все же, если подкупность судей и договоры о результатах матчей будут у нас процветать по-прежнему, всесоюзные соревнования по футболу, возможно, придется проводить спустя несколько лет при пустых трибунах. Впрочем, полагаю, что профессиональные команды (а их насчитывается в высшей, первой и второй лигах около трехсот) не распадутся, не исчезнут. Скорее, их будут содержать всеми правдами и неправдами (как это делалось до сих пор) меценаты: министерства, крупные заводы, управления железных дорог и морских пароходств, совместные предприятия, процветающие кооперативы...

Невольно вспоминаю о судьбе наших футболистов-профессионалов во время второй мировой войны. Если в Англии все игроки были призваны в вооруженные силы (а турниры прекращены), то в Советском Союзе футболистов на фронт не посылали. Немногочисленные исключения лишь подтверждали правило. Даже в самые тяжелые для страны годы войны — с 1941-го по 1943-й — систематически проводились соревнования профессиональных команд. Это-то и вселяет надежду, что и в кризисные годы профессиональному футболу пропасть не дадут.

Рис. К. Рыбалко

Да, один игрок того же «Монако» зарабатывает больше, чем все его коллеги из московского «Торпедо» в целом, но не стоит думать, будто наши футбольные профи бедствуют. В материальном отношении они жили, по крайней мере до сих пор, не хуже генералов, директоров заводов, ректоров высших учебных заведений (разве что не имели персональных черных «Волг» с шофера-

ми). А те из них, что играют по контрактам в зарубежных командах, живут еще лучше, хотя значительную часть их заработка отбирают организации, с помощью которых договоренности были заключены. Представители этих организаций доказывают, правда, что с точки зрения социальной это справедливо. Начнем считать с нуля, говорят они, то есть с той отметки, когда

мальчик перешагнул порог специализированной спортивной школы. Его родители не платят за многолетнее обучение футболу ни копейки. А между тем спортивная форма, инвентарь, база, специальное питание, поездки на соревнования, не говоря уже об оплате труда педагогов, обходятся недешево. Откуда же берутся эти средства? До сих пор брались из государственной и профсоюзной казны.

Наконец, способных молодых игроков зачисляют в профессиональные команды. Но ведь и там они находятся на дотации, причем еще большей, чем в детско-юношеской футбольной школе. Билеты на матчи, в которых они участвуют, не окулают расходов на команду. Чего стоит одно лишь содержание стадиона! Так что когда спортсмены высокой квалификации (не только футболисты) зарабатывают за рубежом крупные суммы в конвертируемой валюте, они, по мнению организаций, устраивающих им договоры с иностранными клубами, не вправе сетовать на государство, если оно изымает в свою пользу значительную часть контрактных денег.

До сих пор материальное благосостояние профессиональных спортсменов — участников соревнований высокого уровня, проводившихся внутри страны, — покоилось не столько на зарплате и премиальных, сколько на предоставлявшейся им местными властями возможности приобретать более или менее часто по государственному ценам дефицитные товары, так сказать, сверх потребностей. А это, в свою очередь, позволяло им заводить немало так называемых полезных знакомств, облегчавших жизнь.

Для спортсменов же, которые выезжают на соревнования за границу, возникают дополнительные источники дохода — возможность реализовать через посредников (по спекулятивному ценам) привозимые оттуда товары, которые обычно за дешево приобретаются за рубежом на послесезонных распродажах. Эти коммерческие операции обуславливают, к сожалению, и специфический круг знакомств спортсменов; именно перекупщики подбивают наиболее корыстолюбивых спортсменов привозить из-за границы и контрабанду.

В этой связи возникали иногда малоприятные для спортивных властей коллизии. В 1964 году, например, пришлось дисквалифициро-

вать пожизненно всех игроков сборной СССР по водному поло. Вообще-то багаж спортсменов таможенники досматривают не часто, но если уж досматривают, то всегда «результативно». Когда советская таможня проверила багаж сборной СССР по водному поло (команда возвращалась из Югославии), в нем оказались наркотики, валюта, газовые пистолеты. Это означало, что пойманные с поличным спортсмены являлись фактически контрабандистами, а игра в водное поло постепенно стала для них не более чем маскировкой, «крышей».

В 1984 году одна из таких историй толчила международную огласку. Советских контрабандистов-спортсменов разоблачили таможенники Канады. Они подвергли досмотру багаж двух штангистов, мировых чемпионов и рекордсменов в супертяжелом весе — Писаренко и Курловича. Каждый хотел ввезти в Канаду для продажи несколько килограммов мирабола (анаболического стероида, то есть допинга). Если бы операция по провозу контрабанды прошла удачно, Писаренко и Курлович заработали бы десятки тысяч долларов. Обоих штангистов Спорткомитет СССР дисквалифицировал пожизненно. Однако спустя какое-то время Писаренко с Курловичем (так же как и некоторые ватерполисты сборной СССР 1964 года) были начальством прощены и возвратились в большой спорт.

Свободная продажа анаболиков в СССР запрещена и, следовательно, нельзя приобрести такое количество мирабола, не вступив в контакт с преступной группой аптечных работников. Увы, связь иных спортсменов с уголовным миром не ограничивается делами контрабандными. Едва ли не каждое разоблачение мафиозных кланов, особенно рэкетиров, выявляет все новые и новые имена спортсменов и даже тренеров. Вот как происходили в 1990 году во Владивостоке похороны убитого кем-то главаря местной мафии бывшего хоккеиста Зайцева.

По главной улице ползла колонна из семидесяти автомобилей, двигавшихся друг за другом в строгом соответствии со своей ценой: впереди, сразу за катафалком, следовали новейшие «Тойоты», «Мицубиси» и «Мазды», за ними — другие импортные, но уже менее шикарные модели, и только в конце — несколько

машин отечественных марок. На перекрестках широкоплечие молодые люди в фирменных спортивных костюмах умело блокировали движение, обеспечивая беспрепятственный проезд траурному кортежу. Местного спортивного журналиста поразило присутствие на похоронах многих известных в Приморском крае боксеров, штангистов, борцов — и тех, кто недавно закончил спортивную карьеру, и еще активно действующих.

Поначалу журналист тешил себя надеждой, что это не более чем результат простого любопытства. Однако его иллюзии рассеялись, когда в отделе по борьбе с организованной преступностью краевого управления внутренних дел ему рассказали, что в Приморье сегодня именно спортсмены — наиболее криминализованная часть общества.

О ПОЛЬЗЕ ПОСЛУШАНИЯ

А ВЕДЬ ЕЩЕ в начале перестройки спортсмены считались едва ли не самым надежным и патриотичным отрядом «тружеников страны социализма». Со сталинских времен они чаще, чем представители всех иных профессий, выезжали за рубеж, и на протяжении десятилетий ни один из них не остался за границей. Больше того — многие наши чемпионы и чемпионки, стоя на пьедесталах почета, плакали от счастья, когда в их честь раздавался Государственный гимн СССР. И вдруг — целая вереница спортсменов-невозвращенцев! Летом 1990 года футболисты сборной отказались — в полном составе! — возвращаться домой с итальянского чемпионата мира, пока им не выплатили некоей ранее обещанной суммы (в долларах, разумеется).

Нынешние настроения известных спортсменов отразило сделанное в конце прошлого года в прессе заявление защитника Хидиятуллина, вернувшегося из Франции, где он играл по контракту в футбольной команде «Тулуза». Он сказал интервьюеру, что думает только об одном: как бы заключить с кем-нибудь новый контракт. «Вернулся домой, — жаловался Хидиятуллин, — и опять кому-то что-то надо дать, что-то сунуть. Да нельзя так жить, невозможно! Не знаю, как воспримут мои слова, но у меня сейчас ностальгия по Европе».

Я желаю, конечно, тридцатидвухлетнему Хидиятуллину удачи. Но тут

следует, видимо, сказать, что советский «среднестатистический» футболист отличается от «среднестатистического» западного и южноамериканского по трем параметрам. Во-первых, в детские и юношеские годы, когда его профессиональное будущее еще не определилось, он питается хуже, чем его иностранный сверстник. Во-вторых, наш игрок потребляет, так сказать, «для расслабления» больше спиртного, а главное — худшего качества, чем его зарубежный собрат. Одно накладывается на другое, а третье заключается в неумении многих наших игроков полноценно отдыхать за пределами тренировочных баз. Оттого-то «среднестатистический» советский футболист завершает спортивный путь почти на три года раньше зарубежного коллеги.

В последнее время я часто слышу вопрос: почему Советский Союз при общем своем отставании от развитых стран является в спорте великой державой? Ответ на этот вопрос, мне думается, несложен: в спорте советским гражданам всегда предоставлялась свобода самовыражения. Да и вообще тоталитарные режимы спорту не помеха. Больше того, успехи своих представителей на международной спортивной арене тоталитарная власть воспринимает как демонстрацию мощи государства. Впрочем, в допе-

рестроечный период определенные границы у спортивного самовыражения имелись. Например, талантливые спортсмены получали всюду «зеленую улицу», пока они были полностью конформны идеологически. Или — не вызывали по какой-то причине неудовольствия очередного вождя. А также — если не критиковали публично порядки и нравы спортивного ведомства. Коль скоро эти условия соблюдались, руководители спорта, используя все свои связи, бросались на выручку спортсменам даже тогда, когда те отступали от нормативных правил человеческого сосуществования. Имею в виду пьяные дебоши, драки, изнасилования, автомобильные аварии (с жертвами по вине спортсменов), мелкие кражи в зарубежных магазинах и пр.

Но, как я уже сказал, в ряде случаев спортсменов все-таки наказывали. В марте 1953 года мировая рекордсменка в плавании брассом Гавриш устроила празднование своих именин в день похорон Сталина. В итоге ей не присвоили звание заслуженного мастера спорта, лишили выездов за границу, и редкостный талант Гавриш — «золотой рыбки» советского плавания — вскоре угас.

Всем известно, что репрессирован был центрфорвард «Торпедо» и сборной СССР Стрельцов. Когда он в 1990 году после тяжелой бе-

лезни скончался, редакция «Футбола» попросила меня составить некролог. Его подписали сотрудники «Футбола», но при публикации выпал один абзац. В тексте, который был напечатан, говорилось про то, что знали многие, но о чем на протяжении нескольких десятилетий пресса даже не заикалась. В 1958 году так называемый народный суд приговорил 20-летнего Стрельцова к двенадцати годам лишения свободы. Он отсидел четыре года, хотя вовсе не был виновен в том, в чем обвинял его на закрытых от публики заседаниях прокурор. Опушено же было в журнале (и, видимо, учитывая жанр некролога, — справедливо) следующее место. Стрельцов, писал я, совершил поступок некрасивый (в состоянии подпития он ударил девушку, которая поехала с ним на дачу, приняла участие в выпивке, но в постель ложиться отказалась), однако это был проступок, а не преступление! Суды же — и первичный, так называемый народный, и более высокие кассационные инстанции (куда обращались с протестом на приговор сам Стрельцов и его адвокат, футболисты и тренеры «Торпедо», общественность ЗИЛа) прислушивались вовсе не к закону, а к кремлевскому телефону. Ведь указание покарать Стрельцова шло непосредственно из Кремля. Говорили даже, что на телеграмме, которую

отправил в Кремль отец потерпевшей, обвиняя Стрельцова в изнасиловании девушки, Хрущев начертал: «Сурово наказать негодяя!» И приказ этой главы партии и правительства суды, естественно, выполнили.

В шестидесятые годы не было в Советском Союзе (а пожалуй, и в мире) спортсменов более известных, чем ленинградская ледовая пара Белоусова и Протопопов. Их программы восхищали знатоков и любителей фигурного катания. Правительством награждало Белоусова и Протопопова орденами, по их просьбе Хрущев распорядился построить в Ленинграде Дворец спорта «Юбилейный» с двумя катками из искусственного льда! В газете «Советский спорт» в конце 1990 года сообщалось, что подготовка этих фигуристов обошлась государству в миллион рублей. Белоусова и Протопопов были многократными чемпионами Европы и мира, победителями зимних Олимпиад 1964 и 1968 годов и, наверное, стали бы олимпийскими чемпионами в третий раз, если бы в какой-то момент спортивное руководство СССР не решило остановить их продвижение к новым медалям. А все потому, что Белоусова и Протопопов, избалованные успехом, славой и любовью многочисленных поклонников, утратили чувство реальности или, вернее, опасности.

Случай, после которого началось их стремительное «нисхождение по лестнице, ведущей вверх», произошел 20 марта 1968 года. В этот день они в числе сильнейших фигуристов мира, чемпионов и призеров Гренобльской Олимпиады, совершавших гастрольное турне по Европе, приехали из Ленинграда в Москву, чтобы отсюда улететь в Белград. На вокзале приехавших встречали спортивные функционеры. Зарубежным спортсменам был подан автобус, в который внесли свои вещи Белоусова с Протопоповым, а также другая ленинградская пара — Москвина и Мишин.

Но ввиду того, что советским гражданам возбранялось тогда ездить дома в одних автобусах с иностранцами, чиновник протокольного отдела спортивного ведомства Иванов предложил четверым ленинградцам добраться до гостиницы самостоятельно. Москвина и Мишин восприняли это как должное (и они по сей день вполне благополучно трудятся в фигурном катании — теперь уже в качестве тренеров), а Белоусова и Протопопов ударились

в амбицию. Вот тогда-то Иванов на них грубо накричал: «Убирайтесь отсюда вон! Это автобус для иностранцев!»

Однако, направляясь с вещами к стоянке такси, двукратные олимпийские чемпионы сообщили встретившим их на вокзале руководителям Федерации фигурного катания СССР, что теперь не поедут не только в гостиницу, но и в турне. Скандально! Тем более что в гастрольном шоу Белоусова и Протопопов являлись гвоздем программы, а билеты на все представления были распроданы.

Короче, спортивное начальство поневоле дрогнуло и стало с «золотой парой» мириться. В ксчце концов был выработан, как теперь модно у нас говорить, консенсус: «Комсомольская правда» опубликует письмо Белоусовой и Протопопова с рассказом о происшествии на вокзале, а глава спортивного ведомства накажет Иванова и тех, кто его вовремя не одернул, о чем и будет сообщено в газете. Сказано — сделано! Белоусова и Протопопов улетели в Белград, затем выступали в Лондоне, а в недрах советского спортивного ведомства тем временем было принято негласное решение убрать при первой же возможности из фигурного катания «завнавшихся чемпионов».

С того дня федерация и начала энергично искать замену Белоусовой и Протопопову, продвигая на внутренних соревнованиях, а также всячески рекламируя по телевидению и в прессе другие пары. Еще не догадываясь об этом и окрыленные успехом в борьбе с бестактностью спортивных чиновников, Белоусова и Протопопов предприняли новый демарш. 22 января 1969 года газета «Правда» опубликовала их письмо «Почему нарушен спортивный принцип?», где двукратные олимпийские чемпионы критиковали Спорткомитет, который несправедливо, мол, не включил в состав сборной СССР ленинградского фигуриста Куренбина.

На эту критику Спорткомитет не ответил в печати, но функционеры и судьи фигурного катания (а с ними и некоторые спортивные телекомментаторы и журналисты) получили четкую установку всячески способствовать быстрейшему выдворению Белоусовой и Протопопова из большого спорта. Тогда-то и появились в прессе и в телерепортажах первые сообщения о том, что Белоусова и Протопопов-де растеряли

свои былые качества, не совершают сложные прыжки, не развивают высокие скорости скольжения, да и вообще их романтический стиль катания устарел. Теперь на чемпионатах страны судьи дружно занижали оценки Белоусовой и Протопопову, а федерация фигурного катания перестала посылать их на международные состязания.

Им, правда, предложили компромисс — торжественные проводы на тренерскую работу, но они от этого отказались. Тогда упрямцев сняли со всех видов государственного довольствия: лишили зарплату, а в построенном по просьбе Белоусовой и Протопопова ленинградском Дворце спорта «Юбилейный» перестали арендовать каток для их тренировок. И волено-ноленс прославленным чемпионам пришлось покинуть в расцвете сил и мастерства спорт и перейти на льду...

Я СПРАШИВАЮ себя, останется ли Советский Союз и впредь великой спортивной державой? В декабре 1990 года ТАСС распространил среди двадцати двух крупнейших информационных агентств мира традиционную анкету с просьбой назвать трех лучших спортсменов уходящего года. «Как никогда скромно, — читаем в итоговом сообщении ТАСС, — были представлены в ответах наши спортсмены». А если точно — из двадцати двух анкет лишь в единственной был назван, да и то третьим по счету, советский спортсмен — чемпион мира в классической борьбе супертяжеловес Карелин.

А ведь я помню, что предновогодний опрос этот был в свое время придуман ТАСС ради того, чтобы в списке лучших спортсменов мира на первых позициях сверкали имена советские — Яшина, Куца, Брумеля, Власова, наконец, тех же Белоусовой и Протопопова. Так что же: мы переживаем уже и закат спорта? Я склонен полагать, что, возможно, не все еще потеряно. Не все. Особенно если учесть, что к свободе «самовыражения» спортсменов прибавилась у нас свобода передвижения — стимул новый, но, в сочетании со старым, довольно действенный. Опыт последних матчей футбольной сборной СССР говорит, во всяком случае, о том, что наши «итальянцы» Михайличенко и Алейников, «испанец» Добровольский и «англичанин» Канчельскис игры ей не портят...

«Я не иллюстрирую нынешний день»

Сергей Бароянц — художник, живущий в Киеве. Говорит он по-русски, но сюжеты и живописные ситуации его холстов во многом продиктованы той национально-родовой прапамятью, что так сильна в мироощущении всех армян. Страшные несчастья XX столетия, которые пролегли между двумя веками — турецким геноцидом и разрушительными шквалами стихий — земной и национальной, — рассеяли миллионы армян по всему свету. Диаспора — это не только физическое разобщение, но и поразительное духовное единение, рождающее незримые, но часто гораздо более прочные, чем материальные, связи со своим Отечеством.

История, культура, сама многострадальная земля древней Армении не отпускают художника, диктуют ему темы, композицию и колорит полотен. Трагизм вообще присущ искусству, родившемуся на сожженной солнцем земле, где каждый шаг — преодоление. Он усилился в наше время, обретя оттенок иступленно-противостояния судьбе.

И самый безобидный, казалось бы, жанр — натюрморт — иной раз превращается под кистью Бароянца в полное драматизма повествование о судьбе прародины. Большинство художников работу над натюрмортом объясняют просто: «что вижу — то пишу». Задача для ребенка или гения, в которой преобладает элемент бессознательной случайности. Бароянц подходит иначе — через ассоциации, порой мистические, через соединение несоединимого, неестественную постановку предметов, нарушение пропорций.

Первые его работы тоже были выполнены в этом жанре — Сергей долго остается ему привержен, что редкость для современного художника. Объяснений много: главное, конечно, — особенность дарования. По мнению Бароянца, натюрморт позволяет ему открыть душу, это жанр интимный. С другой стороны, натюрморт разрешал художнику в застойные годы уйти в нишу жанра

от «велений времени» и продемонстрировать некоторую смелость, например, намекал на симпатии к сюрреализму, который официально осуждался и преследовался.

— Я всегда чувствовал за собой особый глаз, — рассказывает Сергей. — С детства знал, что мама — художник Людмила Семькина — подписала какое-то письмо, что я сын «белой вороны». И письмо-то было довольно мирное — обращение к Советскому правительству с просьбой обратить внимание на закрытые процессы над интеллигенцией и национальные притеснения на Украине. Все подписанты были объявлены антисоветчиками, маму исключили из Союза, жилось нам трудно, ее перестали выставлять, хотя она, человек сильный, нашла себя в других жанрах. Сейчас, когда все позади и справедливость восстановлена, мама уже больше известна не как живописец, а как создатель коллекции украинской народной одежды. Что я из семьи антисоветчиков, я услышал впервые от сверстников. Еще в детстве я усвоил, что есть официальное поведение, а есть — домашние разговоры.

И он научился эзопову языку в живописи, поэтому, наверное, его выставляли довольно охотно. Начал выставляться рано, когда еще учился на третьем курсе Киевского государственного художественного института. Профессура не одобряла появления на выставках студенческих работ, издавались даже ректорские запреты, но он учился на отделении монументалистики — там было все проще, это живописные мастерские славились своим оголтелым консерватизмом. Кроме того, монументалистика давала гораздо больше возможностей играть формой, да и здешняя школа ремесла шла еще от Бойчука. Холсты Сергея всегда висели на республиканских выставках в четвертом зале. Было такое негласное деление: первый зал — официоз, второй — трудовые будни, третий — «детский сад» (портреты, пейзажи, женская живопись), а четвертый — форма-

лизм, современное искусство. Там и находили свое место странные для Киева армянские фантазии, дополненные со временем аллегориями, которые после Чернобыля можно отнести не к универсальным, а к украинским. Таковы триптихи «История агрессии» и «Флора на полигоне», картина «Мираж, засуха и пастухи».

— Выставка, где должна была экспонироваться «Флора», открывалась через десять дней после Чернобыля. Я даже хотел снять картину, чтобы не вышло, будто первым откликнулся на трагедию, но стыдно стало, ведь в Худфонд продолжали сдаваться картины на тему мирного атома. Не буду хвалиться, что у меня задолго до Чернобыля возникло предчувствие катастрофы, но ощущение онемевшей черной земли присутствовало. Я видел под Черниговом полигон, и уже тогда сложился образ мертвой природы, изуродованной страшными военными машинами. Сгоревшая трава, опаленные деревья, макеты деревень. Я не придумываю символов из головы, но и не пишу с натуры, перед глазами сама встает картина.

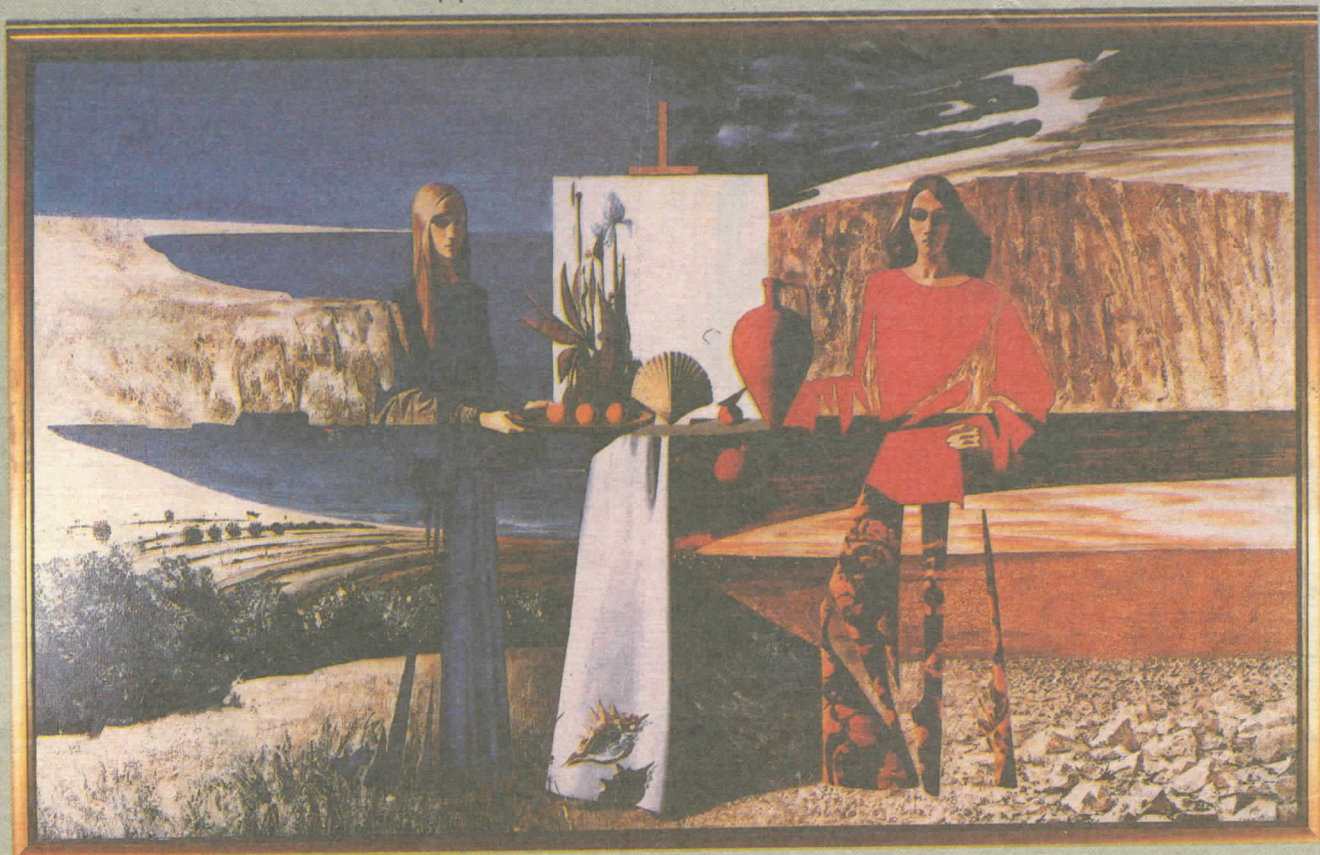
Картины Сергея Бароянца мрачны, и в этом виновато не плохое полиграфическое исполнение, в них действительно много темных цветов: черного, серого, густо-красного, как заляпшавшая кровь. Так сложилось — в его судьбе перекрестились трагедии двух народов, самые страшные трагедии последнего десятилетия: Чернобыль и Карабах. Жизнь художника они напрямую не затронули, но потрясли душу. «Я не иллюстрирую нынешний день», — говорит Сергей, — но куда же от него уйти, ведь он определяет мое мироощущение».

Так и живет: дом — мастерская, не очень весело. Особенно если учесть, что дом — однокомнатная квартира на пятерых. Но не все безнадежно, и так хочется верить, что лучше будет. Помогает работа — он начал новую армянскую серию.

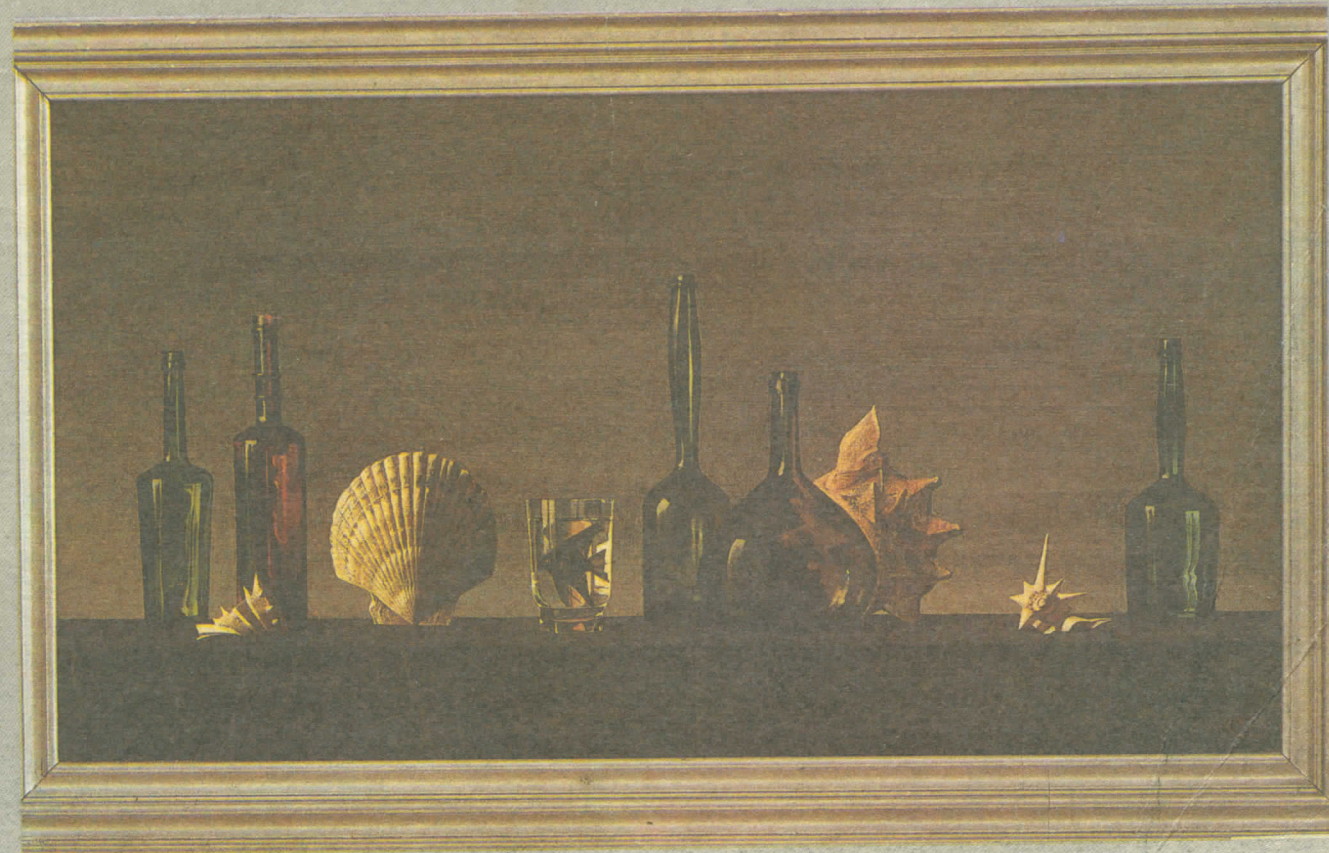
Ирина ЧЕПИК

ХУДОЖНИК СЕРГЕЙ БАРОЯНЦ

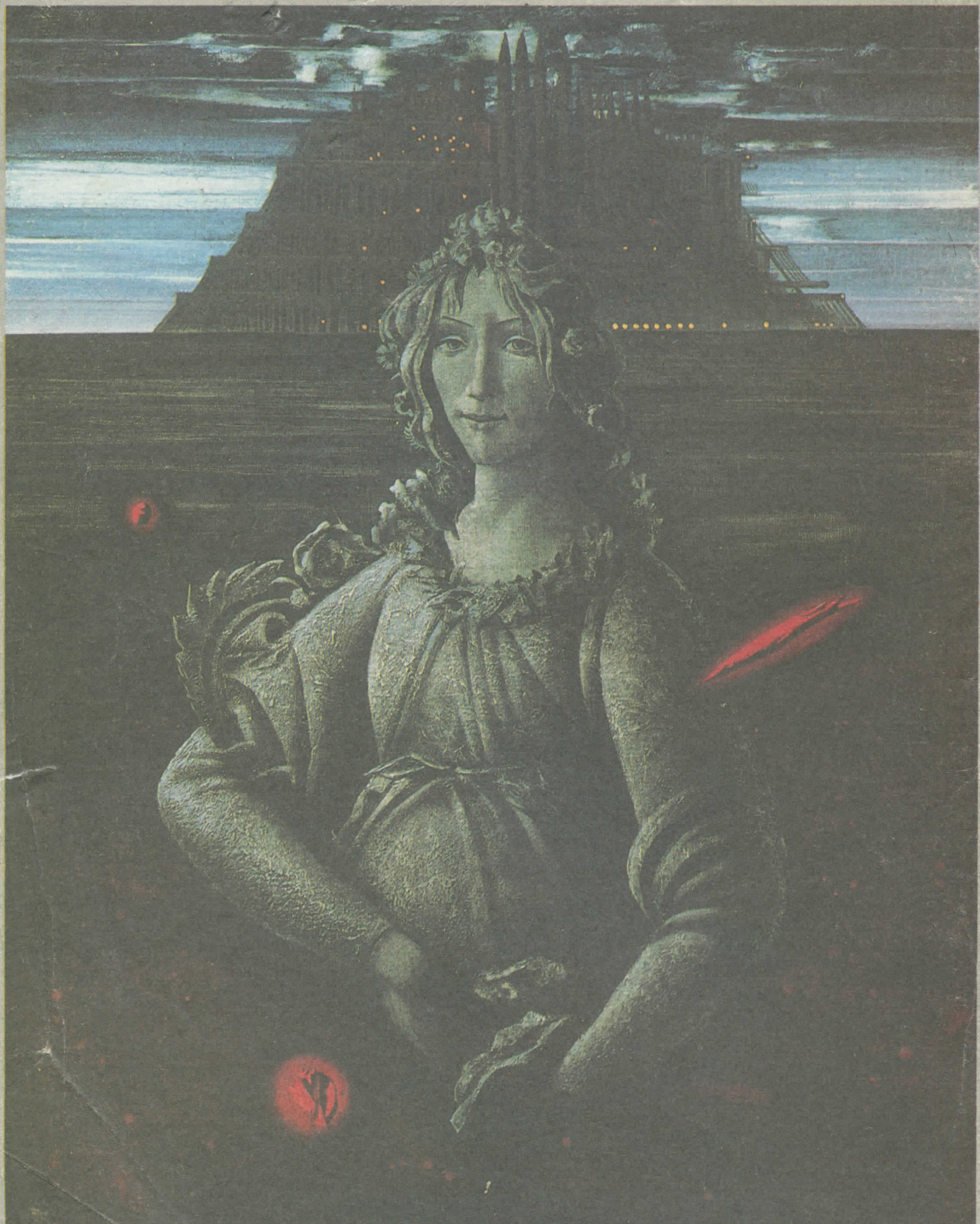

ЗЕМНЫЕ ВОПЛОЩЕНИЯ

НАТЮРМОРТ С ЧЕРНОЙ СКАЛЯРИЕЙ

ФЛОРА НА ПОЛИГОНЕ /ТРИПТИХ. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЧАСТЬ/